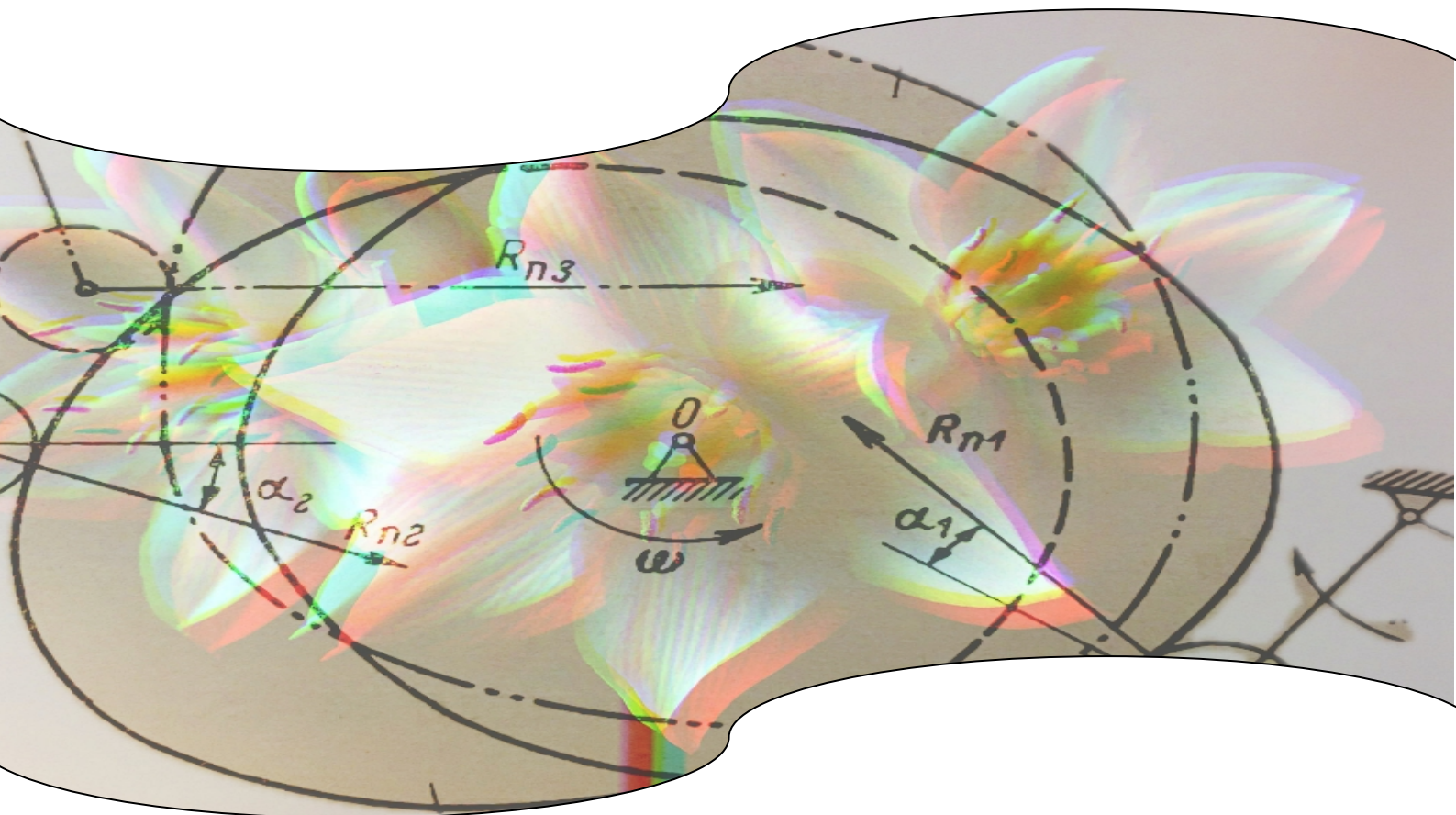

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ
INTERNATIONAL JOURNAL OF CULTURAL RESEARCH

Электронное издание
web-journal

ТЕМА НОМЕРА / The MAIN TOPIC of the ISSUE

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ / PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Журнал является проектом
издательства гуманитарной литературы
«Эйдос»

| Учредитель и издатель |

Издательство «Эйдос»
editor@eidos-books.ru

| Контакты |

Общая редакционная почта
editorial@culturalresearch.ru

Главный редактор
Дмитрий СПИВАК
d.spivak@culturalresearch.ru

Зам. главного редактора
Алина ВЕНКОВА
a.venkova@culturalresearch.ru

Шеф-редактор
Анна КОНЕВА
a.koneva@culturalresearch.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Министерства
связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77–39183 от 17 марта 2010 г.

ISSN 2079–1100

Редакция принимает к публикации материалы широкой гуманитарной направленности: научные и критические статьи, рецензии, обзоры. Все материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом на основании внутренней рецензии. Основными критериями при принятии решения о публикации служат научная новизна, актуальность проблематики, выраженная исследовательская позиция, соответствие высоким академическим стандартам научного текста. Минимальный объем материала — 20 000 знаков. Максимальный — 40 000 знаков. Редакция не знакомит авторов с рецензиями. При отклонении публикации рецензия предоставляется по запросу. Материалы принимаются к публикации только в соответствии с объявленной темой номера. Концепцию текущего номера и тематический план на следующие номера можно найти на главной странице сайта. Предоставляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия редакции и гарантирует, что ни сам материал, ни его части не были опубликованы ни на твердых, ни на электронных носителях, ни в сети Интернет. Автор несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения редколлегии и редакции. Отношения автора и редакции регулируются публичным договором-офертой, опубликованном в разделе «Авторам» официального сайта журнала.

Журнал выпускается исключительно в цифровом (электронном) формате.
Печатные версии журнала не предусмотрены.

International Journal of Cultural Research
is a project of the EIDOS publishing house
of humanitarian literature.

| Founder & Publisher |

PublishingHouse«EIDOS»
editor@eidos-books.ru

| Contacts |

Common e-mail
editorial@culturalresearch.ru

Editor-in-Chief
Dimitri SPIVAK
d.spivak@culturalresearch.ru

Deputy Editor-in-Chief
Alina VENKOVA
a.venkova@culturalresearch.ru

Associate Editor
Anna KONEVA
a.koneva@culturalresearch.ru

International Journal of Cultural Research is registered by Federal Service for Supervision
of Telematic and Mass Communications
Registration № FC 77–39183, March 17, 2010
ISSN 2079–1100

The Editorial Board welcomes a wide range of articles, including scholarly and critical papers, analytical studies, and reviews. All materials undergo peer review by members of the Editorial Board. The basic criteria for publication are scholarly novelty, current subject matter, and adherence to high international academic standards. The Editorial Board does not inform the authors of the results of peer review. However, a copy of the review will be sent to the author upon his/her request, if the paper is rejected for publication. Each issue of the journal has a theme that should be addressed by all texts accepted for publication in the given issue. The theme of the current issue, as well as of the upcoming one, are posted on the main page of the journal website. Upon acceptance, the author will be required to sign a contract for publication. Once the contract is signed, no part of the article or other materials may be published elsewhere in any form or by any means, without prior permission of the publisher. The author is responsible for the accuracy of all information, including facts, citations, historical and sociological data, names, and place names used in the text. Published materials do not necessarily reflect the views of the Editorial Board or the publisher.

The Journal issued only in electronic version. Hardcopy is not provided.

| Редакционный совет |

Анатолий АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН
Россия, Санкт-Петербург
Татьяна АРТЕМЬЕВА
Россия, Санкт-Петербург
Марина БИРЮКОВА
Россия, Санкт-Петербург
Елена БЛИНОВА
Россия, Санкт-Петербург
Татьяна БУКИНА
Россия, Санкт-Петербург
Алексей ВАСИЛЬЕВ
Россия, Москва
Крыстина ВИЛЬКОШЕВСКА
Польша, Краков
Кристоф ВУЛЬФ
Германия, Берлин
Андрей ДЕНИСОВ
Россия, Санкт-Петербург
Валентина ДИАНОВА
Россия, Санкт-Петербург
Шарлин Хэддок СИГФРИД
США, Западный Лафайет
Нина КОЧЕЛЯЕВА
Россия, Москва
Виталий КУРЕННОЙ
Россия, Москва
Армен МАРСУБЯН
США, Нью-Хэвен
Лариса НИКИФОРОВА
Россия, Санкт-Петербург
Джон РАЙДЕР
США, Нью-Йорк
Олег РУМЯНЦЕВ
Россия, Москва
Валерий САВЧУК
Россия, Санкт-Петербург
Ольга САПАНЖА
Россия, Санкт-Петербург
Савелий СЕНДЕРОВИЧ
США, Итака
Альмира УСМАНОВА
Литва, Вильнюс
Николай ХРЕНОВ
Россия, Москва

| Editorial Board |

Dr. Anatoliy ALEKSEEV-APRAKSIN
Russia, St. Petersburg
Dr. Tatiana ARTEMYEVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Marina BIRYUKOVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Elena BLINOVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Tatiana BUKINA
Russia, St. Petersburg
Dr. Gerald CIPRIANI
Ireland, Galway
Dr. Andrey DENISOV
Russia, St. Petersburg
Dr. Valentina DIANOVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Nikolaj KHRENOV
Russia, Moscow
Dr. Nina KOCHELYAEVA
Russia, Moscow
Dr. Vitaly KURENNOY
Russia, Moscow
Dr. Armen MARSOOBIAN
USA, New Haven, Connecticut
Dr. Larisa NIKIFOROVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Almira OUSMANOVA
Lietuva, Vilnius
Dr. John RYDER
USA, New York
Dr. Oleg RUMYANTSEV
Russia, Moscow
Dr. Valerij SAVCHUK
Russia, St. Petersburg
Dr. Olga SAPANZHA
Russia, St. Petersburg
Dr. Savely SENDEROVICH
USA, Ithaca, New York
Dr. Richard SHUSTERMAN
USA, Boca Raton, Florida
Dr. Charlene Haddock SIEGFRIED
USA, West Lafayette, Indiana
Dr. Aleksej VASIL'EV
Russia, Moscow

| Редакционный совет |

Джеральд ЧИПРИАНИ
Ирландия, Голуэй
Ричард ШУСТЕРМАН
США, Бока Рейтон

| Editorial Board |

Dr. Krystyna WILKOSZEWSKA
Poland, Krakow
Dr. Christoph WULF
Germany, Berlin

| Редакция |

Дмитрий СПИВАК
Главный редактор
Россия, Санкт-Петербург
Алина ВЕНКОВА
Заместитель главного редактора
Россия, Санкт-Петербург
Анна КОНЕВА
Шеф-редактор
Россия, Санкт-Петербург
Любовь БУГАЕВА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Елена КАВЕРИНА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Денис СОБОЛЕВ
Редактор
Израиль, Хайфа
Михаил СТЕПАНОВ
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Лариса ФИАЛКОВА
Редактор
Израиль, Хайфа
Андрей ФОМЕНКО
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

| Editorial Team |

Dr. Dimitri SPIVAK
Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg
Dr. Alina VENKOVA
Deputy Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg
Dr. Anna KONEVA
Associate Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Lyubov BUGAEVA
Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Larisa FIALKOVA
Editor
Israel, Haifa
Dr. Andrey N. FOMENKO
Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Elena A. KAVERINA
Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Denis SOBOLEV
Editor
Israel, Haifa
Dr. Mikhail STEPANOV
Editor
Russia, St. Petersburg

Выпуск № 2 (59) 2025:

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ

Приглашенный редактор выпуска:

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

Ответственный редактор:

Алина Владимировна ВЕНКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику
|.....6

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во
времени: историко-семантический
анализ |.....20

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в
эго-документах |.....32

Алексей Александрович НОСКОВ,

Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до
практической эстетики Модерна
|.....42

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической
эстетике в зарубежных исследованиях
XX–XXI века: сравнительный анализ
|.....57

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ,

Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна
практическая эстетика в современной
России? |.....73

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы:
семиотический этюд |.....90

Теория искусства

Олег Владимирович АРОНСОН,

Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм
и чувственность в катакомбных росписях
ранних христиан |.....106

Case Study

Дмитрий Леонидович СПИВАК,

Гюльчохра Надировна СЕИДОВА

| Сопоставительное массовое
исследование религиозных установок
современных россиян. Статья 4:
иудаисты |.....120

Issue # 2 (59) 2025:

PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Guest Editor:
Artem E. RADEEV

Managing Editor:
Alina V. VENKOVA

TABLE OF CONTENTS

Topic of the Issue	
Artem E. RADEEV Rediscovering Practical Aesthetics 6	Vsevolod V. RYBAKOV, Elizaveta Yu. KRAVCHENKO Let's Test It in Practice: How is Practical Aesthetics Possible in Modern Russia? 73
Darya S. VASILINA Aesthetics of the Body or “Beauty Salon” in Time: Historical and Semantic Analysis 20	Zhanna E. VAVILOVA Aesthetics of Inclusive Advertising: a Semiotic Study 90
Tatiana N. SMIRNOVA The Phenomenon of Aestheticization of Everyday Life in Ego-Documents 32	Art Theory
Alexei A. NOSKOV, Igor D. REPIN The Movement from Aesthetics of Enlightenment to the Practical Aesthetics of Modernity 42	
Ekaterina A. STRUGOVA From Aesthetic Theory to Practical Aesthetics in Foreign Studies of the XX-XXI Century: a Comparative Analysis 57	Case Study
	Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens. Paper 4: Judaists 120

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
Институт Философии, кафедра культурологии, философии культуры и эстетики
Доцент, доктор философских наук
ORCID 0000-0002-1105-5512
E-mail: a.radeev@spbu.ru

ПЕРЕОТКРЫВАЯ ПРАКТИЧЕСКУЮ ЭСТЕТИКУ*

В статье ставится вопрос о том, какие особенности практической эстетики можно выделить и как она связана с современной культурой.

Теоретическая эстетика порой представлялась как нечто обособленное от культурных процессов, как нечто существующее и развивающееся самостоятельно. Практическая же эстетика во всем ее многообразии современных подходов строится из тесного взаимодействия эстетической проблематики и современной ей культуры, и это взаимодействие усиливает обе стороны. Практическая эстетика трактуется как общее понятие, включающее в себя различные тенденции собственно практической эстетики, прикладной эстетики, экспериментальной и

прагматической эстетики, которых роднит общее недоверие к эстетике как исключительно теоретической области. Также утверждается, что практической эстетике свойственно вмешательство в существующий порядок структурирования эстетического поля.

Ключевые слова: практическая эстетика, прикладная эстетика, экспериментальная эстетика, прагматическая эстетика, Т. Адорно, И. Кант, А. Баумгартен, К. Г. Мюллер.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

6

Введение

У многих словосочетание «практическая эстетика» вызывает одновременно недоумение и интуитивное понимание, принятие и в то же время внутреннее сопротивление. Проблема тут в том, что существует слишком много проявлений того, что даже на уровне здравого смысла можно обозначить как практическую эстетику. Кто-то скажет, что его переживание или эстетическая оценка вида из окна являются, несомненно, практической эстетикой. Кто-то будет уверять, что он практикует эстетику всякий раз, когда смотрит хороший фильм, читает интересную книгу или слушает тонкую музыку. Кто-то подумает, что практическая эстетика — это правила того, как гармонично обустроить

домашнее пространство. В то же время найдутся и те, кто увидит в словосочетании «практическая эстетика» противоречие в понятии, полагая, что эстетика — это теория, и потому «практическая эстетика» заведомо обречена на неясность и нестрогость. Также будут и те, кто не видит никакой разницы между «практической эстетикой» и «эстетической практикой». Наконец, найдутся и такие, кто каждый раз будет говорить о практической эстетике как о прикладной эстетике (или наоборот), не видя различия между ними.

Иначе говоря, поскольку смыслов «практического» и смыслов «эстетики» существует слишком много, то неизбежно еще больше воз-

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

никает и смыслов того, что можно понимать под «практической эстетикой».

В этой связи задача внести ясность в многообразие того, что понимается под практической эстетикой, представляется полезной как минимум с точки зрения языка, как максимум – с точки зрения смысла. Внести эту ясность можно разными способами, один из действенных – это введение различий, которые помогут раскрыть оттенки мира практической эстетики, проведение разметки смысловой территории, благодаря которой станут заметнее тонкости в понимании того, что же такое практическая эстетика.

Однако речь идет о чем-то большем. Важно не только предложить ряд рабочих определений и различий, гораздо важнее предложить ряд наблюдений о том, как функционирует практическая эстетика в современной культуре, какие проблемы возникают в этом функционировании и какие новые горизонты в отношении эстетики и культуры в этом свете открываются. Теоретическая эстетика иногда представляла себя как нечто отделенное от процессов культуры, нечто существующее и развивающееся само по себе. И одна из гипотез, которую буду отстаивать ниже, состоит в том, что практическая эстетика, напротив, строится на идее тесного взаимодействия эстетической проблематики с современной ей культурой, и что это взаимодействие, возможно, усиливает обе стороны.

**Эстетика: между историей,
теорией и практикой**

Первым различием, которое необходимо удерживать во внимании, когда речь идет о практической эстетике, – это различие на историю, теорию и практику эстетики.

Несмотря на кажущуюся банальность этого различия, есть в нем что-то важное и что-то непременно упускаемое из виду. Если говорят об истории эстетики, то зачастую под нею подразумевают *историю теории* эстетики, а если говорят о теории эстетики, то имеют в виду лишь то, как ею предлагаются те или иные модели осмысления различных феноменов – так, словно никакой практики эстетики не существует.

Однако проблема в том, что одна из уникальностей эстетики – в ее тесном переплетении истории, теории и практики. В свое время среди отечественных исследователей-гуманитариев был распространен афоризм: орнитологи не летают. Как правило, смысл его сводился к тому, что тот, кто преподает или изучает этику, вовсе не должен вести себя этично. По умолчанию подразумевалось, что этот принцип распространяется и на другие области гуманитарных наук, в частности на эстетику. Однако парадокс в том, что теми, кто стоял у истоков эстетики, напротив, заявлялось, что орнитологи обязаны летать, что теория эстетики (в широком смысле слова) тесно связана с ее практикой. Достаточно вспомнить для этого три примера того, как теория и практика эстетики по крайней мере не противопоставлялись друг другу и как формировалось представление о том, что эстетика – это не только теория, но и практика.

Первый пример – А. Баумgarten, автор первого полноценного труда по эстетике. Даже в самом обозначении цели эстетики Баумgarten указывал на ее практическую ориентацию. Цель эстетики – не только познание, «цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового... А это совершенство есть красота»¹.

¹ Баумgarten, А. Г. Эстетика. – М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – С. 45.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

Уже в этом определении видно, насколько эстетика, согласно Баумгартену – это про тех самых «орнитологов, которые летают». Но дело не ограничивается лишь идеей совершенствования. Крайне немаловажно, что Баумгартен выделяет две части эстетики – теоретическую и практическую. Первую часть он связывает, главным образом, с обучением, во втором же случае он предлагает «наиболее выдающийся разряд практических эстетиков удостоить имени поэтов»², хотя с практической эстетикой он связывает также и любые действия, нацеленные на совершенствование вкуса. Кроме того, Баумгартен предлагает целый комплекс эстетических упражнений (под которыми он подразумевал «частое повторение действий»³), а также предлагал практиковать эстетические испытания⁴. Впрочем, проект практической эстетики Баумгартена так и не был завершен, часть «Эстетики» под названием «Практическая эстетика» так и не была написана, но даже из того, что сказано о практике эстетики в теоретической части, очевидно, что Баумгартен отстаивал идею тесного соседства теории эстетики с ее практикой.

Другой пример – один из современников А. Баумгартена, ректор Йенского университета Карл Готхельф Мюллер (1717–1760), который в трактате «Логика и эстетика» предлагает две параллели между логикой и эстетикой. Во-первых, как в логике имеются понятия, суждения и умозаключения, точно так же и в эстетике есть свои эстетические понятия, суждения и умозаключения. Во-вторых, как логика подразумевает свою практику в виде правильного мышления, точно так же существует и «практическое приложение» эстетики в виде «искусства

расширять область истины собственными рассуждениями, или искусство размышления», а также в виде «искусства проверять и утверждать открытые нами истины»⁵. Описание практики эстетики у Мюллера не было разработано с той подробностью, которую мы встречаем (даже в усеченном виде) у Баумгартена, но нам важно то, что эстетика неизменно мыслилась в ее единстве теории и практики.

Третий пример – это эстетическая теория И. Канта. Как правило, с нею связывают теоретическое обоснование вкуса, эстетических суждений, описание того, в каком смысле эстетическое суждение может быть чистым, каковы особенности этого суждения, как соотносится представление о том, что такое прекрасное, с искусством как продуктом гения. Однако было бы ошибкой рассматривать «Критику способности суждения» исключительно как теоретический трактат. Одним из важнейших понятий для третьей «Критики» является понятие *культуры вкуса*. Сам Кант отмечает, что задача этой «Критики» не состоит в развитии этой культуры, что «исследование способности вкуса как эстетической способности суждения проводится здесь не ради формирования и культуры вкуса (этот процесс шел и впредь будет идти и без каких бы то ни было исследований), а лишь в трансцендентальном аспекте»⁶, но уже сама эта оговорка подразумевает, что по крайней мере наравне с аналитикой вкуса существует и ее культура (хотя первое вовсе не обязательно подразумевает влияние на второе). И на протяжении третьей «Критики» Кант постоянно подчеркивает момент культуры вкуса, а также то, что эту культуру необходимо принимать во внимание при аналитике вкуса. Так, Кант убеж-

² Там же. С. 55.³ Там же. С. 60.⁴ Там же. С. 66.⁵ Müller Carl Gotthelf. Logik und Aesthetik. – Jena, bey Joh. Rudolph Crökers seel. Wittwe Ort. 1762. – S. VIII.⁶ Кант, И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – С. 40.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

ден, что в случае с приятным никакой культуры вкуса нет, «приятное не связано с культурой и относится лишь к наслаждению. Напротив, *прекрасное* требует представления о качестве объекта... оно связано с культурой, поскольку одновременно учит обращать внимание на целесообразность в чувстве удовольствия»⁷.

Также Кант вводит и понятие «культуры душевных сил», под которым он понимает то качество, которое «достигается посредством предварительных знаний, называемых *humaniora*, вероятно, потому, что гуманность означает, с одной стороны, общее чувство участливости, с другой – способность быть глубоко искренним в своем сообщении другим о себе»⁸. Культура душевных сил подразумевает взаимодействием с другими субъектами (мы бы сегодня назвали эту культуру интересубъективным пространством), и искусство хорошо выполняет, по Канту, эту задачу: «прекрасное искусство... поднимает культуру душевных сил для сообщения их обществу»⁹. Несмотря на то, что кантовское понимание культуры *de facto* шире понятия культуры вкуса и культуры душевных сил, все же нельзя не признать, что именно через понятие культуры Кант предлагает принять во внимание, что прекрасное и искусство по необходимости подразумевают культуру, понятую как развитие на практике. Таким образом, через обращение к понятию культуры эстетическая теория Канта также подразумевает и практику эстетики.

Несмотря на то, что все три предложенных варианта, с одной стороны, не полностью взаимозаменяемы, а с другой – принадлежат одной интеллектуальной традиции (немецкой метафизике XVIII в.) и потому может показать-

ся поспешным вывод из краткого их обзора, все же необходимо признать, что во всех трех вариантах по-своему обосновывается необходимость тесной связи между теорией и практикой эстетики. Иначе говоря, еще у основателей эстетики подразумевалось (как само собою разумеющееся), что эстетика – это не только ее теория, но и ее практика, однако в силу особенностей развития истории эстетики эта связь ушла в прошлое, и эстетика стала пониматься исключительно как теоретическая дисциплина по осмыслению красоты и искусства. Впрочем, как так получилось, что в истории эстетики ее практическая составляющая на долгое время оказалась если не полностью забытой, то, по крайней мере, сильно трансформированной – предмет отдельного исторического изучения.

Однако есть как минимум три открытых вопроса, которые необходимо осветить при разборе отношения теории и практики эстетики.

Первое – это вопрос о том, в каком же смысле идет речь о практике в случае с эстетикой. Со времен Аристотеля предлагаются разные трактовки практики и не избежать того, чтобы принять какую-то интуитивно близкую ее трактовку. Интуитивно мы понимаем, что эстетика связана не только с размышлением, аналитикой или теорией, что за размышлениями или теорией стоит многообразие эстетических переживаний (на сегодня схватываемых в понятии эстетического опыта), что эстетика является собою практику уже хотя бы потому, что невозможно себе представить эстетический опыт без его испытывания и что в этом минимальном смысле это и есть та самая практика эстетики. В то же время мы интуитивно понимаем, что сводить эстетику только к практике эстетических переживаний неверно – как потому, что эстетика не только занимается аналитикой эстетических переживаний, так и потому,

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 179.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

что форм практики эстетики значительно больше и они далеко не всегда выражаются в непосредственных переживаниях. На то, что под практикой можно понимать любую несозерцательную деятельность, указывает понятие активности, ровно то, что Х. Арендт в одноименной работе¹⁰ называла «*vita activa*», противопоставляя ее «*vita contemplativa*». И хотя Арендт под первым подразумевала конкретные ее формы – труд (работу), создание (изготовление) и действие (поступки), можно допустить, что существуют и менее явные формы этой *vita activa*, и практика эстетики в ее многообразии – одна из них. Иначе говоря, практика эстетики – это различные формы активности, которые эстетика предлагает (или может предложить) помимо чисто созерцательного отношения.

Второе – это вопрос о том, насколько непростым является отношение между теорией и практикой в эстетике. Хочется надеяться, что уже давно принято, что практика – это не просто приложение или применение теории, что отношения между теорией и практикой не являются линейными, что практика и теория не отражают, а искривляют друг друга. Периодические напоминания об этом случаются в гуманитарной сфере, одно из последних и наиболее ярких – небольшая работа Т. Адорно «Маргиналии к теории и практике», которую можно считать парадигмальной для эстетики в разборе ее отношения между теорией и практикой. Адорно предлагает восстать против противопоставления теории и практики – не потому, что это одно и то же, а потому, что в противопоставлении неизбежно один из элементов оказывается доминирующим: когда-то это противопоставление обслуживало «чистоту мышления» и его презрение к практике, «сегодня антитеза

теории и практики снова используется для обличения теории»¹¹. Неизбежно, что различные подозрения в репрессивности теории (в эстетике это принято называть «недовольством эстетикой», «разочарованием в эстетике», «концом эстетики») приводят к такой же репрессивности практики. Отторжение теории приводит, подчеркивает Адорно, не к созданию новой теории, а к появлению различных форм псевдоактивностей, которые есть «практика, которая воспринимает себя тем серьезнее и тем усерднее отгораживается от теории и знания, чем больше теряет связь с объектом и чувство меры»¹². Вывод Адорно, с которым хочется согласиться, – в том, что «теория и практика не являются ни непосредственно едиными, ни абсолютно различными... их отношения носят прерывистый характер. От практики к теории не ведет непрерывный путь»¹³. Другими словами, то, что в эстетике тесно связаны ее теория и практика, говорит о том, что статус этой связи приходится каждый раз уточнять, что теория и практика эстетики сосуществуют в нелинейных отношениях друг с другом. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что теория неизбежно пафосна, в то время как практика неизбежно иронична. Об этой же нелинейности говорит и известный фрагмент из «Фауста» Мефистофеля: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо». Здесь важно не только то, что произносит ее искуситель (пусть и под мантией профессора), чтобы испытать студента, и не только то, что Мефистофель объясняет: «Зачем трудить мозги напрасно? Валяйте лучше напрямик» и призывает нерадивого студента: «Ступайте к дамам в будуар». Куда важнее здесь то, что сама эта

¹⁰ Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.

¹¹ Адорно, Т. В. Маргиналии к теории и практике // URL: <https://liberadio.noblogs.org/?p=3255> (дата обращения: 30.04.2025)

¹² Там же.

¹³ Там же.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

фраза по умолчанию констатирует два несоизмеримых режима – теории и практики (как «древа жизни»). Подытоживая заострение проблемы теории и практики в эстетике, следует отметить, что дело не в том, что на практике всегда все иначе, а в том, что у теории и практики разные режимы существования. Практика эстетики – это *иное* ее теории, которое всячески сопротивляется упрощению ее до применения.

Третье – это вопрос о том, следует ли отличать практику эстетики (или эстетическую практику) от практической эстетики. В известной пьесе Журден удивляется, что вот уже более сорока лет он говорит прозой, при этом, все не зная до этого, что такое проза. Схожим образом и мы можем отличить практику эстетики (как разговаривание прозой) от практической эстетики (как разговаривание прозой, зная, что такое проза и каковы принципы ее построения). Очевидно, что каждый из нас практикует эстетику, т.е. приводит в действительность эстетические переживания, эстетические суждения путем различных форм активностей. Практическая же эстетика – эта та область эстетики, которая одновременно пытается усидеть на двух стульях – как на том, что она объясняет, каковы механизмы практики эстетики, так и на том, что она сама являет собою это практикование на основе предложенных объяснений.

Если все сказанное принять во внимание, то иначе смогут раскрыться не только отношение между теорией и практикой эстетики, но также и отношение с ее историей. История эстетики – это не только история теоретических ее положений, это также и история ее практики, будь то в форме практической эстетики или же в форме той практики эстетики, которая существует без ее теории. Это, в свою очередь, подчеркивает новые нелинейные отношения между историей, теорией и практикой эстетики, вни-

мание к которым и составляет особенность эстетического поля.

Итак, будем считать принятым – если не на уровне обоснования, то хотя бы на уровне рабочей гипотезы – что в эстетике следует принимать во внимание ее триаду «история – теория – практика», при этом, не сводя эстетическую практику к практической эстетике.

П. Л. Капица в докладе «Эксперимент, теория, практика» подчеркивал: «Разрыв между теорией и экспериментом, между теорией и жизнью, между теорией и практикой есть симптомы серьезных нарушений нормального развития науки. То, что у нас сейчас происходит отрыв теоретической науки от жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, недостаточно высокое качество экспериментальных работ, – все это нарушает гармоническое развитие нашей науки»¹⁴. Сказанное относилось к физике, но ровно то же можно сказать и об эстетике: отрыв теории от ее практики, сведение истории к истории теории, неприятие триады «история – теория – практика» в эстетике, но, с другой стороны, если и приятие, то сведение элементов этой триады к простым и линейным их формам – все это тупиковые направления в развитии эстетики как активно развивающейся отрасли философии.

Эстетика:**между фундаментальным и прикладным**

Другим немаловажным различием, необходимым для формирования понимания практической эстетики, является различие между фундаментальной и прикладной эстетикой.

Чтобы объяснить статус прикладной эстетики, сделаем несколько предварительных замечаний.

¹⁴ Капица, П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. Статьи и выступления. – М.: Наука, 1987. – С. 177.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

Первое касается различия в языке. Даже на уровне простого словоупотребления ясно, почему необходимо обратиться к этому различию: слишком часто путают практическое и прикладное. Конечно, основания для этой запутанности есть: зачастую прикладные вопросы неизбежно подразумевают их практическое рассмотрение. Но все же на уровне простой грамотности ясно, что сводить одно к другому нельзя хотя бы потому, что практическому противоположно теоретическое (при учете всех нюансов противопоставления), а прикладному – фундаментальное. Иначе говоря, по крайней мере на уровне языка ясно, что могут существовать фундаментальные проблемы теоретического характера, но могут быть и фундаментальные проблемы в практической эстетике. И на уровне языка мы можем допустить, что прикладная эстетика может быть как теоретической, так и практической.

Из того, что мы можем провести различие в языке, еще не следует необходимость этого различия по смыслу; языковое различие удерживать необходимо, но лишь как условие для понимания.

Другим замечанием о статусе прикладного в эстетике является то, что различие на общие и частные проблемы несводимо к различию между фундаментальным и прикладным. Так, существуют общие фундаментальные проблемы в эстетике, например, что такое эстетический опыт или каково его строение. Существуют, в свою очередь, частные фундаментальные проблемы, например, каковы характеристики эстетического отношения (как одного из моментов эстетического опыта). Как видно, различие между общими и частыми проблемами *количественное*: при определенных условиях любая частная проблема оборачивается общей или наоборот. Более того, у каждой част-

ной проблемы есть своя общая и частная сторона. Например, каково строение эстетического отношения – частная проблема, но у нее есть своя общая сторона (моменты этого строения, вопросы об обосновании этих моментов) и сторона частная (что такое примечательность как важнейшая черта эстетического отношения). Иначе говоря, в случае с различием на общее и частное имеет место детализация. Различие же между фундаментальным и прикладным *качественное*: прикладное подразумевает для своего анализа обращение к особенностям приложения. Прикладное – это не детализация фундаментального, прикладное подразумевает как взаимодействие с фундаментальным, так и учет специфики конкретного предмета приложения. Неучет специфики прикладного ведет к стиранию граней между прикладным и практическим, что неизбежно оборачивается концептуальной путаницей. Впрочем, эта путаница имеет место неспроста: чем более фундаментальной кажется проблема, тем более общий и теоретический характер она носит, а чем более прикладной предстает проблема, тем более практический (общий или частный) характер она принимает (при этом можем допустить, что существуют и теоретические проблемы каких-либо прикладных аспектов).

Если принять, что хотя бы на уровне языка мы различаем фундаментальное и прикладное, теоретическое и практическое, общее и частное, то поле прикладной эстетики (и ее отношение к практической эстетике) станет более отчетливым.

Наконец, третьим замечанием о статусе прикладного в эстетике является то, что проблемы и их решения, которые были предложены в философии, связаны (пусть зачастую и косвенно) с эстетикой. В частности, невозможно говорить о прикладной эстетике, не прини-

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

мая во внимание феномен прикладной философии.

Нельзя сказать, что статус последней очевиден. Отчасти это связано с теми языковыми неразличиями, о которых шла речь выше, но также связано и с тем, что сама область философии довольно широка и в зависимости от ее отраслей приходится говорить в разных смыслах о прикладной философии. Тем не менее, говоря о ней, следует принять во внимание то движение, которое возникло, в основном, благодаря работе Л. Стивенсона «Прикладная философия», в которой он призвал философию быть «релевантной «важным вопросам повседневной жизни»»¹⁵. Затем движение продолжилось в 1980-х гг. в виде создания Общества прикладной философии с целью «продвижения философских исследований, которые имеют непосредственное отношение к областям, представляющим практический интерес»¹⁶. Как обозначает специфику прикладной философии главный редактор «Журнала прикладной философии» Кристофер Беннетт, «прикладная философия... может – и должна – включать в себя множество различных подходов к отношениям между философией и практикой»¹⁷. Как видно, под прикладной философией имеется в виду синтез философской теории и практики. При этом адепты «прикладной философии» всячески подчеркивают дистанцию по отношению к тому, что они называют «чистой философией». Это может выражаться в мягком варианте, который обозначает один из сподвижников прикладной философии К. Липперт-Расмуссен: «Метафорически говоря, чистая философия –

это философия, применяемая к самой себе, то есть к таким философским проблемам, как фундаментальная природа реальности, знание, мораль и так далее, тогда как прикладная философия – это философия, применяемая к нефилософским проблемам в широком смысле»¹⁸. Но также это может выражаться и в более резкой позиции усталости и ненужности чистой философии (что видно по цитированной выше работе Л. Стивенсона). Схожее представление о прикладной философии сформировалось и в отечественных исследованиях (см. работы А. М. Старостина¹⁹ и В. С. Поликарпова²⁰). Можно сделать предварительный вывод, что различные проекты «прикладной философии» исходят из идеи применения теории к практике, раскрытия деталей теорий на конкретных примерах. В этом отношении «прикладное» мало отличается от «практического».

В области прикладной же эстетики сформировалось как минимум три различных тенденции.

Первая связана с обучением выразительности человеческого тела, что нашло отражение в «Курсе прикладной эстетики» артиста и вокального педагога Фраснуа Дельсарт (1811–1871). Сам Дельсарт не оставил письменного изложения «прикладной эстетики», курс остался лишь в воспоминаниях учеников и последователей, которые называли Дельсарт не иначе как «Ньютоном эстетики». Это был теоретический курс для музыкантов и певцов, в котором

¹⁵ Stevenson, L. Applied Philosophy // *Metaphilosophy*. 1970. Vol. 1. № 3. July 1970. P. 258.

¹⁶ Bennett, C. Foreword // *A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. XVI.

¹⁷ Ibid. P. XVIII.

¹⁸ Lippert-Rasmussen, K. The Nature of Applied Philosophy // *A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. 3.

¹⁹ Старостин, А. М. *Summa Philosophiae* в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. – 576 с.

²⁰ Поликарпов, В.С. *Прикладная философия: учебное пособие для магистрантов и аспирантов*. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 297 с.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

сочетались знания по эстетике, физиологии, психологии и онтологии: «Я преподавал эстетику, психологию и онтологию, предлагая таким образом поднять хотя бы некоторых артистов на высоту их миссии и сделать их способными однажды вернуть театру здравые понятия об искусстве»²¹. Как видно из описания, это были занятия по практической эстетике, ориентированной, главным образом, на исполнителей. Схожее понимание «прикладной эстетики» (пусть и не всегда так называемой) можно встретить и у многих последующих педагогов, а также в проекте «эстетического воспитания», предложенного еще Ф. Шиллером и активно развиваемым по сию пору.

Другая тенденция схожа с описанной выше «прикладной философией», ибо под прикладной эстетикой в этом случае понимается приложение тех или иных эстетических проблем или постулатов к конкретному материалу. Особенностью же прикладной эстетики в данном случае является то, что само различие на фундаментальное и прикладное в случае с эстетикой выглядит несколько иначе, ибо даже традиционную философию искусства можно представить как сочетание фундаментального и прикладного на конкретном примере. Это также хорошо отметил Д. Дэвис: «Если мы оперируем идеей, что философская область исследования является «прикладной» в той мере, в какой она занимается «конкретными», «практическими» или «актуальными» вопросами, то, вероятно, философия искусства в целом является «прикладной»²². В этом же контексте возможно го-

ворить о таких ветвях прикладной эстетики, как эстетика дизайна и эстетика окружающей среды.

Существует и третья тенденция внутри прикладной эстетики – та, которая связана с предоставлением о том, что существуют эстетические услуги, которые возможно предоставлять по запросу клиента. Данное понимание прикладной эстетики нашло свое выражение в области эстетической медицины (эстетика лица, эстетическая стоматология, антивозрастная эстетика и др.), а также в области сферы услуг (салоны красоты в широком смысле слова). В России также существует ФГОС «Прикладная эстетика», согласно которому ее основной вид деятельности – это «эстетические услуги профилактического ухода за внешностью человека в разные возрастные периоды жизни».

Все три варианта современного измерения прикладной эстетики (как исполнительская практика, как применение философско-эстетических вопросов к конкретным феноменам; как предоставление эстетических услуг) во многом развиваются независимо друг от друга. Насколько необходимо целостное представление о развитии прикладной эстетики – вопрос открытый, но по крайней мере можно сказать, что практическая эстетика все же не сводима к прикладной эстетике, несмотря на общие точки соприкосновения между ними.

Современные практические эстетики

Существуют еще как минимум три направления в эстетике, которые также связаны с практической эстетикой.

Первое – это экспериментальная эстетика (иногда с ней связывается и эмпирическая эстетика), в основе которой лежит предположение, что, во-первых, на эстетические переживания влияют различные факторы, и, во-вторых,

²¹ Цит. по: Hoover, B. *The Aesthetic System of François Delsarte and Richard Wagner: Catholicism, Romanticism, and Ancient Music*. – Cambridge University Press, 2025. – P. 22.

²² Davies, D. *Applied Aesthetics // A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. 487.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

возможно контролируемое наблюдение за особенностями этого переживания у его субъекта. Для экспериментальной эстетики важен эксперимент, но не столько как мыслительный (как это зачастую бывает в философии), сколько как реальный эксперимент с конкретной задачей (что, конечно же, не отменяет возможностей мыслительных эстетических экспериментов). Впервые о том, что возможны реальные эстетические эксперименты, заговорил еще А. Баумгартен, развивая идею об «эстетическом испытании», но более подробно экспериментальную эстетику развивал Г. Фехнер. При этом, как и в случае с прикладной эстетикой, экспериментальная эстетика отчасти связана и с движением за экспериментальную философию, ставшем особенно популярным во второй половине XX в.²³

В случае с экспериментальной эстетикой стали очевидными два разных типа эксперимента, которые ею предлагались. Первый тип – это эксперимент с точки зрения обнаружения проверяемых данных. Так, Г. Фехнер настаивал, что именно через эксперимент возможно обосновать наличие золотого сечения как принципа эстетического переживания. Современный адепт экспериментальной эстетики А. Мескин в описании и проведении своих экспериментов с кофе показывал, что моральные предпочтения никак не влияют на эстетический вкус и что нет никакого согласия в отношении вкусовых оценок у разных людей²⁴. Однако есть и иной тип

экспериментов, которые предлагает экспериментальная эстетика – не поиск проверяемых данных, а проблематизация и возможное расширение собственных эстетических убеждений и переживаний. Когда такие эксперименты случаются, то их эффектом становится предложение реципиенту возможности уделить большее внимание собственным эстетическим переживаниям. В этом, втором типе экспериментов экспериментальная эстетика является неотъемлемой частью практики.

Две других вариации современной практической эстетики можно лишь обозначить, поскольку их бытование хорошо раскрыто в иных исследованиях. Это, прежде всего, сама практическая эстетика во всем ее многообразии – от исследований Г. Земпера до современных отечественных и зарубежных работ по практической эстетике. Но также нельзя не назвать, что прагматическая эстетика (от Дж. Дьюи до Р. Шустермана) с ее идеей улучшения, воздействия на субъект и приведения в гармонию различных эстетических переживаний во многом ориентируется на практическую составляющую: линия водораздела прагматической эстетики с традиционной пролегает именно в убеждении, что сам анализ эстетического опыта, искусства или эстетики повседневности имеет смысл именно в том случае, если подразумевается совершенствование (субъекта или области применения).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что существует как минимум два смысловых оттенка в понятии практической эстетики, которые следует удерживать при обращении к ней.

Первый смысл легко вывести из сказанного выше и связан он с тем, что практическая

²³ Обзор различных направлений в экспериментальной философии см.: Тимошенко, Т. В., Скрипник, К.Д. Экспериментальная философия: проблема интуиции // Южный полус. Исследования по истории современной западной философии. 2020, Том 6 (1-2). URL: <http://spolejournal.ru/assets/volumes/vol-6-cover/6-4.pdf> (дата обращения: 30.04.2025)

²⁴ Meskin, A., Liao, S. Experimental Philosophy of Aesthetics as Public Philosophy // *Advances in Experimental Philos-*

ophy of Aesthetics. Ed. By F. Cova and S. Rehault. London: Bloomsbury, 2018. P. 309–326.

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

эстетика – это общее понятие, включающее в себя различные тенденции собственно практической эстетики, прикладной эстетики, экспериментальной и прагматической эстетики, которые роднит общее недоверие к эстетике как исключительно теоретической области.

Другой смысл менее очевиден и представляет собою скорее открытую проблему, чем готовое ее решение. Что может предложить практическая эстетика современной культуре?

Исходя из сказанного выше, несложно заметить, что практическая эстетика во многом посвящена изучению влияния эстетических факторов на повседневную жизнь, включая восприятие окружающей среды, культурные практики и эмоциональные реакции людей. Практическая эстетика сочетает элементы философии, психологии, социологии и дизайна, позволяя комплексно исследовать взаимодействие человека с миром эстетических переживаний. То многообразие практических эстетик, о которых шла речь выше, позволяет с умеренным оптимизмом утверждать, что потребность в практической эстетике в современной культуре постепенно возрастает. Из приведенного выше обзора можно заметить, что во всех названных направлениях эстетики речь идет о предположении, что именно через обращение к практике возможно найти иные смыслы, возможно раскрыть нечто иное в совокупном эстетическом поле, к которому мы все так или иначе причастны в современной культуре. Практическая эстетика – это не только контртеоретический жест, это предположение иного. Когда Т. Адорно создавал свой «Жаргон подлинности», он отдельно подчеркивал, что этот проект – «практическое вмешательство в общественный порядок». Возможно ли аналогичным образом отнестись к практической эстетике как практическому вмешательству в существующий

порядок структурирования эстетического поля? Завет практической эстетики: «Идите и практикуйте» еще никогда не был столь явно замечен, как в наши дни.

Список литературы

- Баумгартен, А. Г. Эстетика. – М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 760 с.
- Müller Carl Gotthelf. Logik und Aesthetik. – Jena, bey Joh. Rudolph Crökers seel. Wittwe Ort. 1762. – 133 s.
- Кант, И. Критика способности суждения. — М.: Искусство, 1994. — 367 с.
- Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.
- Адорно, Т. В. Маргиналии к теории и практике // URL: <https://liberadio.noblogs.org/?p=3255> (дата обращения: 30.04.2025)
- Капица, П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. Статьи и выступления. – М.: Наука, 1987. – 496 с.
- Stevenson, L. Applied Philosophy // Metaphilosophy. 1970. Vol. 1. № 3. July 1970. P. 258–267.
- Bennett, C. Foreword // A Companion to Applied Philosophy. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. XVI–XVIII.
- Lippert-Rasmussen, K. The Nature of Applied Philosophy // A Companion to Applied Philosophy. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. 3–17.
- Старостин, А. М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. – 576 с.
- Поликарпов, В.С. Прикладная философия: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 297 с.
- Hoover, B. The Aesthetic System of François Delsarte and Richard Wagner: Catholicism, Romanticism, and Ancient Music. – Cambridge University Press, 2025. – 78 p.
- Davies, D. Applied Aesthetics // A Companion to Applied Philosophy. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen,

Артем Евгеньевич РАДЕЕВ

| Переоткрывая практическую эстетику |

Kimberley Brownlee, and David Coady. – Wiley Blackwell, 2017. – P. 487–500.

Тимошенко, Т. В., Скрипник, К.Д. Экспериментальная философия: проблема интуиции // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2020, Том 6 (1-2). URL: <http://spolejournal.ru/assets/volumes/vol-6-cover/6-4.pdf> (дата обращения: 30.04.2025)

Meskin, A., Liao S. Experimental Philosophy of Aesthetics as Public Philosophy // Advances in Experimental Philosophy of Aesthetics. Ed. By F. Cova and S. Rehault. London: Bloomsbury, 2018. P. 309–326.

Artem E. RADEEV

| Rediscovering Practical Aesthetics |

Artem E. RADEEV

Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
Institute of Philosophy
Doctor of Science (in Philosophy), Associate Professor
ORCID 0000-0002-1105-5512
E-mail: a.radeev@spbu.ru

REDISCOVERING PRACTICAL AESTHETICS *

The article raises the question of what features of practical aesthetics can be distinguished and how it is related to contemporary culture. Theoretical aesthetics was sometimes presented as something separate from cultural processes, as something existing and developing independently. Practical aesthetics, in all its diversity of contemporary approaches, is built on the close interaction of aesthetic issues and contemporary culture, and this interaction strengthens both sides. Practical aesthetics is interpreted as a general concept that includes various trends in practical aesthetics proper, applied aesthetics, experimental and pragmatic aesthetics, which share a common distrust of aesthetics as an ex-

clusively theoretical field. It is also argued that practical aesthetics is characterized by interference with the existing order of structuring the aesthetic field.

Keywords: practical aesthetics, applied aesthetics, experimental aesthetics, pragmatic aesthetics, T. Adorno, I. Kant, A. Baumgarten, K.G. Müller.

The study was supported by grant No. 25-28-00685 from the Russian Science Foundation, "Principles and Strategy for the Development of Practical Aesthetics," <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

References

Baumgarten, A. (2021). *Estetika* [Aesthetics]. Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo. (In Russian)

Müller, Carl Gotthelf (1762). *Logik und Aesthetik*. Jena, bey Joh. Rudolph Crökers seel. Wittwe Ort.

Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgement]. Izdatel'stvo Iskusstvo. (In Russian)

Arendt, H. (2017). *Vita activa, ili O deyatelnoi zhizni* [Vita Activa or On Human Condition]. Izdatel'stvo Ad Marginem. (In Russian)

Adorno, T. W. (1969). *Marginalii k teorii i praktike* [Marginalia to Theory and Praxis] // URL: <https://liberadio.noblogs.org/?p=3255> (In Russian)

Kapitsa, P. L. (1987). *Eksperiment. Teoriya. Praktika. Statii i vystupleniya* [Experiment. Theory. Practice. Articles and presentations]. Izdatel'stvo Nauka. (In Russian)

Stevenson, L. (1970). Applied Philosophy. *Metaphilosophy*. Vol. 1. № 3. July 1970, 258–267.

Bennett, C. (2017) Foreword. *A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. Wiley Blackwell, XVI–XVIII.

Lippert-Rasmussen, K. (2017). The Nature of Applied Philosophy. *A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. Wiley Blackwell, 3–17.

Starostin, A. M. (2014). *Summa Philosophiae v prikladnom izmerenii* [Summa Philosophiae in applied light]. Izdatel'stvo Donizdat. (In Russian)

Polikarpov, V. S. (2017). *Prikladnaya filosofiya. Uchebnoe izdanie dlya magistrantov i aspirantov* [Applied Philosophy. A Handbook for masters and PhD students]. Izdatel'stvo Yuzhnogo Federalnogo Universiteta. (In Russian)

Hoover, B. (2025). *The Aesthetic System of François Delsarte and Richard Wagner: Catholicism, Romanticism, and Ancient Music*. Cambridge University Press.

Artem E. RADEEV

| Rediscovering Practical Aesthetics |

Davies, D. (2017). Applied Aesthetics *A Companion to Applied Philosophy*. Ed. By Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee, and David Coady. Wiley Blackwell, 487–500.

Timoshenko, T. V., Skripnik, K. D. (2020). Eksperimentalnaya filosofiya: problema intuicii [Experimental Philosophy: A problem of intuition]. *Yuzhnyi polus. Issledovaniya po istorii sovremennoi zapadnoi filosofii*. Tom 6 (1-2). URL: <http://spolejournal.ru/assets/volumes/vol-6-cover/6-4.pdf>

Meskin A., Liao, S. (2018). Experimental Philosophy of Aesthetics as Public Philosophy. *Advances in Experimental Philosophy of Aesthetics*. Ed. By F. Cova and S. Rehault. London: Bloomsbury, 309–326.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
450001, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
Доцент кафедры культурологии и социально-экономических дисциплин
Кандидат педагогических наук
ORCID 0000-0002-1743-5209
E-mail: vasis365@yandex.ru

ЭСТЕТИКА ТЕЛА ИЛИ «САЛОН КРАСОТЫ» ВО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Вопросы эстетики человеческого тела, его украшения и преображения во все времена вызывали интерес у представителей естественнонаучных, гуманитарных наук, а также представляли источник исследования с позиции философии, культурологии, истории, антропологии, этнографии, психологии, искусствоведения, социологии. Сегодня наблюдается множественность и разноплановость в подходах к их рассмотрению не только на уровне обыденного, массового, но и на уровне конкретно-научного познания. Многое зависит от отношения к телесным практикам, к самому телу в каждую культурную эпоху. Несмотря на то, что внешность человека обусловлена наследственной информацией, переданной от предков, в течение жизни, она претерпевает разнообразные изменения по собственному желанию или в связи с возникшими обстоятельствами. Так, люди наносят на тело модные «украшения» (татуировки, шрамы, пирсинг), которые становятся с каждым годом все более популярными. И это не только современная тенденция: в прошлом люди были готовы на все ради эстетики тела. Поэтому своеобразные «салоны красоты» существовали и функционировали на протяжении всей истории развития человечества. Их эволюцию можно проследить от примитивных праобразов до современных инновационных стандартов.

Вопросы эстетики человеческого тела, его украшения и преображения во все времена вызывали интерес у представителей естественнонаучных, гуманитарных наук, представляя источник исследования с позиции

С давних времен шрамы, татуировки, пирсинг выступали частью культуры, выполняли информационное послание: служили знаком показа представителя рода или племени (позволяли отличать «своего» от «чужого», «другого»); являлись меткой для предостережения (например, выделяли людей, совершивших преступления); выступали знаком награды, показывали подвиги и победы носителя; демонстрировали принадлежность человека к чему-либо или к кому-либо (к профессиональной деятельности, к военному делу, а также служили для рабов отметкой владельца); защищали места на теле с рисунками от злых духов (вместе с тем, и все тело от влияния враждебной силы, магии); являлись атрибутом красоты тела. В статье сделана попытка проследить эволюцию эстетики тела путем рассмотрения нескольких эстетических процедур (татуирования, пирсинга, шрамирования) и проведения историко-семантического анализа. Именно в этих «украшениях тела» заложены глубокие историко-семантические основы, которые сохранились до наших дней: историко-культурные, религиозные, социальные и индивидуализированные.

Ключевые слова: эстетика, красота тела, татуирование, шрамирование, скарификация, пирсинг, салон красоты, клеймирование, семантика, эволюция красоты, индустрия красоты.

философии, культурологии, истории, антропологии, этнографии, психологии, искусствоведения, социологии. История и культура демонстрируют множественность и разноплановость в подходах к их рассмотрению не только на

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

уровне обыденного, массового, но и на уровне конкретно-научного познания. Все зависит от отношения к телесным практикам, к самому телу в каждую культурную эпоху: так, в один исторический период человеческое тело – это образец красоты и символ гармонии, а в другой – сосредоточие греховности¹. Тем не менее, осмысление функций внешности, выработка идеалов красоты, определение уродства тела рассматривались на протяжении многовековой истории. Философами, богословами и художниками (в широком значении), в дальнейшем психологами, социологами и культурологами рассматривалась внешность человека с точки зрения своей исследуемой области. И это несмотря на то, что существовали периоды «негласного запрета на высказывания соображений о значимости внешности и физической привлекательности, на создание работ по данной тематике, даже на ведение подобных размышлений»².

Поскольку обозначенная тематика входит в спектр исследований различных научных областей, то следует признать: внешний облик человека оказывает существенное влияние на формирование суждений о нем. Внешность человека обусловлена наследственной информацией, переданной от предков; это первейший индивидуализирующий признак. Однако в течение жизни (либо по собственному желанию, либо в связи с возникшими обстоятельствами)

она претерпевает разнообразные изменения³. Так, люди наносят на тело модные «украшения» (татуировки, шрамы, пирсинг), которым придается «символическое значение»⁴. Хотя с точки зрения медицины, они рассматриваются в качестве увечий, травм.

В погоне за соответствием идеологическим и эстетическим стандартам красоты человек готов пойти на любые жертвы: коррекцию фигуры, изменение формы груди, увеличение губ, установку виниров, омоложение лица... Все эти процедуры становятся с каждым годом все более популярными. И это не только современная тенденция. И в прошлом люди были готовы на все ради эстетики тела.

Своеобразные «салоны красоты» существовали и функционировали на протяжении всей истории развития человечества. Безусловно, в прошлом они представляли собой далеко не современные заведения, предлагающие широкий спектр услуг по уходу за внешностью. Их эволюцию можно проследить от примитивных праобразов до инновационных. Но этот долгий путь от древних истоков до современной эпохи свидетельствует об их важности для людей всех поколений. Попробуем его проследить путем рассмотрения нескольких эстетических процедур (татуирования, пирсинга, шрамирования) и провести историко-семантический анализ.

Зарождение эстетики тела, его украшения произошло в эпоху первобытности: с «открытием природных красок» человек обратил свой взор на их связь с мистическим, религиозным миром. Разнообразие мотивов, нанесенных

¹ Лебедева, А. В. Телесность как основание и феномен культуры: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2006. – 27 с.

² Гриднева, Е. А., Бухранова, Т. С. Тело как знак личности // Коммуникативистика XXI века: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 марта 2010 г. – Нижний Новгород: Нижегородский филиал НИУ ВШЭ, 2010. – С. 84–87.

³ Фаустова, А. Г. Историческая динамика представлений о человеческом теле, внешности и физической привлекательности / А. Г. Фаустова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2013. – № 1 (1). – С. 35–55.

⁴ Шамаева, Ю. Ю. Украшения тела человека: функциональный анализ // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – № 4 (11). – С. 1176–1178.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

на тело, отражало эстетическое ощущение человека и выступало в качестве средства самовыражения. В этом проявлялся синкретизм: объединение человека с окружающим миром, с Космосом, с животным и растительным пространством. Со временем символика украшения тела менялась, приобретая религиозное предназначение (использовалось для проведения религиозных ритуалов, заклинания духов), демонстрируя принадлежность людей к определенным социальным группам и выполняя знак отличия родовых общин. Однако такие рисунки были непродолжительными, и их приходилось постоянно возобновлять.

Долго мог сохраниться только рисунок, нанесенный «под кожу». Так возникли первые прототипы татуировок, которые использовали для украшения тела соплеменников народы Малой Азии, Древней Европы, Южной Америки (V в. до н.э.), используя для этого «впечатляющий набор инструментов – ножи, долото, рыбы кости, акулий зуб»⁵. Примером их широкого распространения служит мумия Этци, на которой обнаружено более 60 татуировок, выполненных примерно 5300 лет назад (в бронзовом веке). Процесс татуирования в данном случае был связан с социализацией индивида, поскольку многие первобытные народы использовали его в прикладном плане. Так, эскимосами и чукчами татуировки накладывались на все тело (начиная от пяток, заканчивая затылком), что считалось спасением для кожи от обморожений⁶.

В античности татуирование не было распространено среди граждан, но его применяли в

качестве обозначения рабов (им ставили клейма). В Древней Японии татуировка являлась отметкой преступника. В Средневековой Европе (преимущественно, во Франции) татуировкой отмечали «падшую» женщину. В Европе первые упоминания о татуировках встречаются в XVIII в.: во время проведения ярмарок «люди с татуировками демонстрировали свое тело»⁷.

Эти примеры демонстрируют процесс диссоциализации, при котором «метка» наносилась в качестве наказания, а ее носитель условно осуждался обществом. В России проявлялось аналогичное отношение: с XIV в. стало применяться клеймение, а с конца XVIII в., татуировка с меткой – это обязательное условие жизни преступников⁸. К XIX в. преступники стали не просто основными их носителями, но и смогли сделать их своим «фирменным знаком»⁹. Семантическое значение таких татуировок заключалось в показе принадлежности человека к конкретной преступной общности, демонстрации лидерства носителя, шифровании тайного языка при общении.

Однако отношение к татуировкам было не только негативным. В России Петр I, как многие моряки, имел наколку (выглядела как боевой топор), а его солдаты на запястье – крест и личный номер (так солдата можно было легко опознавать). Николай II на спине «выколол»

⁷ Филатова, С. В. Энциклопедия татуировок. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 556 с.

⁸ Корецкий, Д. А., Тулегенов, В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 153.

⁹ Никонорова, Д. В. Исторический аспект изучения татуировки / Д. В. Никонорова, А. Ю. Попова // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2013. – № 1(9). – С. 82-84.

⁵ Танака, Э. Модный татуаж, пирсинг, боди-арт. – Ростов на Дону: Феникс, 2004. – 185 с.

⁶ Народы Северо-Востока Сибири: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нивхи, чуванцы, чукчи, эскимосы, юкагиры / Отв. ред.: Е. П. Батянова, В. А. Тураев. – М.: Наука, 2010. – 772 с.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

дракона¹⁰ (как символ силы, магической и духовной власти), а в годы его правления был открыт первый в стране «Салон художественной татуировки».

В России с 90-х гг. XX в. татуировки стали проникать в молодежную культуру, что было связано с появлением быстрого доступа к источникам информации, а также с популяризацией тату представителями шоу-бизнеса, киноиндустрии и области спорта. Кроме того, популярность татуировок была обусловлена интересом российской молодежи к западноевропейской культуре. О широком их распространении говорят статистические данные: по данным опроса Guardian, «54 миллиона жителей Евросоюза обладают татуировками»¹¹; в России татуировки есть «у трети населения, что представляет примерно 49 миллионов человек; по численности людей с тату Российская Федерация находится на тринадцатом месте в мире»¹². В настоящее время татуирование переживает бурное развитие, что приводит к функционированию большого количества тату-салонов.

Татуирование решает различные семантические задачи: маркирующую (показывает принадлежность человека к определенной группе); ритуально-социализирующую (сопровождает проведение обрядов); апотропическую (оберегает носителя); эстетическую. В разные эпохи, в разных социальных условиях эти функциональные предназначения могли стано-

виться главенствующими¹³: первоначально татуировки выступали как этнический маркер (выделяли «своих» представителей рода или племени), затем они выбрали магическую силу, и, наконец, приобрели декоративно-эстетический характер (семантически современные татуировки считаются олицетворением свободы, креативности и индивидуализации собственного тела). Хотя зачастую татуировки вбирают несколько значений одновременно.

И эти значения не прекратили свое существование. Так, у этнической группы маори (возникла при миграции полинезийских племен) вожди покрывают свое тело татуировками с ног до головы¹⁴. На Самоа (аналогично и на многих других островах Полинезии) жители украшают тела татуировками в виде стилизованных узоров, передающихся столетиями из поколения в поколение. Мужчины наносят «татау» (сложные геометрические рисунки, размещенные от коленей до ребер), девушки «малу» (от коленей до бедер)¹⁵. Японские аборигены айны по татуировкам на лице женщины определяют семейное положение и количество ее детей. На территории Южной и Центральной Америки малочисленные народы используют татуировки «земе» (изображения демонов). У кельтов Каледонии (из Северной Шотландии) татуировки представляют собой сложные узоры на теле, состоящие из независимых элементов или образующие композиции. В них вкладывается глубокий смысл: вера, семья, дружба, личностные качества носителя. Темнокожие племена Африки выполняют татуировки в виде

¹⁰ Стечкин, А. Галерея тату // За решеткой. – 2003. – № 3. – С. 12.

¹¹ *UK to investigate tattoo ink health risks after EU ban*. The Guardian. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.theguardian.com/fashion/2022/jan/05/uk-investigate-tattoo-ink-health-risk-after-eu-ban>.

¹² Данные опроса об отношении россиян к татуировкам // Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu> (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Гурьянова, М. В. Модное тело: переосмысление телесности в вестиментарной моде сквозь призму дискурса господина // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 4 (33). – С. 224–232.

¹⁴ Suthren, V. (2000). *To Go Upon Discovery: James Cook and Canada, from 1758 to 1779*. Toronto, Dundurn, 177.

¹⁵ Field, M. (2006). *Black Saturday: New Zealand's Tragic Blunders in Samoa*. Auckland, N. Z., Reed Publishing.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

шрамов: «рубцевые разрастания, которые подкрашиваются веществами темного цвета»¹⁶. На острове Борнео татуировки являются частью культуры племени даяков: при проведении ритуала «bejalai», символизирующего переход ко взрослой жизни и инициацию, наносятся рисунки животных и элементы растительных орнаментов. И этот список можно продолжать...

Обратимся к еще одному способу самовыражения, подчеркивающему индивидуальность человека, пирсингу. Исследователи считают, что возникновение пирсинга относится к Древнему Египту, а «судя по человеческим останкам его практика насчитывает около 25000 лет»¹⁷. По древнеегипетским канонам, пирсинг в области пупка, несколько проколов мочек могли иметь только представители царской семьи и жрецы (т.е. это был своеобразный показ принадлежности к роду фараона). В Древнем Риме проколы мочки уха служили символами материального благополучия человека. Центурионы пирсингом на груди демонстрировали показ отваги и мужества, а также использовали эти колечки для поддержки своей накидки. Пиратам золотой пирсинг служил «вкладом на будущее»: при «кораблекрушении украшения вернут их тело на поверхность и послужат платой за похороны в случае внезапной смерти»¹⁸.

Первыми устанавливать тоннели в губы и мочки ушей стали представители масаи (Кения, Танзания). Для этого ими до сих пор используются деревянные палки, которые постепенно расширяют диаметр проколов. Со временем вместо палки вешают тяжелые украшения,

вес которых вытягивает мочки ушей (размеры могут доходить до плеч). В ритуал заложен глубокий смысл: длинная мочка считается показателем красоты.

Проколы языков использовались древними ацтеками и племенами Северной Америки. Их семантика была проста: пирсинг языка устанавливал связь с высшими силами (богами) и обеспечивал их милость.

Первые описания пирсинга носа относятся к 1500 году до н.э. (Индия). Прокол крыла носа осуществляли мужчины (водители), обозначая таким способом высокий статус. Материалом для вставок служили бусины или ракушки, чуть позже замененные на кольца. Однако на этом значение пирсинга не заканчивалась: «В Индии он был связан и с Лакшми – богиней удачи, процветания, благополучия, жизненной силы. Девушкам прокалывали левое крыло носа перед первой брачной ночью; считалось, что таким образом ее брак будет крепким, а в семье в скором времени будет пополнение. Мужчины перед брачной церемонией прокалывали себе нос для повышения мужской силы. Септум (носовую перегородку между ноздрями или прокол между хрящом и перегородкой) могли проколоть себе только замужние дамы. Украшение показывало их статус»¹⁹. Кроме того, индуисты долгие тысячелетия прокалывают кожу небольшими крючками, считая этот обряд защитой от оспы и возданием почестей богам.

На территории Европы мужчины начали носить украшения в виде серьги с XVI в., а женщины – с XVII в. Популярность пирсинга ушей завершилась XVIII в., что было связано с ростом заболеваний (проколы зачастую выполняли в антисанитарных условиях). И только в

¹⁶ Танака, Э. Модный татуаж, пирсинг, боди-арт. – Ростов на Дону: Феникс, 2004. – 185 с.

¹⁷ Benedict, P. K. (1972). *Sino-Tibetan: A Conspectus*. Cambridge, Cambridge University Press.

¹⁸ Иванов, Ю. Н. Магические и ритуальные татуировки. Пирсинг: история, технология, дизайн / Ю. Н. Иванов, Э. З. Якуцевич. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 219 с.

¹⁹ Раш, Дж. Э. История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантов / пер. с англ. И. Н. Вышеславцевой. – СПб.: Весь, 2011. – 192 с.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

середине XX в. мода вернулась: Елизавета II на коронации продемонстрировала на себе пару сережек (1953 г.).

Пирсинг в разных видах распространился в Европе и Америке благодаря хиппи, побывавшим в странах Азии. В 1975 г. был открыт первый пирсинг-салон «Gauntlet» (г. Лос-Анджелес) Дж. Уордом (прозванным впоследствии «отцом современного пирсинга»). Постепенно в 90-е гг. XX в. пирсинг стал популярным среди панков, анархистов, стрейтэджеров; проник в рок и поп-культуру.

В настоящее время пирсинг не является символом протеста или показателем принадлежности к субкультурам. Это аксессуар многих известных инфлюенсеров и модников. Однако в обществе все еще встречаются запреты на определенные виды пирсинга (в некоторых профессиональных сферах и в учебных заведениях). А самым распространенным можно считать пирсинг уха.

Необычным способом самовыражения, подчеркивающим индивидуальность человека, является шрамирование. Скарификация или шрамирование является «распространенным видом соматических модификаций, заключающимся в нанесении шрамов на кожные покровы в рамках достижения эстетических, ритуальных или социальных норм»²⁰. Методы скарификации разнообразны: от выполнения небольших по размеру насечек до глубоких или специально приподнятых шрамов. Дополнительный объем шрамов достигается за счет применения разнообразных наполнителей (натуральных красителей, сажи, пепла, пуха, тертой кости).

Происхождение скарификации имеет дискуссионный характер. Во-первых, согласно

антропологии, символическую трепанацию как вид культурной модификации тела можно считать предшественником скарификации²¹. Во-вторых, опосредованно происхождение скарификации подтверждено ее описанием в мифологических системах: так, в мифологии народа бамбара описано, что «шрамирование лица было придумано женщиной-первопредком Мусо Корони, чтобы узнавать друг друга»²². В-третьих, «История» Геродота (середина I тыс. до н.э.) содержит описание процесса шрамирования, связанного с ритуальным кровопусканием и повреждением кожного покрова человека. На территории Австралии «у аборигенов, проживавших на берегах реки Муррей, зафиксирован обычай нанесения на лицо вдовам шрамов (как траурный символ)»²³. В-четвертых, «шрамы должны были ритуально воспроизводить увечья в результате трудовой деятельности»²⁴. Ее подтверждение можно найти у европейских практиков XIX в.: искусственно созданные шрамы выступали имитацией ран, полученных на дуэли. В-пятых, скарификация рассматривается «как имитация действий, совершающихся над телом умершего»²⁵. В-шестых, скарификация возникла «как альтернатива татуировке у народов с более темной пигментацией кожи»²⁶. В-седьмых, согласно биологической «Теории

²¹ Медникова, М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетей, 2004. – 208 с.

²² Котляр, Е. С. Миф и сказка Африки (Исследования по фольклору и мифологии). – М.: Наука, 1975. – 244 с.

²³ Кэтлин, Д., Перрон, Д. Среди дикарей: у американских индейцев. У австралийских дикарей. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1876. – 439 с.

²⁴ Столяр, А. Д. Триста веков искусства. Искусство европейской части СССР / А. Д. Столяр, А. А. Формозов, Я. В. Доманский, М. И. Артамонов. – М.: Искусство, 1976. – 218 с.

²⁵ Элькин, А. Коренное население Австралии / пер. с англ. Л. Я. Бровика и В.П. Михайлова. – Москва: Изд-во иностранной лит., 1952. – 247 с.

²⁶ Львова, Э. С. Этнография Африки. – М.: Издательство МГУ, 1984. – 244 с.

²⁰ Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / Сост. Ю. С. Осипов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 8 – 1012 с.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

гандикапа», «гены самцов могут сохранять не-
нужные для выживания признаки (гриву у
львов, хвост у павлинов); поэтому шрамы могут
подчеркивать выносливость, способность вы-
держать опасную болезненную операцию, при-
влекать представителей противоположного по-
ла»²⁷.

Шрамирование имеет глубокие социаль-
но-культурные корни, а его история уходит за
тысячелетия. Согласно археологическим наход-
кам и культурологическим исследованиям, на
территории Африки оно «существовало еще в
доисторические времена; использовалось как
ритуал посвящения, знак зрелости, средство
коммуникации и идентификации в рамках пле-
мени»²⁸. Его быстрое распространение на кон-
тиненте было связано с тем, что шрамы на тем-
ной коже заметны, в отличие от татуировок.

В разных африканских культурах скари-
фикация имеет различное внешнее выражение и
несет в себе особый смысл. Все виды такого
узора имеют сакральное значение, раскрываю-
щее своего носителя (происхождение, статус).
Так, у мужчин племени нуэр (Южный Судан)
«шрамы на лбу и лицах мужчин символизируют
их мужество и готовность к бою»²⁹; это иден-
тификационный знак для определения клана и
родовой группы. Женщины динка того же реги-
она проходят через шрамирование для демон-

страции готовности к браку (может вытерпеть
боль – значит, готова к семейной жизни).

Изначально по видам шрамов люди
определяли членов племен и народов, а в даль-
нейшем процесс скарификации на теле стал для
них важным ритуалом. Шрамы и рубцы, их
узоры приобрели различные символы, зачастую
связанные с культом и определенными боже-
ствами. В эпоху Средневековья шрамами клей-
мили преступников, рабов и пьяниц так, чтобы
их видели издали (отметку ставили на откры-
тых частях тела).

В настоящее время скарификация среди
народов и племен на территории Африки не яв-
ляется распространенной. Данную традицию
сменили современные формы самовыражения
(к примеру, черные и разноцветные татуировки,
разные виды пирсинга). Но все еще есть племе-
на, где шрамирование – важная часть культуры:
племена сури (Эфиопия, Судан), топоса, нуэр и
динка (Южный Судан), дагомба (Гана).

Семантика скарификации заключается в
маркировке и формировании идентичности, а
также в визуальном показе возрастных, соци-
альных, этнических групп, семейных статусов.
Например, ритуалы инициации у нуэров с дей-
ствиями шрамирования (Восточная Африка)
«отличают их культуру и придают нуэрам...
чувство превосходства...»³⁰. Кроме того, шра-
мы выполняют защитную, эстетическую и ри-
туальную функции (особенно в обрядах «пере-
хода», в которых некоторые этнические группы
– например, календжин в Кении – скарифика-
цию осуществляют детям 5–6 лет). Древняя
традиция скарификации и в настоящее время
распространена на территории Африки (среди
нилотов, народов сара и куба) и Филиппин

²⁷ Zahavi, A. (1999). *The Handicap Principle: A Missing Piece of Darwin's Puzzle*. Oxford, Oxford University Press. 304 p.

²⁸ Кипреев, С. Н. Шрамирование и пирсинг как инозем-
ные явления враждебные традиционному русскому обра-
зу // Grand Altai Research & Education. – 2024. – № 1 (21).
– С. 112–124.

²⁹ Берсенин, Н. А. Телесные модификации: от традиции к
современности // Новые контуры социальной реальности:
материалы Всероссийской научно-практической конфе-
ренции, Ставрополь, 16 ноября 2020 года. – Ставрополь:
Северо-Кавказский федеральный университет, 2020. –
С. 27–29.

³⁰ Эванс-Причард, Э. История антропологической мысли /
пер. с англ. А. Л. Елфимова. – М.: Восточная литература,
2003. – 358 с.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

(аэта). Но к шрамированию обращаются не только традиционные общества: в XXI в. эта эстетическая процедура применяется наравне с татуировками и пирсингом; это добровольный выбор, позволяющий «обрести внутреннюю свободу от предрассудков и стереотипов»³¹. Искусный шрам на теле может представлять собой настоящее произведение боди-искусства.

Таким образом, эстетика тела, искусство его украшения были распространены по всему миру. У каждого народа существовали свои традиции и символика. С давних времен шрамы, татуировки, пирсинг выступали частью культуры, выполняли информационное послание:

- служили знаком показа представителя рода или племени (позволяли отличать «своего» от «чужого», «другого»);
- являлись меткой для предостережения (например, выделяли людей, совершивших преступления);
- выступали знаком награды, показывали подвиги и победы носителя;
- демонстрировали принадлежность человека к чему-либо или к кому-либо (к профессиональной деятельности, к военному делу, а также служили для рабов отметкой владельца);
- защищали места с рисунками от злых духов (вместе с тем, и все тело от влияния враждебной силы, магии);
- являлись атрибутом красоты тела.

Кроме того, в этих украшениях тела заложены глубокие историко-семантические основы, которые сохранились до наших дней:

1. Историко-культурные через традиционное использование определенных узоров или образов, которые характерны для культуры

конкретного народа, региона, профессиональной сферы и т.п.

2. Религиозные посредством включения их в религиозные культы. Они не демонстрируются всем, поскольку затрагивает связь земного мира с миром сакральным.

3. Социальные для демонстрации принадлежности носителей к определенным социальным группам (формальным и неформальным).

4. Индивидуализации посредством самовыражения носителя через образы «украшения» тела³². Выбор рисунка для украшения может указывать на амбициозность человека.

Татуирование, пирсинг, шрамирование можно рассматривать в качестве направлений искусства. Однако в некоторых культурах эти украшения до сих пор считаются необходимостью, указывая на статус в обществе, на принадлежность к определенному роду, религиозному течению и профессии. В настоящее время бурное развитие индустрии красоты тела, современные технологии, популярность искусства украшения тела, целенаправленная работа средств массовой информации в этом направлении открывают перед каждым человеком невероятные возможности для самовыражения.

Список литературы

Лебедева, А. В. Телесность как основание и феномен культуры: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2006. – 27 с.

Гриднева, Е. А., Бухранова, Т. С. Тело как знак личности // Коммуникативистика XXI века: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 марта 2010 г. – Нижний Новгород:

³¹ Дорожкин, А. С. Телесные модификации: к вопросу терминологии // Искусство и культура. – 2018. – № 2 (30). – С. 77–80.

³² Конева, А. В. Мода: презентация индивидуальности и коды идентификации // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – № 1. – С. 138–142.

Дарья Сергеевна ВАСИЛИНА

| Эстетика тела или «салон красоты» во времени: историко-семантический анализ |

Нижегородский филиал НИУ ВШЭ, 2010. – С. 84–87.

Фаустова, А. Г. Историческая динамика представлений о человеческом теле, внешности и физической привлекательности / А. Г. Фаустова // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. – 2013. – № 1 (1). – С. 35–55.

Шамаева, Ю. Ю. Украшения тела человека: функциональный анализ // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. – 2014. – № 4 (11). – С. 1176–1178.

Танака, Э. Модный татуаж, пирсинг, боди-арт. – Ростов на Дону: Феникс, 2004. – 185 с.

Народы Северо-Востока Сибири: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нивхи, чуканцы, чукчи, эскимосы, юкагиры / Отв. ред.: Е. П. Батянова, В. А. Тураев. – М.: Наука, 2010. – 772 с.

Филатова, С. В. Энциклопедия татуировок. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 556 с.

Корецкий, Д. А., Тулегенов, В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 240 с.

Никонорова, Д. В. Исторический аспект изучения татуировки / Д. В. Никонорова, А. Ю. Попова // *Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия: *Stadia Historica Jenium*. – 2013. – № 1(9). – С. 82–84.

Гурьянова, М. В. Модное тело: переосмысление телесности в вестиментарной моде сквозь призму дискурса господина // *Международный журнал исследований культуры*. – 2018. – № 4 (33). – С. 224–232.

Suthren, V. (2000). *To Go Upon Discovery: James Cook and Canada, from 1758 to 1779*. Toronto, Dundurn.

Field, M. (2006). *Black Saturday: New Zealand's Tragic Blunders in Samoa*. Auckland, N.Z., Reed Publishing.

Benedict, P. K. (1972). *Sino-Tibetan: A Conspectus*. Cambridge, Cambridge University Press.

Иванов, Ю. Н. Магические и ритуальные татуировки. Пирсинг: история, технология, дизайн /

Ю. Н. Иванов, Э. З. Якуцевич. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 219 с.

Раш, Дж. Э. История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантов / пер. с англ. И. Н. Вышеславцевой. – СПб.: Весь, 2011. – 192 с.

Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / Сост. Ю. С. Осипов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 8 – 1012 с.

Медникова, М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетейя, 2004. – 208 с.

Котляр, Е. С. Миф и сказка Африки (Исследования по фольклору и мифологии). – М.: Наука, 1975. – 244 с.

Кэтлин, Д., Перрон, Д. Среди дикарей: у американских индейцев. У австралийских дикарей. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1876. – 439 с.

Столяр, А. Д. Триста веков искусства. Искусство европейской части СССР / А. Д. Столяр, А. А. Формозов, Я. В. Доманский, М. И. Артамонов. – М.: Искусство, 1976. – 218 с.

Элькин, А. Коренное население Австралии / пер. с англ. Л. Я. Бровика и В. П. Михайлова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – 247 с.

Львова, Э. С. Этнография Африки. – М.: Издательство МГУ, 1984. – 244 с.

Zahavi, A. (1999). *The Handicap Principle*. Oxford, Oxford University Press.

Берсенин, Н. А. Телесные модификации: от традиции к современности // *Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции*, Ставрополь, 16 ноября 2020 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2020. – С. 27–29.

Эванс-Причард, Э. История антропологической мысли / пер. с англ. А. Л. Елфимова. – М.: Восточная литература, 2003. – 358 с.

Дорожкин, А. С. Телесные модификации: к вопросу терминологии // *Искусство и культура*. – 2018. – № 2 (30). – С. 77–80.

Конева, А. В. Мода: презентация индивидуальности и коды идентификации // *Международный журнал исследований культуры*. – 2010. – № 1 (1). – С. 138–142.

Darya S. VASILINA

| Aesthetics of the Body or “Beauty Salon” in Time: Historical and Semantic Analysis |

Darya S. VASILINA

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
3a, Oktyabrskaya revoliutsii str., Ufa, 450001 Russian Federation
Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Socio-Economic Disciplines
PhD (in Pedagogical Sciences)
ORCID 0000-0002-1743-5209
E-mail: vasis365@yandex.ru

AESTHETICS OF THE BODY OR “BEAUTY SALON” IN TIME: HISTORICAL AND SEMANTIC ANALYSIS

The aesthetics of the human body, its adornment and transformation have always been of interest to representatives of the natural sciences and humanities, as well as a source of research from the standpoint of philosophy, cultural studies, history, anthropology, ethnography, psychology, art history, and sociology. Today, there is a multiplicity and diversity in approaches to their consideration not only at the level of everyday, mass, but also at the level of concrete scientific knowledge. A lot depends on the attitude to bodily practices, to the body itself in each cultural epoch. Despite the fact that a person's appearance is determined by hereditary information passed down from their ancestors during their lifetime, they undergo various changes on their own or due to circumstances. So, people put fashionable “decorations” on their bodies (tattoos, scars, piercings), which are becoming more and more popular every year. And this is not only a modern trend: in the past, people were willing to do anything for the aesthetics of the body. Therefore, peculiar “beauty salons” have existed and functioned throughout the history of human development. Their evolution can be traced from primitive archetypes to modern innovative ones.

Since ancient times, scars, tattoos, and piercings have been part of culture, serving as an informational

message: they served as a sign of showing a representative of a clan or tribe (they allowed them to distinguish “their own” from “someone else's” or “other”); they were a warning mark (for example, they singled out people who committed crimes); they served as a sign of reward, showed exploits, and the bearer's victories; demonstrated a person's belonging to something or someone (to professional activities, to military affairs, and also served as the owner's mark for slaves); protected places on the body with drawings from evil spirits (at the same time, the whole body from the influence of hostile forces, magic); were an attribute body beauty. The article attempts to trace the evolution of body aesthetics by considering several aesthetic procedures (tattooing, piercing, scarring) and conducting historical and semantic analysis. It is in these “body decorations” that deep historical and semantic foundations are laid, which have survived to the present day: historical, cultural, religious, social and individualized.

Keywords: aesthetics, body beauty, tattooing, scarification, piercing, beauty salon, branding, semantics, beauty evolution, beauty industry.

References

Lebedeva, A. V. (2006). *Telesnost kak osnovanie i fenomen kulturi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Physicality as a Foundation and Phenomenon of Culture: Abstract of the Dissertation for the Degree of PhD]. [Dissertation

of the Candidate of PhD, St. Petersburg State University]. The National Electronic Library. 27 p. (In Russian)

Gridneva, E. A., Bukhanova, T. S. (2010). Telo kak znak lichnosti [The body as a sign of personality]. In *Kommunikativistika XXI veka: perspektivi razvitiya sotsialno-gumanitarnogo znaniya: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19 marta 2010 g.* [Communication studies of the 21st century: prospects for the development of social and humanitarian

Darya S. VASILINA

| Aesthetics of the Body or "Beauty Salon" in Time: Historical and Semantic Analysis |

knowledge: proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, March 19, 2010] (pp. 84-87). Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskii filial NIU VShE. (In Russian)

Faustova, A. G. (2013). Istoricheskaya dinamika predstavlenii o chelovecheskom tele, vneshnosti i fizicheskoi privlekatelnosti [Historical Performance of Ideas about the Human Body, Appearance and Physical Attractiveness]. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, (1), 35-55.

Shamaeva, Yu. Y. (2014). Ukrasheniya tela cheloveka: funktsionalnii analiz [Adornments of the Human Body: A Functional Analysis]. *Bulletin of Medical Internet conferences*, 4 (11), 1176-1178. (In Russian)

Tanaka, E. (2004). *Modnii tatuazh, pirsing, bodi-art* [Fashionable Tattooing, Piercing, Body Art]. Rostov-on-Don, Feniks. 185 p. (In Russian)

Batyanova, E. P., Turaev, V. A. (Eds.). (2010). *Narodi Severo-Vostoka Sibiri: aini, aleuti, itelmeni, kamchadali, kereki, koryaki, nivkhi, chuvantsi, chukchi, eskimosi, yukagiri* [Peoples of the North-East of Siberia: Ainu, Aleut, Itelmen, Kamchadals, Koryaks, Koryaks, Nivkhs, Chuvans, Chukchi, Eskimos, Yukaghirs]. Moscow, Nauka. 772 p. (In Russian)

Filatova, S. V. (2013). *Entsiklopediya tatuirovok* [Encyclopedia of Tattoos]. Moscow, RIPOL klassik. 556 p. (In Russian)

Koretsky, D. A., Tulegenov, V. V. (2006). *Kriminalnaya subkultura i yee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal Subculture and Its Criminological Significance]. St. Petersburg, Law Center Press. 240 p. (In Russian)

Nikonorova D. V., Popova A. Yu. (2013). Istoricheskii aspekt izucheniya tatuirovki [The historical aspect of studying tattoos]. *Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studia historica juvenum*, 1 (9), 82-84. (In Russian)

Guryanova, M. V. (2018). Modnoe telo: pereosmyslenie telesnosti v vestimentarnoi mode skvoz prizmu diskursa gospodina [The Fashion Body: Reconsidering of Corporeality in the Field of Vestimentary Fashion Through the Discourse of the Master]. *International Journal of Cultural Research*, 4 (33), 224-232. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00077 (In Russian)

Suthren, V. (2000). *To Go Upon Discovery: James Cook and Canada, from 1758 to 1779*. Toronto, Dundurn. 224 p.

Field, M. (2006). *Black Saturday: New Zealand's Tragic Blunders in Samoa*. Auckland, N.Z., Reed Publishing. 228 p.

Benedict, P. K. (1972). *Sino-Tibetan: A Conspectus*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p.

Ivanov, Yu. N. (2006). *Magical and Ritual Tattoos. Piercing: History, Technology, Design*. Rostov-on-Don, Feniks. 219 p. (In Russian)

Rush, J. A. (2011). *Istoriya kulturi tatuirovok, pirsinga, skarifikatsii, kleimeniya i vzhivleniya implantov* [Cultural History of Tattoos, Piercings, Scarification, Branding and Implantation of Implants]. (I. N. Visheslavtseva, Trans.). St. Petersburg, Ves. 192 p. (In Russian)

Osipov, Yu. S., et al. (Eds.). (2007). *Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. (1st ed., Vol. 8). Moscow, Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya. 768 p. (In Russian)

Mednikova, M. B. (2004). *Trepanatsii v drevnem mire i kult golovi* [Trepanations in the Ancient World and the Cult of the Head]. Moscow, Aleteiya. 208 p. (In Russian)

Kotlyar, E. S. (1975). *Mif i skazka Afriki (Issledovaniya po folkloru i mifologii)* [Myth and Fairy Tale of Africa (Studies on Folklore and Mythology)]. Moscow, Nauka. 244 p. (In Russian)

Kathleen, D., Perron, P. (1876). *Among the Savages: Among the American Indians. The Australian Savages*. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya polza". (In Russian)

Stolyar, A. D. (1976). *Three Hundred Centuries of Art. The Art of the European Part of the USSR* (A. D. Stolyar, A. A. Formozov, Ya. V. Domansky, M. I. Artamonov, Eds.). Moscow, Iskusstvo. (In Russian)

Elkin, A. (1952). *Korennoe naselenie Avstralii* [The Indigenous Population of Australia] (L. Ya. Brovik, V. P. Mikhailov, Trans.). Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literature. 247 p. (In Russian)

Lvova, E. S. (1984). *Etnografiya Afriki* [Ethnography of Africa]. Moscow, Izdatelstvo MGU. 244 p. (In Russian)

Zahavi, A. (1999). *The Handicap Principle*. Oxford, Oxford University Press. 304 p.

Darya S. VASILINA

| Aesthetics of the Body or “Beauty Salon” in Time: Historical and Semantic Analysis |

Bersenin, N. A. (2020). Telesnie modifikatsii: ot traditsii k sovremennosti [Bodily Modifications: From Tradition to Modernity]. In D. A. Lushnikov (Ed.), *Novie konturi sotsialnoi realnosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Stavropol, 16 noyabrya 2020 goda* [New Contours of Social Reality: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Stavropol, November 16, 2020] (pp. 27-29). Stavropol, Severo-Kavkazskii federalnii universitet. (In Russian)

Evans-Pritchard, E. (2003). *Istoriya antropologicheskoi misli* [The History of Anthropological Thought] (A. L. Elfimov, Trans.). Moscow, Vostochnaya literatura. 358 p. (In Russian)

Dorozhkin, A. S. (2018). Telesnie modifikatsii: k voprosu terminologii [Bodily Modifications: To the Issue of Terminology]. *Art and Culture*, 2 (30), 77–80. (In Russian)

Koneva, A. V. (2010). Moda: prezentatsiya individualnosti i kodi identifikatsii [Fashion: Presentation of Individuality and Identity Codes]. *International Journal of Cultural Research*, 1 (1), 138-142. (In Russian).

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
Кафедра истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, доцент
Кандидат философских наук
ORCID: 0000-0003-3961-8644
E-mail: smirnova.tatiana@urfu.ru

ФЕНОМЕН ЭСТЕТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

В статье рассматривается феномен эстетизации повседневной жизни, и то, как этот феномен обозначается в эго-документах. Эго-документы – это личные нарративы, письменно или устно зафиксированные события жизни отдельного человека, с определённой рефлексией, субъективной оценкой происходящего. В статье рассматриваются этапы становления понятия эго-документ, рассмотрены признаки эго-документа, его характерные черты, а также, основные темы и проблемы исследования эго-документов. Для философского исследования точное и объективное изложение происходящих событий не является главной задачей и смыслом существования эго-документов, наоборот, субъективный взгляд, рефлексия, личное отношение к событиям несёт особую ценность для исследователя. Эстетизация как отношение к миру, преобразует реальность, согласно взглядам и принципам автора. Проблема эстетизации повседневности, с расширением предметного поля эстетики, становится предметом изучения современной науки. Эстетизация повседневного в эго-документах рассматривается как один из примеров фиксации субъективного опыта, более того, эстетизация понимается как трансформация реальности под влиянием культурных, социальных и художественных процессов.

Эго-документы, или документы личного происхождения, в последние годы всё больше привлекают к себе внимание учёных со всего мира, в том числе и отечественных. Эго-документы – это такие личные материалы, как автобиографии, дневники, мемуары, закрепляющие в письменном виде события повседневной жизни пишущего. В широ-

В процессе эстетизации происходит ценностное осмысление окружающей действительности с точки зрения искусства, художественного стиля и его элементов, придание неэстетической реальности эстетической ценности. Для иллюстрации обозначенных заключений рассматривается эго-документальное и художественное творчество поэта Геннадия Айги. Его автобиографические нарративы (записки, интервью, вступительные статьи к своим циклам, написанные в мемуарном стиле) тесно связаны с его поэзией. Автобиографические нарративы и поэзия Айги вдохновлены друг другом, в рефлексии повседневности в эго-документах угадываются черты его поэзии. Фиксируя события в скорее мемуарном, нежели дневниковом стиле, так как эта фиксация происходит спустя время, Айги прибегает к эстетизации повседневности в своём собственном, неповторимом стиле, через собственный художественный мир.

Ключевые слова: эго-документ, автобиография, нарратив, эстетизация, мемуары, повседневность, герменевтика, прикладная эстетика, эстетический опыт, Геннадий Айги.

ком смысле эго-документами могут считаться также такие личные источники, как интервью, блог, видео-дневник и т.п. В современном мире, где фиксацию событий жизни реализуют множество людей с доступом к интернету, есть тенденция фиксировать происходящие события. Но мир интернет-блогов существует по своим правилам, и проводить научные философские

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

изыскания в этой сфере не кажется целесообразным. В данной статье нас интересуют не столько современные медийные формы существования личных документов, сколько традиционные письменные источники, в исторической перспективе. Для анализа документов личного происхождения применяется философско-культурологический метод, а также философско-антропологический подход, лежащий на стыке феноменологии и герменевтики.

Эго-документы – это письменные (или другим образом зафиксированные) документы, исторические свидетельства, обладающие личным характером, где автор высказывает своё непосредственное мнение об описываемых событиях. Отличительными чертами эго-документов являются личная точка зрения, индивидуальный опыт, постоянное присутствие «я» автора, личные комментарии. Понятие эго-документ в отечественной гуманитарной науке часто взаимозаменяемо понятиями автобиографические нарративы, документы личного происхождения, письменные личные свидетельства, тексты личного характера, и т.п. Повествование ведётся, как правило, от первого лица и, таким образом, содержит личную точку зрения. Проблема необъективности, субъективного личного отношения в рамках изучения эго-документов не стоит, так как именно частная точка зрения и есть основное свойство эго-документов. Несмотря на то, что субъективный взгляд и фигура автора лежат в основе эго-документального жанра, существует проблема недостоверности автобиографических текстов, которая может воплощаться в поддельных текстах, редактировании и цензуре. Существуют также художественные произведения, написанные в автобиографическом стиле, которые, при этом не являются эго-документами, что может повести исследователя по ложному пути.

Произведением, написанным в эго-документальной стилистике, являются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. С проблемой, порождённой редактированием первичных текстов, использованием художественных элементов в эго-документальном жанре, влиянием этого на объективность исследования, а именно, с проявлением субъективного в эго-документах и связана проблематика данной статьи.

Термин эго-документ был введён в научный обиход нидерландским историком, профессором Амстердамского университета Жаком (Якобом) Прессером (1899–1970) в 50-е годы XX века. Жак Прессер давал несколько определений термина эго-документ. В лекциях, которые Прессер читал с 1951 года на протяжении пятнадцати лет, он включает в перечень эго-документов не только мемуары, дневники, письма и прочее, но и автобиографический роман, автопортреты художников и музыкальные произведения. В словарной статье 1958 года Прессер даёт определение эго-документу через «эго» автора, то есть, авторское «я», постоянно присутствующее в тексте, выступающее как пишущий субъект¹. Как объект и предмет исследования, а также, как достоверный источник научного знания эго-документы признали только после смерти Прессера. А к 90-м гг. XX века термин эго-документ попадает в другие европейские языки, в том числе и в русский.

Изучение эго-документов и научного наследия Жака Прессера продолжил нидерландский историк Рудольф Деккер, который уточнил определение эго-документов Прессера, отнес к ним конкретные жанры – автобиогра-

¹ Baggerman, A., Dekker R. (2018). Jacques Presser, Ego-documents and the Personal Turn in Historiography. *European Journal of Life Writing*. № 7. DOI: 10.5463/ejlw.7.263. P. 93.

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

фии, дневники, мемуары, в которых упор делается на описании и рефлексии личного опыта.

История изучения личных документов содержит несколько этапов. До непосредственного появления в научном поле термина эго-документы, собирательно обозначающего все личные тексты, широко распространена была автобиография, появившаяся в конце XVIII века, являющаяся, однако, отдельным литературным жанром, где авторское ретроспективное изложение индивидуальной жизни подготовлено для публичной печати.

Кроме автобиографии, существовали и другие личные письменные документы – дневники, письма, мемуары, путевые журналы и т.д. Интерес к таким текстам стал появляться у исследователей с конца XIX века, когда дневниковая культура стала набирать популярность среди населения в Европе, Америке и России.

Проблема эго-документов занимает исследователей многих гуманитарных дисциплин. Наиболее часто к эго-документам обращаются историки, с целью посмотреть на известные события с точки зрения непосредственных участников событий. Частный взгляд отдельного человека стал интересовать исследователей после появления концепции «тотальной истории», сформулированной представителем Школы Анналов Люсьеном Февром (1878–1956). Тотальная история подразумевает изучение и описание всего, что происходит в отдельный промежуток времени: политическую, социальную, культурную историю данного периода, зачастую обращаясь ко всем документам и артефактам, которые создаёт человек, в том числе к личным субъективным текстам, рассматривая их как источник.

Далее, к личным письменным свидетельствам обратились исследователи, работающие в русле микроистории – направления в истории,

рассматривающей повседневность сравнительно небольшого объекта, где акцент делается на частной жизни отдельного человека.

В 1990-е годы термин эго-документы на английском языке (ego-document) одним из первых употребил британский историк Питер Бёрк. Также, как и Р. Деккер, Бёрк дополняет список жанров, относящихся к эго-документам, добавляя к нему, помимо всего прочего, портреты и автопортреты².

Принятие личных текстов как источника и эмпирического материала исследования случилось вместе с антропологическим поворотом в гуманитарных науках, произошедшим в XX веке, когда была переосмыслена гуманитарная методология, изменилось отношение к значимости жизни отдельного человека для науки, изменилось понимание человека как объекта исследования.

Проблема достоверности эго-документов начала занимать исследователей почти сразу после их интеграции в научное поле. Если для автора термина эго-документы Жака Прессера и его последователей проблема достоверности не стояла остро, то для дальнейших исследований, достоверность и правдивость личных документов стала представлять определённый интерес. Например, в 1970-е годы французский исследователь литературы и историк Филипп Лежён (р.1938) ввёл термин «литература личного характера» (litterature intime), куда включил автобиографии, дневники, мемуары, а также эссе и автопортреты³. Интерес вызывает способ, которым он разрешил вопрос о надёжности личных текстов как источника эмпирического исследо-

² Burke, P. (1997). Representations of the Self from Petrarch to Descartes. In: Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present. New York: Routledge. P. 17–28.

³ Лежён, Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2012. – № 3. – С. 199–217.

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

вания – созданием довольно спорного утверждения, под названием «автобиографический пакт», в рамках которого автор обязуется правдиво изложить информацию о себе и пережитые события. Исходя из этого, вся подобная литература разделяется Лежёном на «романную», где излагаются вымышленные события, а автор и действующий персонаж не совпадают и «автобиографическую», где излагаются достоверные события и повествование ведётся от лица автора.

Таким образом, вопрос достоверности излагаемой информации в эго-документах довольно остро стоит для некоторых гуманитарных наук. Например, историки рассматривая эго-документы в рамках концепции тотальной и микроистории заинтересованы в понимании уровня достоверности личных документов. Для филологов, литературоведов и философов данная проблема не представляет такой важности, как для историков, поскольку личный субъективный взгляд на эпоху, идеи, социальные явления, личности и т.д. для данных дисциплинарных областей является ценным сам по себе.

Такое частное проявление субъективного как эстетизация, которая связана с такой философской дисциплиной как прикладная эстетика встречается и в эго-документах. Специфика фиксации повседневного, повседневных событий через создание личных документов лежит в области антропологии, герменевтики и феноменологии, однако, если анализировать документ с точки зрения присутствия в жизнеописаниях субъективных случаев эстетизации, присутствия искусства в повседневной жизни, ценности материального – рукотворного и артефактного, – то прикладная эстетика как развивающаяся и расширяющаяся дисциплина придаёт данной общей проблематике эстетическое философское содержание.

Современная прикладная эстетика расширяет традиционный эстетический научный предмет, увеличивает разнообразие тематических вопросов, рассматриваемых в эстетическом научном ключе. Философия искусства и категория прекрасного, наряду с трагическим, возвышенным, комическим и т.д. в рамках современной науки не являются единственным предметом эстетики. Современная наука, наряду с традиционной фундаментальной эстетикой делает шаг за пределы искусства. Теперь уже и повседневность, и существование в цифровом мире и многое другое занимает исследователей-эстетиков. Эстетизация как явление и как процесс, являясь основополагающим феноменом для современного этапа развития прикладной эстетики, также является одной из многих тематических областей науки, которые в данный момент занимают исследователей.

Эстетизация как длительный процесс, несёт в себе определённое изменение привычных взглядов общества – сдвиг в сторону материального и его ценности в повседневной жизни, ценность чувственного самого по себе, том числе, познания. Эстетизация формирует реальность, наделённую культурной ценностью, она плотно связана с культурой, художественной культурой, эстетикой. Как отмечает И. А. Статкевич, «человек эстетизирует окружающий его мир, проецируя на него определённые культурные и художественные смыслы, <...> которые <...> становятся условием конституирования этого мира в качестве определённой среды обитания человека, заключающей в себе не только физический и биологический, но и культурный элементы»⁴. Таким образом, переосмысление окружающего мира через ху-

⁴ Статкевич, И. А. Эстетизация как способ освоения реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – №3. – С. 78.

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

дожественное, придание ему эстетической ценности, наряду с чувственным восприятием действительности, формирует определённое отношение к миру, который можно назвать эстетизацией. Эстетизация может быть свидетельством развития человека, поскольку через творческое участие в формировании действительности он меняет, структурирует реальность. При этом, «именно искусство способно вносить в жизнь и реальность тот смысл, который возвышает эту реальность и облагораживает ее. Главным способом такого преобразования реальности является ее эстетизация»⁵.

Проблема эстетизации повседневности появляется в начале прошлого века, вместе с расцветом культуры модерна, когда быт, повседневность, окружающее пространство и образ жизни в Европе претерпели качественное изменение. В начале XX века развитие под влиянием модернистской культуры привело к расцвету дизайна, как соединения функциональности (утилитарного) и красоты формы (эстетического). Философская и эстетическая мысль эпохи модерна, связанная с трансформацией повседневного под влиянием культурных процессов начала века, положила начало такому явлению как эстетизация повседневности. Исследовательский интерес к дневникам и мемуарам начался также во время эпохи модерна, ведь «в художественной культуре Модерна – пишет А. А. Иванов – со времени романтизма декларируется трансцендентность личности автора как неисчерпаемого источника новых форм, разрушающего устоявшиеся границы эстетического»⁶. Эстетизация повседневности происходит через принятие эстетических норм для всей

социальной реальности и всех сфер жизни. Эстетизация как моделирование реальности через эстетические категории, происходит, как правило, через категорию прекрасного, а также комического, трагического и других категорий чувственного восприятия. В бытовом языке эстетизация ассоциируется с красотой, идеализацией, украшением, то есть, эстетизация повседневности – это процесс, подчинённый эстетическим категориям, принципам красоты, когда неэстетическое становится эстетическим. Наиболее ярко сущность культуры и происходящих социальных процессов воплощается в искусстве, а процесс эстетизации через принятие художественной ценности, проецируется на мир через призму искусства, художественного стиля и т.п., но при этом, эстетизация – это «воспарение над реальностью, результатом которого становится, с одной стороны, утверждение и возвеличивание определенной эстетической ценности, приобретающей сакральный смысл, а с другой – умаление «профанного», видящегося с этой высоты мелким и ничтожным»⁷.

В случае фиксации повседневных событий в письменных личных источниках, эстетизация в закреплении определённого образа своей жизни может привести к недостаточной достоверности автобиографического материала для исследователя. Однако, разные авторы по-разному фиксируют события и по-разному используют эстетизацию. Вместе с этим, они меняют угол зрения на окружающую их реальность, организовывая её, через эстетизацию, согласно своему представлению.

Почему эстетизация – это, с одной стороны, исследовательская проблема, понимаемая

⁵ Там же.

⁶ Иванов, А. А. Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века // Международный журнал исследований культуры. – DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00003. – 2018. – № 1. – С. 24.

⁷ Статкевич, И. А. Эстетизация как способ освоения реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – №3. – С. 82.

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

как ограничение в контексте изучения эго-документов, с другой стороны, исследовательская задача? Потому что в случае научного исследования этих материалов, исследователь столкнётся с ситуацией недостоверности сведений, но, с другой стороны, ценностные переживания и трансформацию реальности под влиянием эстетизации, можно рассматривать как определённое свойство эпохи – творческое изменение повседневности, спровоцированное искусством и культурой. Кроме этого, эстетизация повседневности – это определённое высказывание и восприятие реальности. При этом, сконструированная воображаемая реальность, которой выступает слой эстетизации, переносится в сферу, условно, материального, закреплённого в тексте, таким образом, становясь свидетельством повседневности, частью зафиксированной повседневной реальности.

Пример эстетизации повседневности мы находим у самобытного поэта Геннадия Айги (1934–2006), стихи которого манифестируют абсолютно отличную от настоящей, эстетическую реальность. В текстах эго-документальных жанров Геннадия Айги переплетаются его поэтический мир и повседневность, при этом, эго-документальные тексты поэта несут особую художественную ценность.

Прежде всего, необходимо отметить, что некоторые мемуарные записи Айги созданы по такому же принципу, что и его стихи – кратко, но ёмко обозначено впечатление, одна мысль в одной строчке, неоконченные предложения, графически обозначенные знаками препинания и ограниченные строкой. Примером может быть цикл «Мир Сильвии». Конечно, этот цикл нельзя назвать дневником или мемуаром в полной мере, но здесь момент фиксации сиюминутных впечатлений, вдохновлённых окружающей действительностью обозначен непосредственно:

«задумчивость свечи»⁸, «вечно откладываемый визит банкиров»⁹. Повседневная жизнь в привычной обстановке, под взглядом Айги становится художественно и эстетически привлекательна: «верленовый монолог неба»¹⁰, «путешествие бус»¹¹, «одноактная драма варенья»¹², «молчаливое “здравствуй” гвоздя»¹³.

В предисловии к циклу «Лето с ангелами» Айги описывает момент жизни (с бытовой, повседневной точки зрения), когда это произведение появилось – осенью 1992 года, в Берлине, а белые цикламены «стали превращаться в “ангелов”, обиходным стало и название книжечки – “Лето с ангелами” <...>, и я сохранил здесь это название, составив небольшой цикл»¹⁴. То есть, метафорически осмысляя обыденность, Айги находит вдохновение для стихов. При этом, в самом цикле ангелы и цикламены переплетаются, но остаются отдельными сущностями (для некоторых стихов с упоминанием цикламенов Айги даже делает пометки, например Ц-18, Ц-21, то есть, запись о цикламенах 18 и 21).

В некоторых интервью, которые также являются личными нарративами, Айги смотрит через призму эстетической ценности на важные для него события, например, на встречу с Б. Пастернаком. Для студента Айги, встреча с Пастернаком была своего рода поворотной, поскольку, величина поэтической личности Пастернака для Айги имела большое значение. Вот как об этом рассказывает Айги: «Я воспри-

⁸ Айги, Г. Мир Сильвии // Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – с. 278.

⁹ Там же. С. 273.

¹⁰ Там же. С. 276.

¹¹ Там же. С. 272.

¹² Там же. С. 280.

¹³ Там же. С. 286.

¹⁴ Айги, Г. Лето с ангелами // Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – с. 246

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

нимал его, как если бы это был Пушкин или <...> Блок. Это для меня была классика, от которой у меня уже было самое главное – стихи. И когда ребята говорили, что вот на прогулке встретили Бориса Леонидовича, то это было так же странно, как встретить Лермонтова»¹⁵. Используя избыточные преувеличения, для акцента на серьёзности своих переживаний и происходящих событиях, Айги описывает дальнейшие события, связанные с Пастернаком: «Я такого обожания больше в жизни не испытывал никогда. Я думал, что его все должны любить, – и вдруг увидел, как его ненавидят»¹⁶; «когда я увидел эти манифестации, услышал выкрики “Вон из страны!”, “Предатель!” и все прочее, – это было невообразимо, это был конец юности, конец всякой веры, конец всего!»¹⁷.

Ещё одним эго-документальным жанром, к которому обращается Г. Айги являются заметки – разнообразные записи, связанные или несвязанные одной темой, например «Сон-и-поэзия» с подзаголовком «Разрозненные заметки». Эти заметки написаны как краткие наблюдения по определённой теме или ситуации, имеют общую тематику – сон, а также, частые для Айги вопросы – жизнь и смерть, поэзия, Бог.

В таком художественно-документальном повествовании обнаруживаются свойственные Айги приёмы, перенос свойств через преувеличение, стремление к предельным основаниям: «Декабрь, – и когда бы мы ни бодрствовали, – днем или ночью, – все время за окнами – декабрьская тьма.

Жизнь – выдерживание этой тьмы»¹⁸.

Эстетизации подвержено и пространство сна, когда Айги размышляя о том, что же привлекает в сновидении больше, чем сам сон и его сюжет, приходит к тому, что атмосфера сна «иногда важнее и впечатляет больше, чем само сновидение»¹⁹. В описании сна, где прослеживается эта атмосфера, Айги транслирует те смыслы, которые свойственны его художественной работе: «спускается солнце; в огороде, над самой землей, отсвечивают листья подсолнуха. Редко я испытывал такое волнение, такое счастье, как тогда, “при виде” этого сновидения <...> я спал в родных сенах, в родной деревне (а дальше простиралось, как Море Счастья, – безбрежное Поле!)»²⁰.

Творческий опыт художника содержит две взаимосвязанные части – непосредственно, художественные произведения и вдохновляющую их реальную жизнь. С одной стороны, мы знаем художника как автора произведений, а с другой, – он раскрывает другую часть своей жизни через автобиографические рефлексивные смыслы. В случае с Айги, художественное творчество и автобиографические нарративы очень плотно связаны, настолько, что не всегда понятно, где одно, а где другое. Эстетизация в документах личного происхождения Г. Айги не является препятствием для исследователя, поскольку его художественные произведения зачастую непосредственно связаны с его жизнью, воспоминаниями, творческим осмыслением повседневности. Эстетизация в текстах Г. Айги проявляется как речь поэта, литературный, писательский, поэтический язык. Айги пользуется своими «профессиональными» приёмами, кото-

¹⁵ Айги, Г. О назначении поэта // Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 266

¹⁶ Там же. С. 269.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Айги, Г. Сон-и-поэзия // Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 49

¹⁹ Там же. С. 51.

²⁰ Там же.

Татьяна Николаевна СМЕРНОВА

| Феномен эстетизации повседневности в эго-документах |

рые он применяет при написании стихов, в текстах личного происхождения, перенося свой эстетический опыт на повседневную сферу, наблюдая повседневные события через собственный художественный мир. Таким образом, самопроявление поэта в эго-документальных текстах через эстетизацию, связанную непосредственно, с собственным художественным творчеством, является частным случаем проявления субъективного в эго-документах.

Список литературы

Baggerman, A., Dekker R. (2018). Jacques Presser, Egodocuments and the Personal Turn in Historiography. *European Journal of Life Writing*. № 7. DOI: 10.5463/ejlw.7.263. P. 90–110.

Burke, P. (1997). Representations of the Self from Petrarch to Descartes. In: *Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present*. New York: Routledge. P. 17–28.

Лежён, Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2012. – № 3. – С. 199–217.

Статкевич, И.А. Эстетизация как способ освоения реальности // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. – 2009. – №3. – С. 78–84.

Иванов, А.А. Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века // *Международный журнал исследований культуры*. – DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00003. – 2018. – № 1. – С. 23–29.

Айги, Г. Мир Сильвии // *Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи*. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 258–293.

Айги, Г. Лето с ангелами // *Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи*. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 246–248.

Айги, Г. О назначении поэта // *Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи*. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 260–279.

Айги, Г. Сон-и-поэзия // *Разговор на расстоянии: Статьи, эссе, беседы, стихи*. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – С. 49–60.

Tatiana N. SMIRNOVA

| The Phenomenon of Aestheticization of Everyday Life in Ego-Documents |

Tatiana N. SMIRNOVA

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002 Russian FederationDepartment of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Associate Professor
PhD (in Philosophy)

ORCID: 0000-0003-3961-8644

E-mail: smirnova.tatiana@urfu.ru

THE PHENOMENON OF AESTHETICIZATION
OF EVERYDAY LIFE IN EGO-DOCUMENTS

The article examines the phenomenon of aestheticization of everyday life and how this phenomenon is designated in ego-documents. Ego-documents are personal narratives, written or verbally recorded events of an individual's life, with a certain reflection, subjective assessment of what is happening. The article examines the stages of the formation of the concept of an ego-document, considers the signs of an ego-document, its characteristic features, as well as the main topics and problems of studying ego-documents. For philosophical research, an accurate and objective presentation of events is not the main task and meaning of the existence of ego-documents, on the contrary, a subjective view, reflection, personal attitude to events is of value to the researcher. Aestheticization as an attitude to the world transforms reality, according to the views and principles of the author. The problem of aestheticization of everyday life, with the expansion of the subject field of aesthetics, becomes the subject of study of modern science. The aestheticization of the everyday in ego-documents is considered as one of the examples of the recording of subjective experience; moreover, aestheticization is understood as the transformation of reality under the influ-

ence of cultural, social and artistic processes. In the process of aestheticization, there is a value comprehension of the surrounding reality from the point of view of art, artistic style and its elements, giving unaesthetic reality an aesthetic value. To illustrate the above conclusions, the ego-documentary and artistic creativity of the poet Gennady Aygi is considered. His autobiographical narratives (notes, interviews, introductory articles to his cycles, written in a memoir style) are closely related to his poetry. Aygi's autobiographical narratives and poetry are inspired by each other; in the reflection of everyday life in ego-documents, features of his poetry are discerned. Recording events in a memoir style rather than a diary, since this recording occurs after some time, Aygi resorts to the aestheticization of everyday life in his own unique style, through his own artistic world.

Keywords: ego-document, autobiography, narrative, aestheticization, memoirs, everyday life, hermeneutics, applied aesthetics, aesthetic experience, Gennady Aygi.

References

Baggerman, A., Dekker R. (2018). Jacques Presser, Egodocuments and the Personal Turn in Historiography. *European Journal of Life Writing*. № 7. DOI: 10.5463/ejlw.7.263. P. 90–110.

Burke, P. (1997). Representations of the Self from Petrarch to Descartes. In *Rewriting the Self. Histories from*

the Middle Ages to the Present. New York: Routledge. P. 17–28.

Lezhen, F. (2012). Ot avtobiografii k rasskazu o sebe, ot universiteta k assotsiatsii lyubiteli: istoriya odnogo gumanitariia [From autobiography to a story about oneself, from university to an association of amateurs: the story of one humanities scholar]. In *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debates on politics and culture] № 3. P. 199–217. (In Russian)

Tatiana N. SMIRNOVA

| The Phenomenon of Aestheticization of Everyday Life in Ego-Documents |

Statkevich, I.A. (2009). Estetizatsiia kak sposob osvoeniia real'nosti [Aestheticization as a way of mastering reality]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences] №3. P. 78–84. (In Russian)

Ivanov, A.A. (2018). Sub"ekt vne nadzora v russkikh biografiakh XIX veka [The Subject Outside of Surveillance in Russian Biographies of the 19th Century]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovani kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00003. № 1. P. 23–29. (In Russian)

Aigi, G. (2001). Mir Sil'vii [Sylvia's World]. In *Razgovor na rasstoianii: Stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at a distance: Articles, essays, conversations, poems]. SPb.: Limbus Press. P. 258–293. (In Russian)

Aigi, G. (2001). Leto s angelami [Summer with Angels]. In *Razgovor na rasstoianii: Stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at a distance: Articles, essays, conversations, poems]. SPb.: Limbus Press. P. 246–248. (In Russian)

Aigi, G. (2001). O naznachenii poeta [On the Appointment of a Poet]. In *Razgovor na rasstoianii: Stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at a distance: Articles, essays, conversations, poems]. SPb.: Limbus Press. P. 260–279. (In Russian)

Aigi, G. (2001). Son-i-poeziia [Dream-and-poetry]. In *Razgovor na rasstoianii: Stat'i, esse, besedy, stikhi* [Conversation at a distance: Articles, essays, conversations, poems]. SPb.: Limbus Press. P. 49–60. (In Russian).

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

Алексей Александрович НОСКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18

Магистр философии искусства

Преподаватель

ORCID: 0000-0003-3346-877X

E-mail: alexei.yoyo@gmail.com

Игорь Дмитриевич РЕПИН

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Менделеевская линия д. 5

Инженер-исследователь Института философии, аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики

ORCID: 0009-0008-0461-1681

E-mail: igor.repin@spbu.ru

ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭСТЕТИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ МОДЕРНА *

Данное исследование предлагает применить археологический подход в основании философской теории чувственности. Иными словами, методом истории идей в эстетике обнаружить основные формы практики с середины XVIII в. вплоть до конца XIX вв. Уместно рассматривать трансформации смысла термина «практика» в эстетике в рамках исторических эпох: Просвещения, Романтизма и Модерна. В эпоху Просвещения в рамках статьи можно выделить основателя эстетики А. Баумгартена, И. Канта и фигуру Ф. Шиллера, также близкую Романтизму. Для основателя эстетики ключевой темой является образование человека, а становление человеком уходит корнями к античному концепту заботы о себе и искусству жизни. Далее техники образования в текстах И. Канта и Ф. Шиллера сменяются поиском эталонных образцов для такого образования человека. Обучение с помощью искусства трансформируется в интерес к предметам искусства. Художественные объекты позволяют «считывать» или удостоверять словом в рассуждениях хранимые искусством идеи, доступные для назидания и сострадания субъектом, в частности с помощью экфрасиса. Мыслители эпохи Романтизма ищут идеал искусства. Эстетика Г.Ф.В. Гегеля и его интерпретатора К. Розенкранца заинтересована поиском форм и основания искусства, что постепенно заслоняют изначальное обучение средствами риторики в эстетике. Наконец, в эпоху Модерна первые теоре-

тики практической эстетики, среди которых Г. Земпер, ищут смысл искусства в ремесле для организации промышленного производства. Этот поиск смысла искусства неизбежно открывает вопрос о творце или художнике и границах его свободы, а также истоке и смысле самого искусства и его прикладных форм. Согласно П. Слотердайку научный прогресс циничного позитивизма избавляется от лишнего и оставляет искусству только социальную функцию. Как отмечает Д. Дики, современность предлагает и противоположную позицию: фигура художника опровергает эту редукцию к функции искусства, разрушая саму идею полезности арт-объекта в социальном институте художественного творчества и его публичного выражения. Произвол художника вновь открывает вопрос об основаниях любого творчества. Очевидно, что творчество шире искусства, ведь оно позволяет получать различный опыт в процессе игры.

Ключевые слова: история идей, искусство, Просвещение, Романтизм, Модерн, дизайн, фантазия, опыт, искусство жизни, забота о себе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

*Πᾶσα διάνοια ἢ πρακτικὴ ἢ ποιητικὴ
ἢ θεωρητικὴ, ἢ φυσικὴ θεωρητικὴ τις
ἂν εἴη, ἀλλὰ θεωρητικὴ περὶ τοιοῦτον
ὄν ὃ ἐστὶ δυνατόν κινεῖσθαι, καὶ περὶ
οὐσίαν τὴν κατὰ τὸν λόγον ὥς ἐπὶ τὸ
πολὺ ὥς οὐ χωριστὴν μόνον¹.*

Аристотель, «Метафизика»

(Книга VI, 1)

*Человек – существо, которое
устремлено к будущему и созна-
ет, что оно проецирует себя в
будущее. Человек – это прежде
всего проект.*

*Ж.-П. Сартр, «Экзистенциализм
– это гуманизм»*

Вступление

Аристотель в «Метафизике» делит наши размышления по содержанию на три вида: теоретические, практические и творческие. Согласно этому делению, мыслители эстетику относят к тому или иному ряду исследований по их предмету. Ключевой проблемой, требующей разрешения, здесь является отсутствие устойчивого понимания самого концепта практики в эстетике с ее основания в XVIII в. до появления концепта «практическая эстетика» с середины XIX в. Исследование ключевых аспектов теории эстетики ключевых философов указанного периода позволит указать на развитие и оформление концепта в связи с практикой. Важно отметить, что значение слова «практика» (πράξις – «действие, деятельность») противоположно по своему смыслу причине. Ведь действительно необходимость причин или оснований противоположна по-

ступкам человека, так как они свободны. Следовательно, можно уточнить основную проблему данного исследования как поиск причастности человеческой свободы к предметам эстетики.

Первой важной для такого исследования фигурой является основатель эстетики А. Баумгартен. Изданный на латыни в 1750 г. текст «Эстетики»² о новой дисциплине предлагает в духе гуманистических идей своей эпохи понимать ее как низший метод познания в дополнение к диалектике. Указанный младший метод познания заключается в тренировке способностей к прекрасным рассуждениям о любых предметах с помощью оттачивания и произнесения речи. Такое рассуждение возможно как относительно объектов природы, так и искусственных, что в последнем случае известно с античности как экфрасис (ἑκφράσις). Успешный или счастливый эстетик (felix aestheticus) является главной фигурой у Баумгартена и качества этого субъекта открывают текст философа. При этом остается открытым вопрос можно ли считать тренировку познавательных способностей прекрасными рассуждениями практикой.

Следующая крупная фигура своей эпохи И. Кант, вероятно, также придерживается образовательной концепции эстетики, когда настаивает на решимости пользоваться человеку своим умом (sapere aude) и призывает человечество повзрослеть. Сюда среди прочего можно отнести и обучению хорошему вкусу. Первый подход в эстетике философ делает в «Критике чистого разума». Кант рассуждает в «Трансцендентальной эстетике»³ об априорных формах чувственности – пространстве и времени, как

¹ «Всякий интеллект, будь то практический, поэтический или теоретический, исследует такое физическое или созерцательное Бытие, способное к движению, а также и сущность, которая сказывается как во многом, так в едином», авторский перевод.

² Баумгартен, А. Г. Эстетика. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 760 с.

³ Кант, И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – С. 48–69.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

внешних и внутренних формах чувств человека. В «Критике способности суждения»⁴ философ разрабатывает теорию вкуса на основе суждений и среди *образцовых* произведений вкуса выбирает произведения искусства лишь как наиболее удачную демонстрацию того, где находятся эстетические идеи, превосходящие рамки понятия, а творца наделяет гением как даром природы. Согласно §49 указанной Критики «О способностях души, составляющих гений» эстетическая идея выражает суждения о должном лишь по аналогии благодаря способности воображения⁵. Иными словами, чистые эстетические суждения *соединяются* с практическими о должном поступке, которые рассмотрены мыслителем в «Критике практического разума»⁶. Однако при этом философ использует *свободную игру* познавательных способностей как условие чистых эстетических суждений. Таким образом эстетика, согласно Канту, распространяется на все результаты творчества в целом (например, риторику), а также на предметы искусства, как содержащие эстетическую идею творения, в частности. Такие эстетические идеи, возникающие на основе свободной игры познавательных способностей человека, вдохновляют по аналогии на должные поступки, совершать верные и хорошие действия. Важно отметить, что категорию свободы Кант использует неоднозначно как в познании, так и в практике.

Шиллер-философ в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека» (далее Письма) утверждает свою приверженность кантовской философии. Однако уже обнаруживались рассогласования в работах двух филосо-

фов. Например, в «Письмах „Каллиас“» Шиллер пишет, что прекрасное в предметах заключается в кажущейся свободе, а не зависит лишь от нашего восприятия: «таким образом, есть не что иное, как свобода во внешности»⁷. Некоторыми авторами отмечается иное видение Шиллером «прекрасного», которое у Канта отождествляется с истинно этическим поступком. Вслед за Кантом Шиллер отдает главенство разуму, нежели чувствам. На основе их полярности Шиллер вводит «типологию» человека: человек, приверженный чувственному, становится дикарем, а приверженный разумному – варваром⁸. Типология человека транслируется и на политику, где выделяются естественное и моральное государства. Когда человек оказывается погружен в естественную форму, вторая находится только в проекте. Шиллер уделяет значительное внимание переходу к нравственной форме государства, говоря о невозможности его создания через разрушение естественного. Переход должен быть плавным, «живой механизм государства должно исправлять на ходу, нужно заменять колесо во время его вращения»⁹. Третья форма государства, которую выделяет Шиллер, эстетическая, есть баланс между двумя предыдущими, она реализуется, когда человек и общество становятся свободными от природных и нравственных принуждений. Достижение эстетического состояния Шиллер видит в красоте. Достичь ее можно лишь игрой, являющейся не только методом существования, но и формирования культуры¹⁰, о чем также

⁴ Кант, И. Сочинения в шести томах. Т.5. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.

⁵ Там же. С. 330–336.

⁶ Кант, И. Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311–501.

⁷ Цит. по: Leontiev, K. (2023). Schiller on Aesthetic Education as Radical Ethical-Political Remedy. The British Journal of Aesthetics, 63(4), 553–578. <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayad003>.

⁸ Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 51.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 125.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

пишут современные исследователи¹¹. К понятию «свободы» Шиллер прибегает неоднократно, свобода является взаимосвязанной с красотой дефиницией, тем самым, «свобода» Шиллера приобретает эстетический оттенок, а не этический в понимании Канта. Таким образом, преобразование политического строя в эстетическое состояние и возникновение эстетического государства (улучшения в политической сфере) достигается, как пишет Шиллер, единственным образом с помощью орудия, имя которому искусство¹².

В эстетике Гегеля искусство, проходя через три стадии развития, изменяется через символическую форму, классическую и романтическую¹³. Они выделяются из отношения идеи и чувственной формы. Гегелевский идеал искусства не сопряжен с безукоризненным исполнением или чистотой формы. Для философа ключевым оказывается «соразмерность» последней с художественной идеей: «...идея как действительность, получившая соответствующую своему понятию форму, есть идеал»¹⁴. Красота понимается Гегелем как одна из форм проявления идеального, равно как добро и истина. Если Кант пишет о красоте как суждении о «красивом объекте», то Гегель, вслед за Шиллером, утверждает красоту как «абсолютную идею в адекватном ей проявлении»¹⁵, которая является прямым проявлением свободы¹⁶. Сво-

бода таким образом превозносит рукотворную красоту над несвободной природной, рассматриваемой через наши переживания¹⁷. При этом в эстетике Гегеля искусство приобретает не изолированное художественное проявление человеческой деятельности: именно с помощью искусства человек способен снять неподатливость с окружающего его мира, «удвоить» себя через искусство¹⁸. Философ пишет, что человек с целью «узнавания» собственного я обращается к двум методам. Один из них направлен на себя, то есть к самосознанию, другой же направлен на преобразование внешней ему действительности. Подобная репрезентация сопряжена с искусством как свободной формой человеческой деятельности. Подобная бескорыстная форма внешней реализации себя оказывается двунаправленной: человек, преобразуя действительность, приходит к осознанию себя через практику, однако при этом его художественная деятельность становится ключом для понимания его самого. Второе положение можно проследить в обращении философа к искусству других народов, которое оказывается единственным ключом к пониманию их культуры¹⁹.

Первый камень в огород прекрасного идеала в искусстве бросает один из гегельянцев К. Розенкранц. В тексте «Эстетики безобразного»²⁰ философ исследует необычный предмет эстетики, до этого бывший без особого внимания. Термин «практика» исследователь почти, не использует, но где он все же встречается в тексте, подразумевает также этику: «омерзительное – гнусность чувственная, которая, как

¹¹ Яковлева, Е.Л. «Человек играющий» и творящий. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – С. 11.

¹² Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 80.

¹³ Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусств, 1968. – С. 81–84.

¹⁴ Там же. С. 79.

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ Houlgate, S. (2024). Hegel's aesthetics (E. N. Zalta & U. Nodelman, Eds.). Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retrieved April 15, 2025, from

<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/hegel-aesthetics>.

¹⁷ Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусств, 1968. – С. 141.

¹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ Шкелу, М.А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца. – Киев: Феникс, 2010. – 448 с.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

можно было увидеть, в своих крайних формах взаимопроникается с практическим отвратительным – со злом»²¹. Кроме того, Розенкранц прямо отсылает к благой медицинской практике обезображивания²², необходимой ради спасения жизни человека. Эта медицинская дилемма станет особенно явной в эпоху мировых войн XX в. И одновременно с этим делает очевидным разницу в свободе благих поступков и их результата с точки зрения эстетики. Кроме того, это поддерживает перманентный кризис академического искусства, очевидный с начала промышленной революции XIX в., что открывает дорогу отдельному исследованию практической эстетики как концепта.

Немецкий искусствовед Г. Земпер первым прямо сочетает эстетику и практику, подарив миру устойчивое противостояние слов «практическая эстетика». Произошло это в достаточно объемном труде на немецком в объеме пять сотен страниц под названием «Стиль в технических и тектонических искусствах, или Практическая эстетика» (1860). Исследователь искусства известен не только археологической находкой цвета на античной мраморной скульптуре, но поиском связи между ремеслом и промышленным производством через искусство. Под практической эстетикой Земпер в статье «Наука, промышленность и искусство» понимает тренировку художественного вкуса²³, применяя «практические методы обучения»²⁴. Такое узкое понимание эстетики Земпером аргументируется в Прологоменах к «Стилю» следующим образом: «Умозрительная эстетика, которой по преимуществу занимаются, почти столь же бесплодна для художников и архитекторов,

сколь она вредна для созерцающих их произведения. Ей не хватает конкретного понимания прекрасного; ей присуще риторическое разглагольствование, но ей не хватает художественного чутья.»²⁵. Эта цитата прямо отсылает обратно к основанию эстетики. Во-первых, автор «Практической эстетики» возвращает образовательную интенцию дисциплине по задумке Баумгартена, при этом критикует риторику как пустословие. Во-вторых, искусствовед не удовлетворен и теорией вкуса Канта как малопонятной и неконкретной. В противовес этому Земпер согласен с Гегелем, выступая против ключевой роли упражнений, считая гений или дарование принципиальным и никакие старания не изменят отсутствия таланта у человека²⁶. Несмотря на эту исключительность промышленных художников согласно Земперу обучение художественному вкусу в рамках массового производства возможно через анализ устройства лучших ремесленных образцов, суть которых сводится к связи материала и функции изделия, а также его тектонике и декоративной отделке на основе эвритмии (гармонии). Если не считать критику метафизики чувственности уместной, то истинные мотивы подобной редукции эстетики туманны. Ведь как показано выше теория чувственности прошла вековой путь от обучения прекрасному рассуждению с помощью риторики через теорию вкуса и идеал красоты в искусстве к понятой широко практике, лишь как эталонное ремесленное производство на промышленных станках. В дальнейшем необходимо предложить объяснение этих изменений. Но прежде обратимся к методу предложения гипотез и его обоснованию.

²¹ Там же. С. 195.²² Там же. С. 68.²³ Земпер, Г. Практическая эстетика. – М.: Искусство, 1970. – С. 53.²⁴ Там же. С. 83.²⁵ Там же. С. 190.²⁶ Там же. С. 74–75.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

О методе

В рамках историко-философского подхода основным методом в статье выбрана история идей, для которой характерно пристальное внимание к текстам прошлого и подвижности концептов. Согласно фундаментальной работе Р. Коллинза «Социология философий»²⁷ в рамках сменяющихся поколений мыслителей неукоснительно выполняются две закономерности: ключевых фигур поколения не более семи, а фигуры эти или противостоят идеям своих предшественников, или развивают их идеи. К сожалению, формат статьи не позволяет уделить должное внимание фигурам второго и третьего ряда философов и предполагает оговорку, что не каждый из мыслителей, внесших вклад в теорию практической эстетики в XVIII–XIX вв., будет рассмотрен в рамках данного текста. Эта оговорка сразу позволяет утверждать перспективы дальнейших исследований этой области. Кроме того, в границах указанного метода уместным будет опираться не на поколения философов, а на эпохи Просвещения, Романтизма и Модерна. Если Просвещение утверждает силу разума человека и порождает дисциплинарные практики власти согласно М. Фуко в его работе «Что такое Просвещение?»²⁸. В оппозиции к этому романтики противостоят рациональному оптимизму сотворения человека человеком и, в поисках абсолютной свободы, обращаются к темам пограничным для человеческого разума. Дальнейшие поиски приводят к кризису не только в философии, но и в понимании искусства. Модерн пытается снять эту проблему и, если не примирить это противостояние, то хотя

бы игнорировать. Можно таким образом достаточно условно отнести Баумгартена, Канта и Шиллера к просветителям, Гегеля с Розенкранцем к романтикам, противостоящим первым концепциям первых философов, а Земпера – к миротворцам модерна. Тем самым это позволит яснее выдвинуть предположения о подвижности концепций как практики в эстетике, так и практической эстетики.

Понимание и критика
практической эстетики

Как показано было ранее, значение практического так или иначе связано с этикой от Аристотеля и вплоть до XIX в. Баумгартен публикуя первую часть своей «Эстетики» в ее синопсисе указывает и вторую часть, называя ее «Практической эстетикой». Однако свет вторая часть, к сожалению, не увидела. Поэтому остается загадкой, какой именно предмет философ предполагал там исследовать. При этом в начале первой части «Теоретическая эстетика» дает позитивные определения *felix aestheticus*. В характеристики успешного эстетика помимо врожденных способностей входят: учение (*μάθησις*) или общая теория мастерства о прекрасном мышлении, а также упражнение (*ἄσκησις*) или ежедневные повторения, а их дополняют вдохновение и исправление или шлифовка²⁹. Как уже упоминалось, Баумгартен предлагает новую дисциплину по аналогии, в §122 ставя ей в пару риторику и указывая, что метафизика связана с диалектикой: «О если бы хотя бы в наши времена стала более очевидна истина, известная уже стоику Зенону, которую повторяет Оратор Цицерона и Квинтилиан: что существуют два рода рассуждения. Один – не-

²⁷ Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

²⁸ Фуко, М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–359.

²⁹ Баумгартен, А. Г. Эстетика. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – С. 52–95.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

прерывный, более пространный, принадлежащий риторике, другой – сжатый, более краткий, принадлежащий диалектике. Я утверждаю, что первый соответствует эстетическому горизонту, а второй – логическому»³⁰. С этим не согласен историк эстетики М. Шаслер, утверждая в фундаментальной работе конца XIX в., что Баумгартен не уделяет достаточного внимания искусству и обвиняет основателя эстетики, что он приходит «к очень косной (платоновской) девальвации художественного по отношению к природному»³¹.

Тем не менее, несмотря на девальвацию художественного, образовательный посыл в духе идей Просвещения начального фрагмента опуса «Эстетики» имеет куда более фундаментальное основание. Источник характеристик успешного эстетика можно увидеть в античном концепте искусства жизни (τέχνη του βίου), подробно рассмотренным М. Фуко в «Герменевтике субъекта»³² с отсылкой к стоической традиции заботы о себе. Искусство жизни или жизненный проект возможен благодаря досугу (σχολή). Проект жизни воплощается с помощью практики истины, т.е. оснастки, снаряжения, плана (παρασκευή). В своих лекциях философ возрождает интерес к этому концепту. И хотя об искусстве жизни в заботе о себе писали много и подробно после возрождения интереса к ним, даже упоминая мимоходом термин «эстетика» в связи этим, сводя при этом заботу о себе лишь к этике. Иными словами, современные исследователи техник жизни более сосредоточены на социальных явлениях или поступках в стремлении благу или долгу человека. Это от-

ношение к практике известно еще из платоновского диалога «Федон», где Сократ объясняет ученикам свое искусство умирать, называя так философию, и определяя ее как основное свое предназначение в подготовке к смерти и принятие ее неизбежности. Ближайший последователь основателя эстетики Кант был, очевидно, знаком с мыслями Баумгартена. Однако вывел эстетику на новый уровень обобщения, не исключая образования человека, Кант разрабатывает теорию вкуса на основе рассуждений.

Просветительский призыв Канта пользоваться своим умом распространяется и на суждения вкуса в его критической системе. Одним из проблемных мест этой системы остается вопрос о том, возможна ли чистота эстетических суждений вне теории? Причем препятствия чистоте суждений вкуса есть как со стороны субъекта, так и объекта. Одно из первых определений прекрасного в §2 «Критики способности суждения»³³ говорит об отсутствии интереса у нас о существовании вещи. Однако трудно представить такую ситуацию или предмет, если это не чистая фантазия или сон, которому бы мы *volens nolens* не выписывали бытийного удостоверения. Более того, мы нередко верим в существование фантазий, например, олицетворяя любимых художественных персонажей. Кроме того, не менее проблематично представить ситуацию, в которой наши познавательные способности отключаются, и мы на волнах, хоть и общих «сообщаемых» всем, чувств судим о прекрасном предмете согласно второму определению прекрасного без понятия о нем (§6). Хорошо известно как современному обывателю трудно слушать барочную оперу или смотреть пыльные музейные полотна старых мастеров, получая необходимое удовольствие

³⁰ Там же. С. 108.

³¹ Schasler, M. (1872). *Aesthetik als Philosophie des Schönen und der Kunst*. Nicolaische Verlagsbuchhandlung, s. 350.

³² Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

³³ Кант, И. Сочинения в шести томах. Т.5. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

(§22), если о них ему ничего назидательного, примечательного или познавательного не рассказано прежде. Кант и сам признается, что для обучения хорошему вкусу эта примесь познания и воспитания необходима.

Проблема чистых суждений вкуса проявляет себя и относительно их объектов. Мы приписываем эстетические идеи, превосходящие понятия, объектам благодаря представлению воображения или созерцанию (§49), что без сомнения является продуктивной находкой для теории эстетики по мнению Д. Кирвана³⁴. Однако такое определение эстетических идей дается Кантом апофатически (как, впрочем, и эстетических суждений), то есть указывая лишь на то, чем не является такой продукт воображения. А значит неопределенность мысли вовсе не обязывает познавательные способности бездействовать, когда мы созерцаем объект, в котором обнаружили эстетическую идею. Эта проблема с выделением чистых суждений обязывает Канта найти наиболее удачный образец для приписывания эстетических идей. И такими образцами становятся предметы искусства. Следовательно, можно сказать, что практические суждения почти всегда соединяются с суждениями вкуса, так как человек существо социальное или политическое. Кроме того, кантовские образцы эстетических идей дают возможность его последователям рассматривать в дальнейшем только искусство и отождествлять эстетику и философию искусства. Изначальный смысл практики как благих или должных поступков таким образом сливается до неразличимости с искусством и оформляется в практику эстетического образования и воспитания. Наконец, не менее важной концепцией видится существен-

ное различие, введенное философом в §9: «Состояние *свободной игры* познавательных способностей при представлении, посредством которого дается предмет, должно обладать всеобщей сообщаемостью, ибо познание <...> есть единственный способ представления, которым пользуется каждый»³⁵. Возможна ли не свободная игра? Вряд ли, ведь игра по своему определению не обязывает участвовать в ней. Именно здесь можно провести различия между чистой практикой в границах эстетики и должными или благами поступками: игру вполне можно отнести к первой, свободу – ко второй. Равно как и в случае различия чистых эстетических и практических суждений. В привычном нам опыте, очевидно, что игра – без интереса к существованию ее персонажей, пространства, правил и прочего – и свобода в связи с другими людьми, в котором мы заинтересованы, могут мирно уживаться, тем не менее ограничивая различные предметные области философии.

Радикальное отступление Шиллера от Кантовского либерализма, позволяет говорить, что его фигура стала переходной между идеями Просвещения Канта и Романтизмом Гегеля. При этом механизмы реализации предложенного эстетического образования не ясны: философ не оставил плана реализации своего проекта. Однако возможность воспитания вкуса, упоминаемая в примечаниях к девятому письму, предполагает тренировку³⁶. Она способна уравновесить внимание к общему и частностям. В подобной гармонии видится один из важнейших политических вызовов, который затрагивал философ: каким образом соотносится государство и гражданин, что из них первично, возможна ли его реализация со стороны государ-

³⁴ Kirwan, J. (2018). The Aesthetic Idea as the Essence of the Aesthetic. *ESPES. The Slovak Journal of Aesthetics*, 7(1), 24–29. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6377800>.

³⁵ Кант, И. Сочинения в шести томах. Т.5. – М.: Мысль, 1966. – С. 219.

³⁶ Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 233.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

ства? При этом, в очередной раз стоит обозначить, что реализация преобразований должна быть ненасильственной, а исключительно эстетической – «чистой и преобразующей». К сожалению, как отмечает Леонтьев, предложения Шиллера оказываются туманными и неясными. Однако новаторство и важность Писем заключается в их критике либерального индивидуализма и автономии Канта, а также в формировании идеала политического строя, который находится в гармонии между чувственным и моральным, частным и целым, содержанием и формой³⁷.

Ранее было рассмотрено то, что Гегель, вслед за Шиллером не придерживается Кантовской приверженности антропоцентризму. Объекты гегелевской эстетики становятся прекрасными сами по себе. Несмотря на то, что немецкий философ говорит, что природная красота лишь представляется таковой человеку, который в свою очередь обладает представлением о прекрасном, Гегель тем не менее пишет, что его слова нельзя сводить исключительно к субъективности нашего восприятия, поскольку природные объекты формируют наши настроения³⁸. В то же время, обнаружить, что искусство представляется не просто неутилитарной формой человеческой деятельности. Оно не просто направлено на преобразование окружающей действительности с прагматическими разумениями, а оказывается формой коммуникации и проявляет идею в чувственном измерении.

Говоря о практике Гегеля в его текстах, посвященных культурам различных народов,

можно обнаружить достаточно интересный пример, связанный с «эстетической жизнью», о которой говорил Фуко. Предметы декоративно-прикладного искусства и обихода оценивались крайне высоко, они были предназначены для практического изменения окружающей человека действительности: «тем самым были удостоены высшей чести человеческие изобретения, покоряющие предметы природы и делающие их пригодными для использования»³⁹.

Преобразование действительности с целью репрезентации подчеркивается некоторыми исследователями современности. Рассматривая философское наследие Гегеля, зачастую авторы апеллируют к «Феноменологии духа» (далее – Феноменология) как основополагающей работе, посвященной социальной теории философа. Однако некоторые говорят, что в Феноменологии раннего Гегеля лишь зарождается концепция осознания собственной идентичности «господином», а в поздних трудах по эстетике наблюдаются предпосылки для зарождения современной социальной теории, которая обращается к проблемам признания и идентичности⁴⁰. Например, говоря об искусстве в контексте философии Гегеля, Миллер пишет: «Социально-политическое значение эстетически рефлексивного воображения, таким образом, состоит в уникальной роли искусства в преодолении эмпирического разрыва между собой и другим»⁴¹.

Интересные параллели можно обнаружить в распространенной ныне практике украшения себя с помощью татуировки, пирсинга, пластической хирургии и прочих процедур. Неудивительно, что и немецкий философ мимо-

³⁷ Leontiev, K. (2023). Schiller on Aesthetic Education as Radical Ethical-Political Remedy. *The British Journal of Aesthetics*, 63(4), 553–578. <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayad003>.

³⁸ Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – С. 141.

³⁹ Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 4. – М.: Искусство, 1973. – С. 317.

⁴⁰ Miller, J. (2015). The role of aesthetics in Hegelian theories of recognition. *Constellations*, 23(1), 96–109. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.12184>.

⁴¹ Ibid.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

летно упоминает практики, посвященные преобразению собственной телесности, и говорит о них как о присущих людям с высокой духовной культурой⁴². Неоднозначно стоит вопрос о татуировке и в современном мире. Выражаясь словами Гегеля: «сколь варварскими, безвкусными, безобразными или даже вредными» ни были татуировки, они находят все большее распространение в современном обществе. Несмотря на ее ренессанс и дестигматизацию, даже в обществе людей, обладающих татуировкой, отношение к ней неоднозначно. В этом можно проследить некоторый присущий Гегелю романтизм: существуют мнения, говорящие не о форме или исполнении изображения, а о его смысловой, идейной нагрузке. Так, например, некоторые носители татуировки заявляют, что они положительно отнеслись бы к татуировке у партнера лишь при ее неслучайном, неспонтанном характере⁴³.

Упомянутый уже ранее Розенкранц и его «Эстетика безобразного» нащупывает фундаментальное проблемное место эстетики. Исследование эстетики не прекрасного затрагивает множество тем и вводит приличное количество категориальных различий, причем пассажи текста иногда очень напоминают Гегелевские. Например, Розенкранц указывает на связь безобразного и комического: «прекрасное проходит через безобразное, чтобы стать комическим»⁴⁴. А значит любая комедийная деятельность также противоречива с точки зрения изначального идеала блага или долга. Действительно, комедия как безобразна, так и может

служить благим целям, например, в политической сатире. Такое несовпадение прекрасного и должного или блага является существенным для понимания практической эстетики и дальнейшего толкования практики максимально широко. Среди прочего Розенкранц также затрагивает тему обезображивания человеческого тела в недуге: «Через болезнь жизнь пертурбирует в своей свободе движения и эволюции – она, таким образом, ограничивается болезнью, последствия которой должно выразить себя и во внешней десфигурации и обезображивании»⁴⁵. Прямой отсылки к медицине Розенкранц не делает, но именно такие практики могут изменить человеческое тело до неузнаваемости. Например, ради благих побуждений или во исполнении долга для сохранения жизни больного. Результат таких практик с точки зрения эстетики может быть весьма безобразным. Стоит напомнить в дополнение к этому, что Фуко указывал, что стоическая забота о себе отличается от заботы о хозяйстве, а также о теле, то есть от медицинских практик, когда происходит «смешение диететики с заботой о себе»⁴⁶. Таким образом описанный в системе Гегеля идеал искусства постепенно начинает разваливаться. Дополнительные разрушительные усилия берутся из промышленной революции второй половины и кризиса академического искусства второй половины XIX в., и дает позитивизму возможность ответить критикой метафизики чувственности.

Очевидно, что Земпер, хоть и предложил концепцию «Практической эстетики», является представителем эпохи не только модерна, но и позитивизма, то есть апологетом пользы и функции. Несомненны его заслуги в основании

⁴² Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусств, 1968. – С. 38.

⁴³ Larsen, G., Patterson, M., & Markham, L. (2014). A Deviant Art: Tattoo-Related Stigma in an Era of Commodification. *Psychology and Marketing*, 31(8), 670–681. <https://doi.org/10.1002/mar.20727>.

⁴⁴ Шкепу, М.А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца. – Киев: Феникс, 2010. – С. 38.

⁴⁵ Там же. С. 68.

⁴⁶ Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – С. 76.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

технической эстетики и дизайна. Именно они стали ответом позитивной науки против умозрительной эстетики. Надо отметить, что Земпер был далеко не одинок в своих исследованиях. Например, В. Херциг издает в 1863 г. увесистую книгу «Прикладная, или практическая эстетика, или теория декоративной архитектуры»⁴⁷. В ней очевиден посыл об утилитарности в строительстве, а значит присутствие интереса, или хотя бы его примесь в отношении к утилитарным вещам. Примечательно, что название этого труда отождествляет практическое и прикладное в архитектуре – то есть фактически искусство тектоники с декором в постройках и инженерное дело. Границы чистой эстетики таким образом разрушаются через неразличимость искусства и ремесла, о чем категорично пишет и Земпер: «Не может быть речи и о разделении искусства на чистое и прикладное»⁴⁸. На желание основателя практической эстетики найти пользу в искусстве или его смысл указывает М. Ваттум в критической статье «Готфрид Земпер: между поэтикой и практической эстетикой»⁴⁹. Статья Ваттум анализирует как Земпер в тексте «Поэтика архитектуры» на основе барельефа ассирийского трона ищет истоки зарождения искусства, ссылаясь на мимесис Аристотеля. Этот поиск зарождения искусства в анализе устройства утилитарных вещей и есть «практическая эстетика». Однако автор статьи настроена скептически к проекту Земпера: «Если поэтика берет непрозрачность мира в качестве необходимой отправной точки, то практическая эстетика требует полной прозрачности

истории и культуры еще до того, как начнется акт творения»⁵⁰. Иными словами, творчество куда шире прозрачного позитивного утилитаризма. Более того, как пишет в конце своей статьи Ваттум, Земпер «начал с озабоченности онтологической значимостью искусства – смыслом искусства для человеческого существования – закончил чисто эпистемологической конструкцией, в которой вопрос о смысле искусства отодвигается на задний план вопросом о том, как получить научно обоснованное знание о его производстве»⁵¹. Практика в позитивном изводе отныне становится любимым в чем-то полезным опытом творчества. Идея образования человека проваливается, в том числе и в эстетике, пройдя катастрофы XX в., о чем пишет П. Слотердаик в «Критике цинического разума»⁵². Этот текст посвящен «структуре ложного сознания, дающего отпор атакам просветительской критики»⁵³, где просвещенное ложное сознание принимает форму современного цинизма. Более того провальный проект поиска смысла искусства поэтому оборачивается предложением Д. Дики институциональной теорией искусства, где «произведение искусства – это артефакт, созданный для того, чтобы быть представленным публике в мире искусства»⁵⁴. То есть свобода художника не ограничена ни темой, ни содержанием созданного им артефакта, она лишь подстегивается желанием выставить результат своего творчества на суд общности или арт-мира и заслужить его одобрение через присвоение статуса «произведение искусства».

⁴⁷ Herzig, W. (1873). *Die Angewandte oder praktische Ästhetik oder die Theorie der dekorativen Architektur*. Verlag von Karl Scholtze.

⁴⁸ Земпер, Г. *Практическая эстетика*. – М.: Искусство, 1970. – С. 82.

⁴⁹ Hvattum, M. (2001). Gottfried Semper: Between Poetics and Practical Aesthetics. *Zeitschrift für Kunstgeschichte*. 64. 537–546. <https://doi.org/10.2307/3657236>.

⁵⁰ Ibid. P. 545

⁵¹ Ibid.

⁵² Слотердаик, П. *Критика цинического разума*. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.

⁵³ Там же. С. 34.

⁵⁴ Dickie, G. (2004). The new institutional theory of art. В *Aesthetics and the philosophy of art: the analytic tradition: an anthology* (p. 53). Blackwell Pub.

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

В результате можно заключить, что в период от основания эстетики и до модерна идея образования человека в разнообразных формах познания смещается на поиск образца для обучения, обнаруживая его в искусстве. Затем идея становления человеком, проблема обретения им политической свободы в отношениях с другими на основе игры или чистого творчества, заслоняется провальным поиском смысла искусства. Мотив воли гения и иррационализма теоретиков прикладной и практической эстетики обрачивается произволом художника модерна и просвещенным цинизмом современного человека. Отныне опыт практики так или иначе причастен эстетике трактуется трояко. Во-первых, в изначальном философском смысле как поступок воли, совпадающий с прекрасным идеалом. Во-вторых, также в рамках классической эстетики как творчество дарованного человеку гения, которое тесно связано с искусством. И наконец, в-третьих, как практическая эстетика понятая узко в форме прикладного или полезного творчества ремесленника.

Выводы

В качестве общего вывода статьи можно сказать, что результаты исследования намечают основания для современных причастных эстетике практик и открывают возможность дальнейших обсуждений и более глубоких прицельных исследований. Существенным результатом выглядит выделение темы свободы в первом понимании практики в эстетике. Этика здесь определяет предмет эстетики, и он укладывается в концепт заботы о себе и определяется техниками жизни. Такие техники предполагают обеспокоенность своим телом, своим духом и своим окружением. Иными словами, если давать определения тому, что оформляет жизнь человека на практике, то медицина становится

здесь искусством случайного, политика искусством возможного, а философия искусством необходимого. Понимание практики в эстетике во втором и третьем случае более всего причастна игре. Если игра в классическом искусстве может быть совместной с благом или долгом человека, то в современности широко трактуемый опыт творчества может исключать моральную оценку и становится самодостаточным и самоценным. Что в свою очередь дает возможность выделять практическую эстетику как отдельную область деятельности человека. При этом все три формы практики в связи со свободой и игрой остаются значимы в образовании людей и влияют на педагогические техники.

Список литературы

- Баумгартен, А. Г. Эстетика. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 760 с.
- Кант, И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
- Кант, И. Сочинения в шести томах. Т.5. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.
- Кант, И. Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т.4. Ч.1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311–501.
- Leontiev, K. (2023). Schiller on Aesthetic Education as Radical Ethical-Political Remedy. *The British Journal of Aesthetics*, 63(4), 553–578. <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayad003>.
- Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 242 с.
- Яковлева, Е.Л. «Человек играющий» и творящий. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. —180 с.
- Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – 312 с.
- Houlgate, S. (2024). Hegel's aesthetics (E. N. Zalta & U. Nodelmanv, Eds.). *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved April 15, 2025, from

Алексей Александрович НОСКОВ, Игорь Дмитриевич РЕПИН

| Движение от эстетики Просвещения до практической эстетики Модерна |

<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/hegel-aesthetics>.

Шкёпу, М.А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца. – Киев: Феникс, 2010. – 448 с.

Земпер, Г. Практическая эстетика. – М.: Искусство, 1970. – 320 с.

Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

Фуко, М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–359.

Schasler, M. (1872). Aesthetik als Philosophie des Schönen und der Kunst. Nicolaische Verlagsbuchhandlung.

Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

Kirwan, J. (2018). The Aesthetic Idea as the Essence of the Aesthetic. *ESPES. The Slovak Journal of Aesthetics*, 7(1), 24–29. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6377800>

Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 4. – М.: Искусство, 1973. – 675 с.

Miller, J. (2015). The role of aesthetics in Hegelian theories of recognition. *Constellations*, 23(1), 96–109. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.12184>.

Larsen, G., Patterson, M., & Markham, L. (2014). A Deviant Art: Tattoo-Related Stigma in an Era of Commodification. *Psychology and Marketing*, 31(8), 670–681. <https://doi.org/10.1002/mar.20727>.

Herzig, W. (1873). Die Angewandte oder praktische Ästhetik oder die Theorie der dekorativen Architektur. Verlag von Karl Scholtze.

Hvattum, M. (2001). Gottfried Semper: Between Poetics and Practical Aesthetics. *Zeitschrift für Kunstgeschichte*, 64, 537–546. <https://doi.org/10.2307/3657236>.

Слотердайк, П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.

Dickie, G. (2004). The new institutional theory of art. В *Aesthetics and the philosophy of art: the analytic tradition: an anthology* (pp. 47–54). Blackwell Pub.

Alexei A. NOSKOV, Igor D. REPIN

| The Movement from Aesthetics of Enlightenment to the Practical Aesthetics of Modernity |**Alexei A. NOSKOV**

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
18, Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation
MA in Philosophy of Art
Lecturer
ORCID: 0000-0003-3346-877X
E-mail: alexei.yoyo@gmail.com

Igor D. REPIN

Saint Petersburg State University
5, Mendelevskaya line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
Research Engineer at Institute of Philosophy, Postgraduate Student at Aesthetics and Philosophy of Culture Department
ORCID: 0009-0008-0461-1681
E-mail: igor.repin@spbu.ru

THE MOVEMENT FROM AESTHETICS OF ENLIGHTENMENT TO THE PRACTICAL AESTHETICS OF MODERNITY*

This study proposes to apply an archaeological approach to the foundation of the philosophical theory of sensibility. In other words, using the method of the history of ideas in aesthetics to discover the main forms of practice from the middle of the 18th century to the end of the 19th century. It is appropriate to consider the transformations of the meaning of the term “practice” in aesthetics within the framework of historical epochs: Enlightenment, Romanticism and Modern. In the Enlightenment, the article can distinguish the founder of aesthetics A. Baumgarten, I. Kant and the figure of F. Schiller, also close to Romanticism. For the founder of aesthetics, the key theme is human education, and becoming human is rooted in the ancient concepts of self-care and the art of life. Further, the techniques of education in the texts of I. Kant and F. Schiller are replaced by the search for reference models for such human education. Learning through art is transformed into an interest in art objects. Art objects allow to “read” or certify with words in reasoning the ideas stored by art, available for edification and compassion of the subject, in particular by means of ekphrasis. The intellectuals of the Romantic era are searching for the ideal of art. The aesthetics of G.F.W. Hegel and his interpreter K. Rosenkranz are interested in the search for the forms and foundations of art, slowly eclipsing the original

teaching with the resources of rhetoric in aesthetics. Finally, in the Modern era, the first theorists of practical aesthetics, among them G. Semper, look for the meaning of art in craft to organise industrial production. This search for the sense of art brings up the question of the creator or artist and the limits of his freedom, as well as the origin and meaning of art itself and its applied forms. According to P. Sloterdijk, the scientific progress of cynical positivism gets rid of the unnecessary and gives art only a social function. As D. Dickie notes, modernity also offers the opposite position: the figure of the artist refutes this reduction to the function of art, destroying the very idea of the usefulness of the art object in the social institution of artistic creation and its public expression. The arbitrariness of the artist reopens the question of the foundations of all creativity. Obviously, creativity is broader than art, because it allows for different experiences in the process of play.

Keywords: history of ideas, art, enlightenment, romanticism, modernism, design, fantasy, experience, art of living, self-care.

The study was supported by grant No. 25-28-00685 from the Russian Science Foundation, “Principles and Strategy for the Development of Practical Aesthetics,” <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

Alexei A. NOSKOV, Igor D. REPIN

| The Movement from Aesthetics of Enlightenment to the Practical Aesthetics of Modernity |

References

- Baumgarten, A. (2021). *Ėstetika [Aesthetics]*. Moscow: Russkiĭ fond sodeĭstviia obrazovaniu i nauke. Izdatel'stvo Universiteta Dmitriia Pozharskogo. (In Russian).
- Kant, I. (1994). *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]*. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1966). *Sochineniia v shesti tomakh. T.5 [Essays in six volumes. Vol. 5]*. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1965). *Kritika prakticheskogo razuma [Critique of practical reason]*. In *Sochineniia v Shesti Tomakh. T.5 [Essays in six volumes. Vol. 5]* (Vols. 311–501). Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Leontiev, K. (2023). Schiller on Aesthetic Education as Radical Ethical-Political Remedy. *The British Journal of Aesthetics*, 63(4), 553–578. <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayad003>.
- Schiller, F. (2018). *Pis'ma ob ėsteticheskom vospitanii cheloveka [On the aesthetic education of man in a series of letters]*. Moscow: RIPOL klassik. (In Russian).
- Yakovleva, E. L. (2011). «Chelovek igraushchii i tvoriashchii» [“Man playing” and creating]. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ėkonomiki, upravleniia i prava. (In Russian).
- Hegel, G. W. F. (1968). *Ėstetika. V 4 tomakh. T.1 [Aesthetics. In 4 volumes. Vol. 1]*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Houlgate, S. (2024). Hegel's aesthetics (E. N. Zalta & U. Nodelmanv, Eds.). *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved April 15, 2025, from <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/hegel-aesthetics>.
- Shkepu, M. A. (2010). *Ėstetika bezobraznogo Karla Rozenkrantsa [The Aesthetics of the Ugly by Karl Rosenkrantz]*. Kyiv: Feniks. (In Russian).
- Zemper, G. (1970). *Prakticheskaia ėstetika [Practical aesthetics]*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Kollinz, R. (2002). *Soĭsiologiia filosofii: global'naia teoriia intellektual'nogo izmeneniia [The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change]*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian).
- Foucault, M. (2003). Chto takoe Prosveshchenie? [What is the Enlightenment?]. In *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]* (Vols. 335–359). Moscow: Praxis. (In Russian).
- Schasler, M. (1872). *Aesthetik als Philosophie des Schönen und der Kunst [Aesthetics as a philosophy of beauty and art]*. Nicolaische Verlagsbuchhandlung. (In German).
- Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub'ekta: kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [Hermeneutics of the subject: a course of lectures delivered at the Collège de France during the academic year 1981-1982]*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Kirwan, J. (2018). The Aesthetic Idea as the Essence of the Aesthetic. *ESPEs. The Slovak Journal of Aesthetics*, 7(1), 24–29. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6377800>
- Hegel, G. W. F. (1973). *Ėstetika. V 4 tomakh. T.4 [Aesthetics. In 4 volumes. Vol. 4.]*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Miller, J. (2015). The role of aesthetics in Hegelian theories of recognition. *Constellations*, 23(1), 96–109. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.12184>.
- Larsen, G., Patterson, M., & Markham, L. (2014). A Deviant Art: Tattoo-Related Stigma in an Era of Commodification. *Psychology and Marketing*, 31(8), 670–681. <https://doi.org/10.1002/mar.20727>.
- Herzig, W. (1873). *Die Angewandte oder praktische Ästhetik oder die Theorie der dekorativen Architektur [Applied or practical aesthetics or the theory of decorative architecture]*. Verlag von Karl Scholtze. (In German).
- Hvattum, M. (2001). Gottfried Semper: Between Poetics and Practical Aesthetics. *Zeitschrift Für Kunstgeschichte*, 64(4), 537. <https://doi.org/10.2307/3657236>
- Sloterdijk, P. (2009). *Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of cynical reason]*. Ekaterinburg: U-Faktoriia, Moscow: AST MOSKVA. (In Russian).
- Dickie, G. (2004). *The new institutional theory of art. Aesthetics and the philosophy of art: the analytic tradition: an anthology* (pp. 47–54). Blackwell Pub.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX–XXI века: сравнительный анализ |

Екатерина Александровна СТРУГОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
Институт Философии, кафедра культурологии, философии культуры и эстетики

Аспирант

ORCID 0000-0002-7688-0679

E-mail: ekaterina.strugova1997@gmail.com

ОТ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX–XXI ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Рассматриваемые в данной статье моменты в истории практической эстетики выводят практику как проблему из специальной области – англо-американской философии искусства и эстетики – в широкий контекст современной философии. На историко-философском уровне практика как понятие продемонстрировала большой потенциал к расширению понятийного и категориального аппарата философии искусства, чувственности. Практическая философия стала инструментом исследования различных эстетических практик, эстетики обоняния, осязания и вкуса, развития экспериментальной и эмпирической эстетики. Прагматический момент развития различных понятий и положений зарубежной практической эстетики связан с ее функциями: с адаптивной и с функцией обеспечения преемственности эстетического опыта субъекта. Ценностный момент практической эстетики способствовал ее эволюции – от функциональности до автономии практической эстетики как отдельной исследовательской области. Функциональный аспект и, в особенности, функционализм в философии искусства

проявляется в теориях, ориентированных на эстетический вкус, чувственность, чувствительность и «вторичные» чувства. Перечисленные объекты исследования вызывают ассоциации, во-первых, с эстетическим натурализмом в эстетике XX–XXI вв., во-вторых, – с прикладной эстетикой, изучающей отдельные виды искусства и арт-практики. В результате делается вывод о том, что в большинстве обозначенных контекстов практики ставятся эстетические проблемы (статус искусства, содержание, вторичные чувства, восприятие и другие), решение которых предполагает поиск предпосылок выведения прагматического, ценностного и функционального аспектов на первый план в истории эстетики.

Ключевые слова: практическая эстетика, эмпирическая эстетика, натурализм, чувственность, эстетический опыт, функционализм, прагматизм, эстетический эффект, содержательный анализ, Дж. Мур, С. Пеппер, М. Диакону.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

Введение

Практическая эстетика нередко основывается на проверенных временем понятиях и категориях, используемых для анализа и оценки эстетического опыта. Несмотря на частое смешение практики и прикладного

знания, первая не сводится исключительно к прикладному уровню. Обращение к терминам, устоявшимся в разных эстетических практиках, делает возможным пересмотр научных методов,

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

которые приводили к «рискам сциентизма в исследованиях»¹.

Важно подчеркнуть, что практика не исчерпывается числом экспериментов и конкретных действий. Если практическое знание, действительно, извлекается из опыта, то оно направлено на изучение явлений в определенных рамках, включающих в себя и теорию, и аналитику². Теоретизация представляет собой начало философского метода, который помогает прийти к таким же значимым выводам, как и к тем, что получены эмпирическим путем.

У современной практической эстетики были теоретические предпосылки в разных философских областях: методы, инструменты и понятия много раз апробировались в философии сознания, этике, философской эстетике. Примерно с 1980-х годов, когда психология, прикладная и эмпирическая эстетика проходили очередную «волну» своего активного развития, представители философской эстетики стали задавать все больше вопросов об объекте и методе своего исследования³.

С одной стороны, в философии искусства и эстетике чувственности произошел постепенный выход за пределы чисто теоретических проблем. К ним можно отнести проблемы сущности искусства, критериев отличия художественного от эстетического, необходимых и достаточных условий для оценки чего-то как

произведения искусства⁴. Зато эстетическая теория пополнилась экспериментальными данными о красоте и приятном⁵, подсчетами минимального содержания эстетического восприятия⁶. Тогда как практическая эстетика второй половины XX века стала изучать ценности, эстетический смысл и теоретическую роль опыта и даже конкретных чувств⁷ в подходах философии искусства⁸.

Наибольшее внимание в данной работе уделяется проблеме того, почему и как практическая эстетика может претендовать на отдельную область исследования. Новые научные понятия и модели нуждаются в обосновании с точки зрения актуальности и степени изученности. Порой находятся аргументы из того же контекста, что и новый термин, но также проводятся исторические аналогии между понятиями из разных эпох и традиций. Пример тому из эстетики и философии искусства – понятие «психическая дистанция», введенное Эдвардом

58

¹ Dreon, R., Sánchez, C. V. (2022). Naturalist trends in current aesthetics. *Studi di Estetica*, 22, 221–244. doi: 10.7413/18258646200.

² См., например: Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 27–35. doi: 10.2307/427491.

³ Mitias, M. H. (ed.). (1986). *Possibility of the aesthetic experience*. Norwell, MA, USA: Distributors for the U.S. and Canada, Kluwer Academic. 171 p.

⁴ Di Summa, L. (2014). Philosophical Aesthetics: A Naturalist Perspective. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*, 1, 191–208. doi: 10.2752/205393214X14083775794998.

⁵ Zangwill, N. (2018). Beauty and the agreeable: a critique of experimental aesthetics. In F. Cova, S. Réhault. (eds.), *Advances in Experimental Philosophy of Aesthetics*. London: Bloomsbury Academic, pp. 289–307.

⁶ Xenakis, I., Arnello, A. (2014). Aesthetic perception and its minimal content: a naturalistic perspective. *Frontiers in psychology*, 5, 1038. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01038.

⁷ См., например: Perullo, N. (2018). Haptic Taste as a Task. *The Monist*, 101(3), 261–276. doi: 10.1093/monist/ony005; Marschallek, B. E., Wagner, V., Jacobsen, T. (2021). Smooth as glass and hard as stone? On the conceptual structure of the aesthetics of materials. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 17(5), 632–644. doi:10.1037/aca0000437.

⁸ См., например: Leder, H., Nadal, M. (2014). Ten Years of a Model of Aesthetic Appreciation and Aesthetic Judgments: The Aesthetic Episode – Developments and Challenges in Empirical Aesthetics. *British Journal of Psychology*, 105(4), 443–464. doi: 10.1111/bjop.12084.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

Баллоу больше полувека назад⁹. Многие современные ученые считают, что оно было крайне важным для англо-американской философии искусства XX века и удивительным образом совпало с современной версией эстетического переживания в эмпирической эстетике – моделью дистанцирования и охвата («Distancing-Embracing»)¹⁰.

В свою очередь, практическая эстетика до сих пор остается предметом споров относительно своей концепции и статуса самостоятельной исследовательской сферы: не является ли она тавтологией и удвоением основного термина «...эстетика»¹¹? Может быть, она не менее тавтологична, чем «практическая...» в словосочетании «практическая польза»? Однако, если бы после статуса «практическая» стояло «...польза», то маловероятно, что эта ситуация напоминала бы «простые проблемы» в контексте «трудной проблемы сознания» Д. Чалмерса¹². В своей поздней статье он предположил, что критерий простых проблем – это наличие «стандартной» схемы для их объяснения¹³.

В данной работе будет предложена реконструкция становления практической эстетики в XX–XXI веках. Кроме того, предстоит ответить на вопросы: почему, развиваясь, практи-

ческая эстетика сохраняла специфику и свой предмет среди предметов других «эстетик» (например, в изучении телесных ощущений и повседневности)? Почему ей удалось отстоять независимость от эстетической практики, включающей в себя мировоззренческие позиции, личные предпочтения и ценностные установки?

Наиболее явными направлениями современной практической эстетики являются *прагматика*, аксиология (*ценностный аспект*) и *функционализм*. Каждый из них имеет свою специфику, проблемные области и смысловые лакуны, но в то же время все они создают сложный и непротиворечивый облик современной практической эстетики.

Прагматический момент развития практической эстетики

Философы языка первой половины и середины XX века подчеркивали, что эстетическая практика помимо своего назначения разрабатывать более гибкие методы по изменению реальности также исполняет ряд важных ролей относительно субъекта этой деятельности. Во-первых, она обеспечивает преемственность опыта, во-вторых, помогает адаптироваться к переменам, готовит субъекта к новым «частотам», привносящим в эстетический опыт элемент неожиданности. С точки зрения двух указанных смыслов понятия практики в аналитической философии – преемственности и настройки – следует продолжить осмыслять становление практической эстетики.

Вторая, адаптивная функция дает возможность субъекту сталкиваться с неизвестностью и ее теоретически предсказывать, в то время как первая функция, связанная с представлением о преемственности, позволяет пере-

⁹ Bullough, E. (1912). "Psychical distance" as a factor in art and an aesthetic principle. *British Journal of Psychology*, 5 (2), 87–117.

¹⁰ Cupchik, G. C. (2017). Reconciling an underlying contradiction in the Distancing-Embracing model. *The Behavioral and brain sciences*, 40, e356. doi: 10.1017/S0140525X17001649.

¹¹ Bussey, M. (2019). Anticipatory Aesthetics: The Senses and the Body in Anticipatory Theory and Practice. In R. Poli. (eds.), *Handbook of Anticipation: Theoretical and Applied Aspects of the Use of Future in Decision Making*. Springer, Cham, pp. 861–874. doi: 10.1007/978-3-319-91554-8_84.

¹² Chalmers, D. (1995). Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2 (3), 200–219.

¹³ Chalmers, D. (2018). The Meta-Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 25 (9–10), 7.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

ходить от одной области эстетического поля к другой. Например, по словам П. Стросона, несмотря на то, что новизна постигается в практике, это вовсе не означает, что впечатление от какого-либо объекта сохранит свою уникальность неизменной навсегда. Стросон спрашивает: «Что особенного в нашей реакции на эту вещь, в нашем переживании этой вещи? <...> Можем ли мы *обнаружить* особое переживание, которое *всегда* сопровождает этот вид наслаждения и никакое другое?»¹⁴. Из этого следует, что поиск *особенностей* может послужить отправной точкой эстетического анализа искусства.

О своих функциях, или ролях, эстетическая теория рефлексировала давно. Это происходило по обе стороны: от роли практики в теории и к функции теории в практике. Как утверждает М. Вейц, «роль теории в эстетике» состоит не столько в оценке, проверке и накоплении знаний, сколько в выявлении граней каждого акта эстетического восприятия, которому раньше не хватало оригинальности, эмоциональной насыщенности и уникальности¹⁵.

М. Вейц определил назначение эстетических исследований и замечаний Л. Витгенштейна в арт-практике так: «Проблема природы искусства похожа на проблему природы игр, если мы действительно смотрим и видим, что это является тем, что мы называем “искусством”, мы также не обнаружим общих свойств – но только цепь сходств»¹⁶. Однако в данном случае практика, в отличие от теории, имеет больше не «общих свойств», а принципов их

общности (по Вейцу, «цепи сходств»). Практика готовит субъекта к распознаванию эстетических черт объектов.

Дальнейшая эволюция двух тенденций – от функциональности до автономии практической эстетики – выявила необходимость ответа на вопрос: представляет ли собой практическая эстетика подраздел и приложение к философской эстетике? Либо, наоборот, философская эстетика, играющая роль теоретического фундамента, воплощается именно в практической эстетике?

Практическая эстетика могла бы стремиться к идеалу математической точности. Это бы сузило ее предметное поле явлениями природы и внесло ясность в методы исследования. Впрочем, научный интерес к природе и такой подход, как эстетический натурализм имеют совершенно разные историко-философские истоки. Термин Дж. Мура¹⁷ «натуралистическая ошибка» появился в философии (а, конкретно, – в этике) гораздо раньше, чем упомянутая ранее концепция П. Стросона, статья Т. Манро «Значения натурализма в философии и эстетике»¹⁸ и расцвет англо-американской философии искусства в 1950-е гг. Дж. Мур полагал, что в одних случаях под «ощущением» понимается *что-то* восприятие чувственных данных, а в остальных – сами данные¹⁹. Мур говорил об «определенном *наборе* чувственных данных», поэтому в этом отрывке важнее строение и число компонентов восприятия, участники которого отходят на второй план.

¹⁴ Strawson, P. F. (1974). *Aesthetic Appraisal and Works of Art*. In *Freedom and Resentment*. London: Methuen, pp. 196-208.

¹⁵ Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 31. doi: 10.2307/427491.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Moore, G. E. (2004). *Principia Ethica (Principles of Ethics)*. New York: Dover Publications. 256 p.

¹⁸ Munro, T. (1960). Meanings of “naturalism” in philosophy and aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism* 19 (2), 133-137.

¹⁹ Moore, G. E. (1953). *Some Main Problems of Philosophy*. London: Allen & Unwin, 31.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

Исследователь «искусства и визуального восприятия» Р. Арнхейм утверждал, что «люди чаще всего и дольше всего переносят определенную *среднюю* степень возбуждения»²⁰. Однако, признавая огромный вклад психологии в эстетику, нужно учитывать, что «средний балл» субъективных реакций не отражает одну из важнейших сторон эстетического опыта. К ней относятся интенции художника, исполнителя и аудитории, поскольку эстетика работает как с объектом, так и с субъектом.

Более того, применение терминов гуманитарных наук в практической эстетике позволяет считать реципиента и автора активными сторонами «эстетического эпизода»²¹. Дж. Дьюи подчеркивал необходимость взаимобмена художника и зрителя, поскольку оба обладают «эмоционализированным воображением» (“emotionalized imagination”)²². Иными словами, если эстетическое отношение – это осознанная позиция при созерцании объекта, то знания по теории и истории искусства проверяются не только на практике. Они играют роль поддержания непрерывности и адаптации к изменениям в чувственном опыте субъекта практики.

Таким образом, основной плюс практической эстетики как методологии по сравнению с эстетической теорией первой половины прошлого века – это тезис о непрерывном развитии субъекта и регулярности эстетического опыта. Его можно считать первым, *прагматическим* моментом целеполагания практической эстетики в истории зарубежной философии. На рубеже первой и второй половины XX века практи-

ческая эстетика восприятия артефактов искусства стала равноценной творческому процессу создания произведения или события²³.

**Ценностный аспект
развития практической эстетики**

Зарубежная эстетика и философия искусства 1970–1990-х годов запомнилась освоением проблем чувственного восприятия от строгих рамок логического анализа. Он восходит к философским концепциям Л. Витгенштейна, Дж. Мура, Н. Гудмана, Ф. Сибли и Т. Манро. М. Митиас задавал вопрос о самостоятельности эстетического опыта²⁴, Дж. Левинсон привлекал внимание к «удовольствиям», которые готовит изучение эстетики²⁵, а Д. МакИвер Лопес ставил «чувствительность» в заглавие своей книги²⁶. Ряд авторов усиливал перечисленные доводы, говоря, что удовольствие – это общеэстетический критерий. Однако эта мысль подверглась критике противниками гедонизма²⁷.

Правда ли, что тезис об эстетическом удовольствии как наибольшей практической пользы от опыта был авторитетным в эстетике XX века недолго? Вероятно, он занял промежуток между становлением прагматической, эмпирической и прикладной эстетики. Ведь после него некоторые ученые стали сомневаться, что в этих областях понятия эстетического опыта и чувственности трактовались верно. Скепсис ав-

²⁰ Arnheim, R. (1985). The other Gustav Theodor Fechner. In S. Koch, D. E. Leary (eds.), *A Century of Psychology as Science*. New York: McGraw-Hill, pp. 856–865.

²¹ Dewey, J. (1959). *Art as Experience*. New York: Capricorn Books, 73.

²² Ibid.

²³ Margolis, J. (1966). Sibley on Aesthetic Perception. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 25(2), 155–158. doi:10.2307/429386.

²⁴ Mitias, M. H. (1986). *Possibility of the Aesthetic Experience*. Dordrecht: Nijhoff. 182 p.

²⁵ Levinson, J. (1996). *The Pleasures of Aesthetics: Philosophical Essays*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 312 p.

²⁶ McIver Lopes, D. (2005). *Sight and Sensibility: Evaluating Pictures*. Oxford, GB: Oxford University Press. 210 p.

²⁷ Carroll, N. (2022). Forget Taste. *Journal of Aesthetic Education*, 56 (1), 1–27.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

торов распространился также на практическую эстетику, в которой данные понятия логически непроверяемы.

Например, в статье 1959 года Ф. Сибли писал: «Эстетические понятия не руководствуются условиями» в отличие от этических, имеющих нормативную силу в языке²⁸. Однако современные оппоненты использования философских терминов в практической эстетике уверены в том, что отрыв теории от практики похож на разницу между описанием эстетического опыта и его переживанием²⁹.

По сравнению со сторонниками «описательного и психологического метода»³⁰ С. Пеппер считал, что произведение искусства становится эстетическим в конце восприятия, будучи «набором релевантных интерпретаций»³¹. Эстетика для него – это образец для философии науки, от которой она постепенно эмансипируется³². В то время как Ф. Петтит, будучи когнитивистом в эстетике, отрицал «неперцептивный доступ» к произведениям искусства и к другим кандидатам на статус эстетического объекта³³. Это означает, что невозможность свести практику к процессу восприятия возвращает нас к исходной точке – разложению ее на составные

элементы и выявлению ее содержательной стороны. Это возможно несмотря на принадлежность эстетического опыта и восприятия к различным уровням логического анализа.

Таким образом, *второй, ценностный момент* целеполагания практической эстетики в истории философии – это прямая связь эстетики с практикой, а практики – с активной позицией эстетического субъекта. Практика, будучи антонимом претерпевания, пассивного восприятия чувственных данных, побудила исследователей к отделению искусства (как рукотворных объектов, в которых словно отпечаталась история их создания) от эстетического отношения к произведениям искусства³⁴. Ведь переживания в ходе эстетической практики придают ей глубину и помогают субъекту различить эстетические качества среди чувственных данных.

Функционализм и искусство

Ранее при рассмотрении аспектов практической эстетики могло показаться, что «обязанности» между прагматическим и ценностным моментами распределены неравномерно. Если аксиология основана на внутренних ценностях явлений, то прагматика должна вести к достижению внешних целей. Отчасти это так, но предпосылка еще только первого, прагматического момента практической эстетики – это результативность разных эстетических практик.

Сторонники обоих моментов (прагматического и ценностного), выступали за расширение поля, за пределами которого могли остаться признаки чувственного как практического. М. Бердсли, классик эстетики середины XX ве-

²⁸ Sibley, F. (1959). Aesthetic Concepts. *Philosophical Review*, 68 (4), 421-450. doi: 10.2307/2182490.

²⁹ De Clercq, R., Spoor, I. (2023). The Separability Thesis. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 81 (4), 476–484. doi: 10.1093/jaac/kpad052.

³⁰ См., например: McGregor, R. (1974). Art and the Aesthetic. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 32 (4), 549-559.

³¹ Pepper, S. C. (1952). Further Consideration of the Aesthetic Work of Art. *Journal of Philosophy*, 49 (8), 274-279.

³² Munro, T., Scruton, R. (1974). Aesthetics. In M. R. Hutchins, M. Adler (eds.), *Encyclopaedia Britannica* (15 ed.). Chicago, etc.: Encyclopaedia Britannica, 727. Retrieved April 12, 2025, from <https://ingbrief.wordpress.com/2022/11/27/aesthetics-encyclopaedia-britannica-15-edition/>.

³³ Pettit, P. (1983). The Possibility of Aesthetic Realism. In E. Schaper (ed.), *Pleasure, Preference and Value*. Cambridge: Cambridge University Press, 25.

³⁴ См., например: Korsmeyer, C. (1977). On Distinguishing “Aesthetic” from “Artistic”. *The Journal of Aesthetic Education*, 11 (4), 45–57.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

ка предположил, что, «когда кто-то усматривает эстетическую ценность, он ожидает или превосхищает, что оцененный результат будет совпадать либо продвигать чьи-то личные (эстетические или нет) цели, стандарты и критерии»³⁵.

Однако прагматический аспект практической эстетики остался бы неполноценным без четкого определения пределов этой практики. Важно прояснить: подразумевает ли понятие «практика» исключительно проверку теоретических положений на деле, или оно включает также элементы эксперимента, ошибок и формирования устойчивых привычек? Например, К. Мандоки в книге о «повседневной эстетике», посвященной «прозе, игре культуры и социальной идентичности», видит первую задачу эстетики в «обеспечении безопасности качества жизни и уважении к цельности чувствительности человека»³⁶.

Тождество практической эстетики с эстетической практикой в аналитической философии получило разные оценки. Иногда их слияние понималось как релятивизм (представление о том, что эстетика относительна и является эстетикой чего-то, к примеру, – эстетикой искусства) и как «умеренный» функционализм³⁷. Истоки последнего находятся в англо-американской философии искусства середины XX века. В ее контексте выяснялись функция³⁸,

роль³⁹ и место (например, роли чувств) в эстетическом опыте как некоем целом.

С одной стороны, между практикой эстетического опыта и органами чувств, задействованными в ней, есть большая разница. Чувства не доставляют субъекту знание об опыте в целом, а дают ему попрактиковаться в каждом из внешних органов восприятия (буквально, «экстерорецепторов»)⁴⁰. С другой стороны, при всех различиях между ними сохраняется единство смысла практики как упражнения (в прекрасном, чувствительности, остроумии).

Современные авторы сравнивают чувствительность с навыком, для выработки которого нужна практика. П. Табельман считает, что даже смутное, мимолетное впечатление «может вызвать у зрителя “зуд” («an ‘itch’»)), оставить его с чувством, что в этом произведении есть что-то не до конца осознанное, но, тем не менее, запечатленное в памяти»⁴¹. Отсутствие нижнего предела для формирования полноценного эстетического переживания нужно учитывать. Ведь такие важные параметры, как интенсивность ощущений, эмоциональная насыщенность, длительное впечатление после события и желание повторить именно такое переживание являются условиями достижения удовлетворительного результата. Однако сами по себе эти параметры недостаточны для полной реализации эстетического опыта.

Некоторые авторы не согласны с тем, что практика (или даже «привычка») опыта до-

³⁵ Beardsley, M. C. (1970). The aesthetic point of view. *Metaphilosophy*, 1, 39–58. doi: 10.1111/j.1467-9973.1970.tb00784.x.

³⁶ Mandoki, K. (2007). *Everyday Aesthetics: Prosaics, the Play of Culture and Social Identities* (1st ed.). Ashgate: Routledge, 97. doi: 10.4324/9781315581286.

³⁷ Sauchelli, A. (2013). Functional beauty, perception, and aesthetic judgements. *British Journal of Aesthetics*, 53, 41–53. doi: 10.1093/aesthj/ays057.

³⁸ Goodman, N. (1976). *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*. Indianapolis: Hackett Publishing. 277 p.

³⁹ Covach, F. J. (1970). The Role of the Senses in the Aesthetic Experience. *The Southwestern Journal of Philosophy*, 1 (3), 96.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Taberham, P. (2018). *Lessons in Perception: The Avant-Garde Filmmaker as Practical Psychologist*. New York: Berghahn Books. 213 p. doi: 10.2307/j.ctv3znzvc.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

бавляет к нему дополнительное измерение⁴². Мол, эстетический эффект по завершении опыта – еще не показатель того, что зрителя, слушателя, испытуемого «задело». Например, Л. Шинер предположил: «Возможно, духи считаются искусством, если они демонстрируют интенциональность, санкционированную как правильными институтами, так и предшествующими практиками»⁴³.

В главе «Страх перед запахом» своей монографии «Искусство пахнет» Л. Шинер нашел истоки отрицательного отношения к запаху в западной эстетике (от И. Канта и Ф. Ницше до своего старшего современника Р. Скрутона). В античной философии упоминалось, что запах недостаточно отдален от телесных желаний, а Шинер связал недооценку запаха с четырьмя словами на букву “d”: “неприемлемый, дефектный, вводящий в заблуждение и необязательный”⁴⁴. Таким образом, прагматический аспект практической эстетики начинается с отдельных органов чувств, но не заканчивается на ощущениях в них.

На рубеже XX–XXI вв. проблема равномерной представленности всех органов чувств в чувственности решалась в так называемом «синэстетическом подходе» М. Диакону и Г. Бёме несмотря на то, что их бэкграунд – континентальная философия. В поле искусства, по Диакону, обнажается «вопиющее расхождение между опытом философов и парфюмеров» и «рефлексивный гедонизм»⁴⁵. Последний – это

результат завышенных требований к эстетическому опыту. Искусство для М. Диакону остается универсальным, но не единственным «полем» опыта. Она вступает в полемику с теми философами, которые сужают удовольствие «удовольствием для искусства»⁴⁶.

Чувствительность, которую Диакону предпочла чувственности, не переводит субъекта из практической установки в аналитическую. Последняя означает, в том числе, теоретический интерес к исходу опыта, но как только он возникает, выяснение того, что именно запустило опыт (искусство, природа, повседневные вещи и т.д.), отступает на второй план. Задача чувственности тогда – обеспечить временную связь между отчетом субъекта о воздействии извне и широтой поля его эстетического опыта.

Итак, в разработках функционализма и чувственно-ориентированной эстетики есть отголоски, как минимум, двух ранее упомянутых подходов. Во-первых, – натурализма⁴⁷, во-вторых, – прагматического подхода к эстетической практике. Во всех них ставится упор на причинной связи между свойствами объекта и откликом на него, особый чувственный статус которого требует доказательства.

⁴² Portera, M. (2022). Aesthetics as a Habit: Between Constraints and Freedom, Nudges and Creativity. *Philosophies*, 7 (2), 24. doi: 10.3390/philosophies7020024.

⁴³ Shiner, L. (2020). *Art Scents: Exploring the Aesthetics of Smell and the Olfactory Arts*. New York: Oxford University Press, 220.

⁴⁴ Ibid. 138.

⁴⁵ Diaconu, M. (2006). Reflections on an Aesthetics of Touch, Smell and Taste. *Contemporary Aesthetics*, 4. Retrieved

April 13, 2025, from <https://quod.lib.umich.edu/c/ca/7523862.0004.008?rgn=main;view=fulltext> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴⁶ Levinson, J. (2009). Aesthetic Pleasure. In S. Davies, K. M. Higgins, R. Hopkins, R. Stecker, D. E. Cooper (eds.), *A Companion to Aesthetics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 121.

⁴⁷ Dreon, R., Sánchez, C. V. (2022). Naturalist trends in current aesthetics. *Studi di Estetica*, 22, 221-244. doi: 10.7413/18258646200.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |**Практическая эстетика как стратегия исследования чувственности в современной философии**

В эмпирической эстетике доказывается причинная связь между постоянными свойствами объекта и случайным чувственным откликом на него. Понятия «визуальная чувствительность» и «эстетический коэффициент» отражают не столько мотивацию субъекта восприятия, сколько результат и последствия эстетической практики⁴⁸. В совершенно разных философских областях и подходах время от времени ставится акцент на следствиях опыта (например, консеквенциализм в этике). Важен конечный итог, «КПД» опыта, и мотив к нему отходит на второй план, но это не говорит о стремлении авторов завершить аналитику эстетического восприятия на выявлении признаков самых «опытоёмких» объектов.

Хотя практическая эстетика сосредоточена на результате, это вовсе не означает, что ее отношение к иным эстетическим подходам аналогично связи между первичными и вторичными чувствами. Она подобна тому, как если бы одно чувство подражало действию других. Например, восприятие запаха словно заимствует механизмы слуха: мы говорим «слышать аромат», выделяя композицию ароматов, верхние, средние и базовые ноты.

Также практическая эстетика разрабатывает пути углубления опыта. Либо, наоборот, самой погруженной вглубь считается та аудитория, эстетическому чувству которой не достает чувственной широты. Коллективная монография «Практическая эстетика», опубликован-

ная в серии «Мышление в мире», отсылает к «мышлению с...», вместе или «через» художественные и повседневные аспекты мира⁴⁹. Например, в главе «Эссеистическое воображение» Кристофер Эрнст подробно объясняет, как теория эссеистического письма Макса Бенса может быть практической эстетикой.

Методология данной книги («мышление с искусством»); искусство не как предмет внешнего анализа, а субъект со своим знанием и правом на него) дает слово произведениям искусства⁵⁰, но оставляет за пределами практического исследования эстетический опыт как таковой. Зато в монографии подробно разбираются его возможные корреляты: биоарт, видеоэссе, цвета, технологии и так далее.

Понятиям и терминам, которые применяются в разных традициях современной зарубежной практической эстетики, действительно, присуще разнообразие. Оно связано, в том числе, с тем, что круг чувственных форм во времени – отклик, эмоциональная реакция, переживание, опыт и другие – гораздо шире удовольствия и неудовольствия. Хотя ключевое достижение аналитической философии состоит в следующем. Многие авторы отрицают релятивизм и реляционный подход, представляющие философию и эстетику как теоретическое приложение к искусству и практикам повседневности⁵¹. Напротив, эстетическая теория должна развиваться в диалоге с практической эстетикой.

С одной стороны, по мнению представителей функционализма, практическая эстетика

⁴⁸ Myszkowski, N., Zenasni, F. (2016). Individual Differences in Aesthetic Ability: The Case for an Aesthetic Quotient. *Frontiers in Psychology*, 7. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00750.

⁴⁹ Herzogenrath, B. (ed.). (2021). *Practical aesthetics*. New York: Bloomsbury Academic. 280 p.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Xiao, L., Lee, H. S. (2021). The Characteristics of Affective Turn in Media Arts through Relational Aesthetics-Centered on the Digital Works of TeamLab. *Journal of Digital Convergence*, 19(2), 323–337.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

изучает процесс выхода истории чьей-то практики (которая, в противном случае, так бы и осталась закрытым профилем в социальной сети со списком просмотренного) в публичное пространство⁵². С другой, есть много вариантов практики: «практика чего-то», практика как «опыт теории», а также довольно спорное сравнение практики с прагматикой. Поэтому философский прагматизм, прагматизм как стратегия увеличения пользы и прагматический аспект практической эстетики – это совершенно особые направления со своими предпосылками, линиями согласия и несогласия с другими направлениями в англо-американской философии⁵³.

Заключение

Первый аспект практической эстетики в зарубежных исследованиях XX–XXI вв. – прагматический – позволяет сделать вывод о том, что практика в указанный период выступила инструментом, который привнес единство в изучение эстетической реальности. Она обусловлена теорией и практикой ее применения отдельным субъектом⁵⁴. Подобное разделение перекликается с понятием вкуса в англо-американской философии искусства середины прошлого века и в континентальной философии. Согласно Ф. Сибли, вкус – это «способность различать эстетические качества ве-

щей»⁵⁵, а «разделение чувственного» Ж. Рансьера приводит если не к привилегированному, то к исключительному вкусу⁵⁶.

Второй аспект – ценностный – проявил наибольшую устойчивость и универсальность в сравнительном анализе разных направлений практической эстетики. Он позволяет определить степень соответствия конкретной деятельности принципам полезности, опыту восприятия красоты предмета или явления, а также дополнительным смыслам итога этой деятельности. Практика служит вознаграждением наблюдателя и новым пространством для реализации теоретических положений эстетики.

Третий момент назывался «эстетический функционализм» не только из-за интересных ассоциаций «функциональной красоты» с классической эстетикой XVIII века⁵⁷. Современный функционализм наследует принципу кантовской эстетики – «формальной целесообразности природы». Его представителей объединяет «гедонистический консенсус», существующий также в арт-сообществе, научной среде и имплицитно – среди воспринимающих⁵⁸.

Современный этап понимания практической эстетики по сравнению с другими, тоже практико-ориентированными периодами можно назвать умеренным функционализмом. В нем уживаются описание эстетического переживания и оценка его качества. Основным критерий

⁵² Paris, P. (2020). Functional Beauty, Pleasure, and Experience. *Australasian Journal of Philosophy*, 98 (3), 516–530.

⁵³ Korpelainen, N.-H. (2023). On Experiencing Sustainability: Clarifying the Sensory Approach with the Pragmatist Aesthetics' Conception of Aesthetic Sensibility. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, XV (2). doi: 10.4000/ejap.3369.

⁵⁴ Stroud, R. S. (2014). The Art of Experience: Dewey on the Aesthetic. In W. Malecki (ed.), *Practicing Pragmatist Aesthetics*. New York: Rodopi, pp. 38–40.

⁵⁵ Sibley, F. (1966). Symposium: About Taste. *British Journal of Aesthetics*, 6 (1), 68–69. doi: 10.1093/bjaesthetics/6.1.68.

⁵⁶ Rancière, J. (2004). *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. London, New York: Continuum. 116 p.

⁵⁷ Parsons, G. (2008). *Functional Beauty*. Oxford, GB: Oxford University Press. 272 p.

⁵⁸ Van der Berg, S. (2020). Aesthetic Hedonism and Its Critics. *Philosophy Compass*, 15 (1), e12645. doi: 10.1111/phc3.12645.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

умеренного функционализма – качество впечатления, а не число признаков и чувств, переведенных из обыденной речи в эстетические категории.

Как было определено в первой части данной статьи, прагматический момент практики проявляется в количественном, содержательном и функциональном анализе. Последний недавно пережил заметное обновление в подходе к ценностям с точки зрения подходящего отношения («а Fitting-Attitude Approach»)⁵⁹. Функциональный анализ подходит для эстетических объектов, лучше всего выполняющих свое назначение. Тогда как во втором случае – содержательного анализа – стремление мыслить какой-то объект, явление без отрыва от его частей свидетельствовало об интересе теоретиков последней четверти XX века – начала XXI века к уникальному эстетическому эффекту их соединения.

Таким образом, чтобы перерасти в практику, эстетическому опыту нужно расширение, дополнительное поле, где он развернется. Будет ли оно эстетической практикой или эстетическим опытом? Вспоминаются, например, произведения У. Эко «Опыты в переводе» и «Опыты» М. Монтеня. Некоторым предметам искусства и повседневным явлениям требуется время, чтобы погасить свою эмоциональную яркость. Практике опыта гораздо ближе смысл повторения какого-то действия, упражнения в чувственности, оттачивания образа опыта, а не получения навыка в смысле количественных методов экспериментальной, эмпирической и психологической эстетики.

Список литературы

- Dreon, R., Sánchez, C. V. (2022). Naturalist trends in current aesthetics. *Studi di Estetica*, 22, 221–244. doi: 10.7413/18258646200.
- Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 27–35. doi: 10.2307/427491.
- Mitias, M. H. (ed.) (1986). *Possibility of the aesthetic experience*. Norwell, MA, USA: Distributors for the U.S. and Canada, Kluwer Academic. 171 p.
- Di Summa, L. (2014). Philosophical Aesthetics: A Naturalist Perspective. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*, 1, 191–208. doi: 10.2752/205393214X14083775794998.
- Zangwill, N. (2018). Beauty and the agreeable: a critique of experimental aesthetics. In F. Cova, S. Réhault (eds.), *Advances in Experimental Philosophy of Aesthetics*. London: Bloomsbury Academic, 289–307.
- Xenakis, I., Arnellos, A. (2014). Aesthetic perception and its minimal content: a naturalistic perspective. *Frontiers in psychology*, 5, 1038. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01038.
- Perullo, N. (2018). Haptic Taste as a Task. *The Monist*, 101(3), 261–276. doi: 10.1093/monist/ony005.
- Marschallek, B. E., Wagner, V., Jacobsen, T. (2021). Smooth as glass and hard as stone? On the conceptual structure of the aesthetics of materials. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 17(5), 632–644. doi:10.1037/aca0000437.
- Leder, H., Nadal, M. (2014). Ten Years of a Model of Aesthetic Appreciation and Aesthetic Judgments: The Aesthetic Episode – Developments and Challenges in Empirical Aesthetics. *British Journal of Psychology*, 105(4), 443–464. doi: 10.1111/bjop.12084.
- Bullough, E. (1912). “Psychical distance” as a factor in art and an aesthetic principle. *British Journal of Psychology*, 5 (2), 87–117.
- Cupchik, G. C. (2017). Reconciling an underlying contradiction in the Distancing-Embracing model. *The Behavioral and brain sciences*, 40, e356. doi: 10.1017/S0140525X17001649.
- Bussey, M. (2019). Anticipatory Aesthetics: The Senses and the Body in Anticipatory Theory and Practice. In

⁵⁹ Kriegel, U. (2023). A Fitting-Attitude Approach to Aesthetic Value? *British Journal of Aesthetics*, 63 (1), 57–73.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

- Poli, R. (eds.), *Handbook of Anticipation*, Springer, Cham, pp. 861–874. doi: 10.1007/978-3-319-91554-8_84.
- Chalmers, D. (1995). Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2 (3), 200–219.
- Chalmers, D. (2018). The Meta-Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 25 (9-10), 6–61.
- Strawson, P. F. (1974). Aesthetic Appraisal and Works of Art. In *Freedom and Resentment*. London: Methuen, 196–208.
- Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 27–35. doi: 10.2307/427491.
- Moore, G. E. (2004). *Principia Ethica (Principles of Ethics)*. New York: Dover Publications. 256 p.
- Munro, T. (1960). Meanings of “naturalism” in philosophy and aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 19 (2), 133–137.
- Moore, G. E. (1953). *Some Main Problems of Philosophy*. London: Allen & Unwin. 380 p.
- Arnheim, R. (1985). The other Gustav Theodor Fechner. In S. Koch, D. E. Leary (eds.). *A Century of Psychology as Science*. New York: McGraw-Hill, 856–865.
- Dewey, J. (1959). *Art as Experience*. New York: Capricorn Books. 384 p.
- Margolis, J. (1966). Sibley on Aesthetic Perception. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 25(2), 155–158. doi:10.2307/429386.
- Mitias, M. H. (1986). *Possibility of the Aesthetic Experience*. Dordrecht: Nijhoff. 182 p.
- Levinson, J. (1996). *The Pleasures of Aesthetics: Philosophical Essays*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 312 p.
- McIver Lopes, D. (2005). *Sight and Sensibility: Evaluating Pictures*. Oxford, GB: Oxford University Press. 210 p.
- Carroll, N. (2022). Forget Taste. *Journal of Aesthetic Education*, 56 (1), 1–27.
- Sibley, F. (1959). Aesthetic Concepts. *Philosophical Review*, 68 (4), 421–450. doi: 10.2307/2182490.
- De Clercq, R., Spoor, I. (2023). The Separability Thesis. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 81 (4), 476–484. doi: 10.1093/jaac/kpad052.
- McGregor, R. (1974). Art and the Aesthetic. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 32 (4), 549–559. doi: 10.1111/1540_6245.jaac28.4.0549.
- Pepper, S. C. (1952). Further Consideration of the Aesthetic Work of Art. *Journal of Philosophy*. 49 (8), 274–279. doi: 10.2307/2020802.
- Munro, T., Scruton, R. (1974). Aesthetics. In M. R. Hutchins, M. Adler (eds.), *Encyclopaedia Britannica* (15 ed.). Chicago, etc.: Encyclopaedia Britannica, 727. Retrieved April 12, 2025, from <https://ingbrief.wordpress.com/2022/11/27/aesthetics-encyclopaedia-britannica-15-edition/>.
- Pettit, P. (1983). The Possibility of Aesthetic Realism. In E. Schaper (ed.), *Pleasure, Preference and Value*. Cambridge: Cambridge University Press, 17–38.
- Korsmeyer, C. (1977). On Distinguishing “Aesthetic” from “Artistic”. *The Journal of Aesthetic Education*, 11 (4), 45–57.
- Beardsley, M. C. (1970). The aesthetic point of view. *Metaphilosophy* 1, 39–58. doi: 10.1111/j.1467-9973.1970.tb00784.x.
- Mandoki, K. (2007). *Everyday Aesthetics: Prosaics, the Play of Culture and Social Identities* (1st ed.). Ashgate: Routledge. 348 p. doi: 10.4324/9781315581286.
- Sauchelli, A. (2013). Functional beauty, perception, and aesthetic judgements. *British Journal of Aesthetics*, 53, 41–53. doi: 10.1093/aesthj/ays057.
- Goodman, N. (1976). *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*. Indianapolis: Hackett Publishing. 277 p.
- Covach, F. J. (1970). The Role of the Senses in the Aesthetic Experience. *The Southwestern Journal of Philosophy*, 1 (3), 91–102.
- Taberham, P. (2018). *Lessons in Perception: The Avant-Garde Filmmaker as Practical Psychologist*. New York: Berghahn Books. 213 p. doi: 10.2307/j.ctv3znzvc.
- Portera, M. (2022). Aesthetics as a Habit: Between Constraints and Freedom, Nudges and Creativity. *Philosophies*, 7(2), 24. doi: 10.3390/philosophies7020024.

Екатерина Александровна СТРУГОВА

| От эстетической теории к практической эстетике в зарубежных исследованиях XX-XXI века: сравнительный анализ |

Shiner, L. (2020). *Art Scents: Exploring the Aesthetics of Smell and the Olfactory Arts*. New York: Oxford University Press. 355 p.

Diaconu, M. (2006). Reflections on an Aesthetics of Touch, Smell and Taste. *Contemporary Aesthetics*, 4. Retrieved April 13, 2025, from <https://quod.lib.umich.edu/c/ca/7523862.0004.008?rgn=main;view=fulltext> (дата обращения: 13.04.2025).

Levinson, J. (2009). Aesthetic Pleasure. In S. Davies, K. M. Higgins, R. Hopkins, R. Stecker, D. E. Cooper (eds.), *A Companion to Aesthetics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 121–124.

Myszkowski, N., Zenasni, F. (2016). Individual Differences in Aesthetic Ability: The Case for an Aesthetic Quotient. *Frontiers in Psychology*, 7. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00750.

Herzogenrath, B. (ed.). (2021). *Practical aesthetics*. New York: Bloomsbury Academic. 280 p.

Xiao, L., Lee, H. S. (2021). The Characteristics of Affective Turn in Media Arts through Relational Aesthetics-Centered on the Digital Works of TeamLab. *Journal of Digital Convergence*, 19 (2), 323–337.

Paris, P. (2020). Functional Beauty, Pleasure, and Experience. *Australasian Journal of Philosophy*, 98 (3), 516–530.

Korpelainen, N.-H. (2023). On Experiencing Sustainability: Clarifying the Sensory Approach with the Pragmatist Aesthetics' Conception of Aesthetic Sensibility. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, XV (2). doi: 10.4000/ejrap.3369.

Stroud, R. S. (2014). The Art of Experience: Dewey on the Aesthetic. In W. Malecki (ed.), *Practicing Pragmatist Aesthetics*. New York: Rodopi, pp. 38–40.

Sibley, F. (1966). Symposium: About Taste. *British Journal of Aesthetics*, 6 (1), 68–69. doi: 10.1093/bjaesthetics/6.1.68.

Rancière, J. (2004). *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. London, New York: Continuum.

Parsons, G. (2008). *Functional Beauty*. Oxford, GB: Oxford University Press. 272 p.

Van der Berg, S. (2020). Aesthetic Hedonism and Its Critics. *Philosophy Compass*, 15 (1), e12645. doi: 10.1111/phc3.12645.

Kriegel, U. (2023). A Fitting-Attitude Approach to Aesthetic Value? *British Journal of Aesthetics*, 63 (1), 57–73.

Ekaterina A. STRUGOVA

| From Aesthetic Theory to Practical Aesthetics in Foreign Studies of the XX-XXI Century: a Comparative Analysis |

Ekaterina A. STRUGOVA

Saint Petersburg State University
5, Mendeleevskaya line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
Institute of Philosophy
Postgraduate Student
ORCID 0000-0002-7688-0679
E-mail: ekaterina.strugova1997@gmail.com

FROM AESTHETIC THEORY TO PRACTICAL AESTHETICS IN FOREIGN STUDIES OF THE XX-XXI CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS*

The historical and philosophical moments of practical aesthetics scrutinized in this article deliver practice as a problem from a special field – the Anglo-American philosophy of art and aesthetics – into the broad context of contemporary philosophy. At the historical and philosophical level, practice as a concept has demonstrated great potential for expanding the set of concepts and categories of the philosophy of art and sensuality. Practical philosophy has become an approach for the study of various aesthetic practices, aesthetics of smell, touch and taste, and the development of experimental and empirical aesthetics. The pragmatic moment of the development of various concepts and statements of foreign practical aesthetics is related to its functions: adaptive and the function of maintaining continuity of subjective aesthetic experience. The value moment of practical aesthetics has contributed to its evolution from functionality to its autonomy as a scientific field. The functional aspect and, in particular, functionalism in the philosophy of art is manifested in theories focused on aesthetic taste, sensuality, sensitivity

and “secondary” senses. These objects of research evoke associations, first of all, with aesthetic naturalism in the aesthetics of the XX–XXI centuries, and secondly, with applied aesthetics, which studies certain types of art and art practices. As a result, it is concluded that in most of these practice contexts aesthetic problems are raised (the status of art, content, secondary feelings, perception, and others), the solution of which involves the search for prerequisites for foregrounding the pragmatic, value, and functional aspects in the history of aesthetics.

Keywords: practical aesthetics, empirical aesthetics, naturalism, sensuality, aesthetic experience, functionalism, pragmatism, aesthetic effect, content analysis, J. Moore, S. Pepper, M. Diaconu.

The study was supported by grant No. 25-28-00685 from the Russian Science Foundation, “Principles and Strategy for the Development of Practical Aesthetics,” <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

References

Dreon, R., Sánchez, C. V. (2022). Naturalist trends in current aesthetics. *Studi di Estetica*, 22, 221–244. doi: 10.7413/18258646200.

Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 27–35. doi: 10.2307/427491.

Mitias, M. H. (ed.) (1986). *Possibility of the aesthetic experience*. Norwell, MA, USA: Distributors for the U.S. and Canada, Kluwer Academic. 171 p.

Di Summa, L. (2014). Philosophical Aesthetics: A Naturalist Perspective. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*, 1, 191–208. doi: 10.2752/205393214X14083775794998.

Zangwill, N. (2018). Beauty and the agreeable: a critique of experimental aesthetics. In F. Cova, S. Réhault (eds.), *Advances in Experimental Philosophy of Aesthetics*. London: Bloomsbury Academic, 289–307.

Ekaterina A. STRUGOVA

| From Aesthetic Theory to Practical Aesthetics in Foreign Studies of the XX-XXI Century: a Comparative Analysis |

Xenakis, I., Arnellos, A. (2014). Aesthetic perception and its minimal content: a naturalistic perspective. *Frontiers in psychology*, 5, 1038. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01038.

Perullo, N. (2018). Haptic Taste as a Task. *The Monist*, 101(3), 261-276. doi: 10.1093/monist/ony005.

Marschallek, B. E., Wagner, V., Jacobsen, T. (2021). Smooth as glass and hard as stone? On the conceptual structure of the aesthetics of materials. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 17(5), 632-644. doi:10.1037/aca0000437.

Leder, H., Nadal, M. (2014). Ten Years of a Model of Aesthetic Appreciation and Aesthetic Judgments: The Aesthetic Episode – Developments and Challenges in Empirical Aesthetics. *British Journal of Psychology*, 105(4), 443-464. doi: 10.1111/bjop.12084.

Bullough, E. (1912). "Psychical distance" as a factor in art and an aesthetic principle. *British Journal of Psychology*, 5 (2), 87-117.

Cupchik, G. C. (2017). Reconciling an underlying contradiction in the Distancing-Embracing model. *The Behavioral and brain sciences*, 40, e356. doi: 10.1017/S0140525X17001649.

Bussey, M. (2019). Anticipatory Aesthetics: The Senses and the Body in Anticipatory Theory and Practice. In Poli, R. (eds.), *Handbook of Anticipation*, Springer, Cham, pp. 861-874. doi: 10.1007/978-3-319-91554-8_84.

Chalmers, D. (1995). Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2 (3), 200-219.

Chalmers, D. (2018). The Meta-Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 25 (9-10), 6-61.

Strawson, P. F. (1974). Aesthetic Appraisal and Works of Art. In *Freedom and Resentment*. London: Methuen, 196-208.

Weitz, M. (1956). The role of theory in aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 15 (1), 27-35. doi: 10.2307/427491.

Moore, G. E. (2004). *Principia Ethica (Principles of Ethics)*. New York: Dover Publications. 256 p.

Munro, T. (1960). Meanings of "naturalism" in philosophy and aesthetics. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 19 (2), 133-137.

Moore, G. E. (1953). *Some Main Problems of Philosophy*. London: Allen & Unwin. 380 p.

Arnheim, R. (1985). The other Gustav Theodor Fechner. In S. Koch, D. E. Leary (eds.), *A Century of Psychology as Science*. New York: McGraw-Hill, 856-865.

Dewey, J. (1959). *Art as Experience*. New York: Capricorn Books. 384 p.

Margolis, J. (1966). Sibley on Aesthetic Perception. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 25(2), 155-158. doi:10.2307/429386.

Mitias, M. H. (1986). *Possibility of the Aesthetic Experience*. Dordrecht: Nijhoff. 182 p.

Levinson, J. (1996). *The Pleasures of Aesthetics: Philosophical Essays*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 312 p.

McIver Lopes, D. (2005). *Sight and Sensibility: Evaluating Pictures*. Oxford, GB: Oxford University Press. 210 p.

Carroll, N. (2022). Forget Taste. *Journal of Aesthetic Education*, 56 (1), 1-27.

Sibley, F. (1959). Aesthetic Concepts. *Philosophical Review*, 68 (4), 421-450. doi: 10.2307/2182490.

De Clercq, R., Spoor, I. (2023). The Separability Thesis. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 81 (4), 476-484. doi: 10.1093/jaac/kpad052.

McGregor, R. (1974). Art and the Aesthetic. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 32 (4), 549-559. doi: 10.1111/1540_6245.jaac28.4.0549.

Pepper, S. C. (1952). Further Consideration of the Aesthetic Work of Art. *Journal of Philosophy*, 49 (8), 274-279. doi: 10.2307/2020802.

Munro, T., Scruton, R. (1974). Aesthetics. In M. R. Hutchins, M. Adler (eds.), *Encyclopaedia Britannica* (15 ed.). Chicago, etc.: Encyclopaedia Britannica, 727. Retrieved April 12, 2025, from <https://ingbrief.wordpress.com/2022/11/27/aesthetics-encyclopaedia-britannica-15-edition/>.

Ekaterina A. STRUGOVA

| From Aesthetic Theory to Practical Aesthetics in Foreign Studies of the XX-XXI Century: a Comparative Analysis |

Pettit, P. (1983). The Possibility of Aesthetic Realism. In E. Schaper (ed.), *Pleasure, Preference and Value*. Cambridge: Cambridge University Press, 17–38.

Korsmeyer, C. (1977). On Distinguishing “Aesthetic” from “Artistic”. *The Journal of Aesthetic Education*, 11 (4), 45–57.

Beardsley, M. C. (1970). The aesthetic point of view. *Metaphilosophy* 1, 39–58. doi: 10.1111/j.1467-9973.1970.tb00784.x.

Mandoki, K. (2007). *Everyday Aesthetics: Prosaics, the Play of Culture and Social Identities* (1st ed.). Ashgate: Routledge. 348 p. doi: 10.4324/9781315581286.

Sauchelli, A. (2013). Functional beauty, perception, and aesthetic judgements. *British Journal of Aesthetics*, 53, 41–53. doi: 10.1093/aesthj/ays057.

Goodman, N. (1976). *Languages of Art: An Approach to a Theory of Symbols*. Indianapolis: Hackett Publishing. 277 p.

Covach, F. J. (1970). The Role of the Senses in the Aesthetic Experience. *The Southwestern Journal of Philosophy*, 1 (3), 91–102.

Taberham, P. (2018). *Lessons in Perception: The Avant-Garde Filmmaker as Practical Psychologist*. New York: Berghahn Books. 213 p. doi: 10.2307/j.ctv3znzvc.

Portera, M. (2022). Aesthetics as a Habit: Between Constraints and Freedom, Nudges and Creativity. *Philosophies*, 7(2), 24. doi: 10.3390/philosophies7020024.

Shiner, L. (2020). *Art Scents: Exploring the Aesthetics of Smell and the Olfactory Arts*. New York: Oxford University Press. 355 p.

Diaconu, M. (2006). Reflections on an Aesthetics of Touch, Smell and Taste. *Contemporary Aesthetics*, 4. Retrieved April 13, 2025, from <https://quod.lib.umich.edu/c/ca/7523862.0004.008?rgn=main;view=fulltext> (Accessed: 13.04.2025).

Levinson, J. (2009). Aesthetic Pleasure. In S. Davies, K. M. Higgins, R. Hopkins, R. Stecker, D. E. Cooper (eds.), *A Companion to Aesthetics*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 121–124.

Myszkowski, N., Zenasni, F. (2016). Individual Differences in Aesthetic Ability: The Case for an Aesthetic Quotient. *Frontiers in Psychology*, 7. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00750.

Herzogenrath, B. (ed.). (2021). *Practical aesthetics*. New York: Bloomsbury Academic. 280 p.

Xiao, L., Lee, H. S. (2021). The Characteristics of Affective Turn in Media Arts through Relational Aesthetics-Centered on the Digital Works of TeamLab. *Journal of Digital Convergence*, 19 (2), 323–337.

Paris, P. (2020). Functional Beauty, Pleasure, and Experience. *Australasian Journal of Philosophy*, 98 (3), 516–530.

Korpelainen, N.-H. (2023). On Experiencing Sustainability: Clarifying the Sensory Approach with the Pragmatist Aesthetics’ Conception of Aesthetic Sensibility. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, XV (2). doi: 10.4000/ejap.3369.

Stroud, R. S. (2014). The Art of Experience: Dewey on the Aesthetic. In W. Malecki (ed.), *Practicing Pragmatist Aesthetics*. New York: Rodopi, pp. 38–40.

Sibley, F. (1966). Symposium: About Taste. *British Journal of Aesthetics*, 6 (1), 68–69. doi: 10.1093/bjaesthetics/6.1.68.

Rancière, J. (2004). *The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible*. London, New York: Continuum.

Parsons, G. (2008). *Functional Beauty*. Oxford, GB: Oxford University Press. 272 p.

Van der Berg, S. (2020). Aesthetic Hedonism and Its Critics. *Philosophy Compass*, 15 (1), e12645. doi: 10.1111/phc3.12645.

Kriegel, U. (2023). A Fitting-Attitude Approach to Aesthetic Value? *British Journal of Aesthetics*, 63 (1), 57–73.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II
199106, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, д. 2
Институт базового инженерного образования, кафедра философии
доцент, кандидат философских наук
ORCID 0000-0003-3687-460X
E-mail: vsrybakov@yandex.ru

Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
Институт философии, кафедра культурологии, философии культуры и эстетики
Кандидат культурологии, ассистент
ORCID: 0000-0002-6632-517
E-mail: e.kravchenko@spbu.ru

ПРОВЕРИМ НА ПРАКТИКЕ: КАК ВОЗМОЖНА ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?*

В статье осуществляется анализ основных исследований в области современной российской практической эстетики (конец XX – первая четверть XXI вв.), а также предложенных в них вариантов практического действия (эстетической практики). Производится сопоставление практической эстетики в отечественной традиции с аналогами, представленными в международной эстетике. Возрастание интереса к практической эстетике предлагается мыслить в более широком контексте «практического поворота» в современной философии, вызванного необходимостью реагировать на глобальные проблемы современности. Такие вызовы, как экологический кризис, технологическое развитие и вызванные ими социально-политические и экономические трансформации лишают философию возможности удержания своей деятельности в рамках академических дискуссий и одного лишь «производства знания». Практическая философия раскрывается двояко как индивидуальная помощь отдельному человеку и как системная работа на социально-политическом уровне, эта же двойственность оказывается характерна и для практической эстетики. Демонстрируется, что большинство вариантов практической эстетики в России связаны с заботой о жизни в условиях современной высокотехнологичной и изменчивой реальности, практиками адаптации к ней и удержания в ней смыслового и духовного измерения. Дела-

ется вывод о возможности выделения четырех основных типов практической эстетики в России: дескриптивной (представленной, прежде всего, исследованиями Виктора Пигулевского), онтологической (к которой были отнесены исследования Виктора Бычкова и Сергея Лишаева), энвайронментальной / экологической (включая направление визуальной экологии) и социально-политической. Перспективы дальнейшего развития отечественной практической эстетики связываются с разворачиванием самой логики практической философии, то есть дальнейшим переходом от теории к практике, возрастанием эстетического действия, носящего внеакадемический характер. При этом предполагается, что практическая эстетика на уровне действия может в равной мере являться как результатом низовой внеакадемической инициативы, так и продуктом деятельности официальных институций, в том числе образовательных учреждений.

Ключевые слова: практическая эстетика, эстетическая практика, практическая философия, энвайронментальная эстетика, эстетика заботы, медиафилософия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |**Введение**

В данной статье мы ставим своей целью исследовать состояние развития практической эстетики в современной России (конца XX – первой четверти XXI вв.), соотнося работы отечественных специалистов-эстетиков с международными исследованиями. Одним из ключевых вопросов, который неизбежно окажется в этой связи в фокусе нашего внимания, будет вопрос о сущности практической эстетики и о том, какие содержания и практики она подразумевает. Отчасти мы будем ориентироваться на понимание практической эстетики, предложенное в ключевых международных исследованиях, отчасти – на варианты понимания, которые обнаружим у отечественных мыслителей, а также примем во внимание более широкий философский контекст, в котором практическая эстетика заявляет о себе как об актуальном тренде.

Трудность разговора о практической эстетике связана с распадом ее содержания на два блока: с одной стороны, на преимущественно академические (а, стало быть, теоретические) исследования и, с другой стороны, на эстетическую практику как совокупность конкретных внеакадемических действий в мире. В культурной жизни последних лет наблюдается пролиферация различных практик, мероприятий, событий эстетической направленности или обусловленности. Это не только привычные форматы «культурных мероприятий» (выставки, экскурсии, концерты), но и креативные форматы интерактивных медиаций и арт-завтраков, терапевтических прогулок, «экстатических танцев», медитаций, квартирников, дискуссионных клубов и т.п., подразумевающих либо интерактивное приобщение к тем или иным культурно-эстетическим содержаниям, либо получение участниками «энергетического

заряда» для творческого проживания жизни. Хотя подобные практики воплощают собой практическую эстетику, в данной статье мы сфокусируем внимание на теоретическом аспекте практической эстетики, способах ее представленности в отечественных философских исследованиях, а также на том, для каких видов эстетической практики они закладывают основания.

Именно в отношении российских теоретических исследований в области практической эстетики нас будет интересовать, находятся ли они в резонансе с мировой практической эстетикой, сходны ли по содержанию и форме, или обладают своей спецификой. В данной статье мы попытаемся не только осуществить анализ актуальных отечественных исследований в области практической эстетики и предлагаемых ими эстетических практик, но также обобщить полученные данные и поставить вопрос о перспективах дальнейшего развития практической эстетики в России и мире.

Практическая философия и практическая эстетика: мировые тенденции

Философия – способ рефлексивного проживания жизни, способ осмысления и решения проблем современности. На каждом этапе развития человечества возникают новые конфигурации проблем и специфические вопросы, призывающие человечество к ответу. Начиная с античности, философия являлась одновременно теоретической и практической дисциплиной, направленной на преобразование индивидуальной и общественной жизни с целью их сообразования с истиной, благом, мудростью.

Конфигурация современного мира сложна и беспрецедентна. Стремительно развивающиеся технологии (медiateхнологии, нейросети, искусственный интеллект и т.п.), трансфор-

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

мируют человеческое общение, а вслед за ним – политические, этические, эстетические и прочие ценности. При этом энергетические и промышленные технологии последних столетий (Джеймс Лавлок предлагает считать точкой отсчета момент создания Томасом Ньюкоменом парового насоса¹), привели к экологическому кризису², подталкивающему нас к пересмотру понимания нашего места в мире и материальных отношений с планетой. «Практический поворот» в философии последних десятилетий оказывается естественной реакцией на возрастающую проблематичность нашего бытия, распадаясь на индивидуальную работу с конкретным человеком, с одной стороны, и системную работу, подразумевающую социальные, политические, экономические преобразования, с другой.

Говоря о современной практической философии, чаще всего упоминают Герда Ахенбаха, основателя «Международного общества философской практики», а также таких философов-практиков, как Ран Лахав, Оскар Бренифье, Лу Маринофф и др., реализующих различные форматы внеакадемической практической философии (например, индивидуальные философские встречи-консультации, философское партнерство, философские ретриты и проч.³). На уровне системной работы активны Андреас Малм, Ева фон Редекер, Руперт Рид и др. Показателен пример Руперта Рида, оставившего ра-

боту в университете и сконцентрировавшегося на развитии «Проекта климатического большинства» (Climate Majority Project)⁴, ратующего за экологическое просвещение и экологический активизм.

Одной из главных фигур в мировой практической эстетике можно считать Джил Беннетт, написавшую книгу «Практическая эстетика: события, аффекты и искусство после 9/11»⁵. Для Беннет цель практической эстетики, исходя не из заранее заданных правил и областей исследования, а из конкретных событий (таких, например, как террористический акт 11 сентября 2001 года), на теоретическом уровне проследить, а на практическом – позволить пережить совокупности аффектов, производимых взятыми событиями и пересекающих границы искусства, экономики, политики, публичного пространства и т.д. Практическая эстетика понимается как «изучение аистезиса, а не эстетического объекта»⁶. Не ограничивая свою деятельность академическими исследованиями, Беннетт является директором исследовательского центра «Большая тревога» в университете Нового Южного Уэльса в Сиднее⁷. Практики центра включают в себя рассмотрение «нейро-разнообразия», «неловкие разговоры», «клинику эмпатии»⁸ и др.

75

¹ См.: Лавлок, Дж. Новацен: Грядущая эпоха сверхразума. – СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2022. – С. 49–53.

² См.: Уоллес-Уэллс, Д. Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления. – М.: Индивидуум, 2020. – 320 с.

³ См. такие их работы, как: Ахенбах, Г. Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. – 2016. – № 6 (62). – С. 99–106; Лахав, Р. Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 7–14; Marinoff, L. (2002). *Philosophical Practice*. Academic Press, 411 p.

⁴ См.: Climate Majority Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://climatemajorityproject.com/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁵ См.: Bennett, J. (2012). *Practical Aesthetics: Events, Affect and Art after 9/11*. I. B. Tauris, 256 p.

⁶ Bennett, J. (2012). *Practical Aesthetics: Events, Affect and Art after 9/11*. I. B. Tauris. P. 31.

⁷ Big Anxiety Research Centre [Электронный ресурс]: официальный сайт UNSW. – URL: <https://www.unsw.edu.au/arts-design-architecture/our-research/research-centres-institutes/big-anxiety-research-centre> (дата обращения: 20.04.2025).

⁸ Herzogenrath, B. (Ed.). (2022). *Practical Aesthetics*. Bloomsbury Academic. P. 234.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Другой англоязычный труд, в котором прорабатывается поле практической эстетики – сборник «Практическая эстетика»⁹ под редакцией Бернда Херцогенрата, в котором различные философы предлагают свои варианты «мышления вместе с искусством и медиа, чтобы найти новые способы создания миров»¹⁰. И ту, и другую книгу объединяет понимание практической эстетики как *modus'а operandi* – способа действия и исследовательского движения, для которого характерны эмпиризм, практикоориентированность, пересечение институциональных границ и, как следствие, выход за рамки понимания эстетики как только лишь философии искусства. Принципиальным оказывается движение не от общего к частному, не от теории к ее приложению, а от частного к более детальному раскрытию этого частного и его эстетико-аффективных связей с другими феноменами.

Элементы практической эстетики присутствуют и в ряде крупных эстетических проектов современности, например, в сомаэстетике, которую Ричард Шустерман, ее основоположник, подразделяет на аналитическую, прагматическую и практическую¹¹. Последняя подразумевает исполнение конкретных телесных упражнений, направленных на соматическую заботу и совершенствование. Здесь же следует упомянуть проект «эстетики заботы» Юрико Сайто, концентрирующейся на практиках и действиях, осуществляемых людьми в повседневной жизни и мотивированных теми или иными эстетическими ценностями¹². Филосо-

фия Сайто фокусирует внимание на «практике культивации добродетельного отношения к другим в нашем эстетическом опыте через заботу»¹³, включая развитие «экологической грамотности и связанной с ней эстетической чувствительности»¹⁴.

Краткий обзор ключевых тенденций в мировой практической эстетике позволяет сделать вывод о проблематичности сведения практической эстетики к какому-то одному ее пониманию или одной парадигме; тем не менее, все варианты практической эстетики, так или иначе, объединяет направленность на практику в реальном мире с его актуальными проблемами, а также соотнесенность с конкретными событиями, затрагивающими жизнь обычных людей.

**Практическая эстетика
Виктора Пигулевского**

Имея в виду предварительно сформированный образ практической эстетики, перейдем теперь к рассмотрению того, как представлена практическая эстетика в современных российских исследованиях. В связи с тем, что практическую эстетику мы рассматриваем как новейший тренд, отвечающий изменениям и вызовам современности, отечественную традицию мы возьмем только в рамках данного исторического периода, ведя удобный отсчет новейшей истории России с момента распада СССР.

Поиск работ, в которых используется словосочетание «практическая эстетика», выводит на 8 статей из базы РИНЦ, а также монографию Виктора Пигулевского «Антропология

⁹ Herzogenrath, B. (Ed.). (2022). *Practical Aesthetics*. Bloomsbury Academic, 280 p.

¹⁰ Ibid. P. 10.

¹¹ См.: Shusterman, R. (2000). *Performing Live: Aesthetic Alternatives for the End of Art*. Cornell University Press. PP. 141–144.

¹² См.: Saito, Y. (2022). *Aesthetics of Care: Practice in Everyday Life*. Bloomsbury Academic, 232 p.

¹³ Saito, Y. (2022). *Aesthetics of Care: Practice in Everyday Life*. Bloomsbury Academic. P. 20.

¹⁴ Saito, Y. (2017). *Aesthetics of the Familiar: Everyday Life and World-Making*. Oxford University Press. P. 105.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

культуры и практическая эстетика»¹⁵. Последнюю, по-видимому, следует рассматривать как наиболее специализированное исследование, посвященное практической эстетике, существующее в русскоязычном пространстве на данный момент, поэтому наш обзор мы начнем именно с нее.

Оговорим, что Виктор Пигулевский является автором не только указанной монографии, но и двух других книг, посвященных практикоориентированной эстетике («Искусство и арт-практика»¹⁶, «Дизайн. Три измерения»¹⁷), а также ряда статей¹⁸. Если в книге «Искусство и арт-практика» Пигулевский рассматривает эволюцию искусства и его понимания от классической парадигмы к современным формам, то в труде, посвященном дизайну, осуществляется комплексное рассмотрение феномена дизайна в его разнообразных проявлениях (дизайн вещей и объектов, графический дизайн, дизайн визуальных коммуникаций, дизайн человеческой внешности). Однако наиболее полная развертка практической эстетики дается у Пигулевского в монографии «Антропология культуры и практическая эстетика».

Как Пигулевский понимает практическую эстетику? Утверждая, что «постановка вопросов эстетического в повседневной жизни – задача практической эстетики»¹⁹, Пигулевский сближает практическую эстетику и эстетику повседневности, которая «рассматривается в антропологическом измерении и является практической эстетикой или эстетикой телесных практик»²⁰.

Детальное исследование «эстетики в антропологическом измерении» распадается у Пигулевского на несколько разделов. Так, в разделе «Взгляд и визуальная коммуникация» автор фокусирует внимание на фотографии как феномене практической эстетики, в частности, на фэшн-фотографии и рекламных изображениях. Раздел «Вкус и вкушение» посвящен густаторной эстетике – эстетической характеристике употребления пищи как повседневной практики. Здесь рассматриваются исторические виды трапез, блюд, практик вкушения, осуществляется анализ гармонии и дисгармонии вкусов в блюдах, тематизируются сопутствующие феномены, такие, как чревоугодие, гурманство, сервировка, трапеза, пир, этикет и др.

По схожей схеме действует Пигулевский в отношении запахов. Рассматриваются разные запахи, одоранты, эфирные масла, дается описание знаковых духов от различных брендов. Мостиком от темы ароматов к теме эротики служит «поэтика касания и эстетика поверхностей»²¹, где рассматриваются виды ощущений от соприкосновения с различными поверхностями и типами материи (шелк, шерсть, ситец и т.п.), осмысливается ласка как практика касания.

¹⁵ См.: Пигулевский, В.О. Антропология культуры и практическая эстетика: монография. – Ростов н/Д: Антей, 2012. – 180 с.

¹⁶ См.: Пигулевский, В.О. Искусство и арт-практика. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2019. – 204 с.

¹⁷ См.: Пигулевский, В.О. Дизайн. Три измерения. – Харьков: изд-во «Гуманитарный центр», 2021. – 316 с.

¹⁸ См.: Пигулевский, В. О. Эстетика касания // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 3(61). – С. 57–71. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5; Пигулевский, В. О., Мирская, Л. А. Мандала и трансцендирование в искусстве // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2020. – № 2. – С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2020-12002>; Пигулевский, В.О., Мирская, Л. А. Научно-технический прогресс и футуродизайн // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 61–80. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.4.4; Мирская, Л.А., Пигулевский, В.О. Контркультурный эрос в рок-музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2017. – № 4 (29). – С. 78–83. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-40014.

¹⁹ Пигулевский, В.О. Антропология культуры и практическая эстетика: монография. – Ростов н/Д: Антей, 2012. С. 7.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Пигулевский, В.О. Антропология культуры и практическая эстетика: монография. – Ростов н/Д: Антей, 2012. – С. 114.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Заключительная глава посвящена эросу и соблазну с концентрацией на «функциональном эротизме, т.е. эротике в масс-культе, моде и рекламе, призванной стимулировать продажи»²².

В целом, монография Пигулевского демонстрирует безусловную эрудированность автора, широту кругозора как в области истории искусства, так и в философии XX века, особенно философии экзистенциализма и постмодерна. Тем не менее, можно поставить вопрос о полноте описания содержания практической эстетики повседневности и о сделанном Пигулевским выборе разделов. К примеру, в книге отсутствует раздел, посвященный аналитике современных медиа, цифровой реальности – обширному измерению повседневной жизни человека, явно обладающему эстетическим содержанием. Не находим мы у Пигулевского и специальной главы про эстетические аспекты медицинских и стоматологических услуг.

Подводя итоги, отметим, что монография Пигулевского носит в большей степени повествовательный, нежели проблематизирующий характер. Практическая эстетика не становится для Пигулевского поводом поставить вопрос об особенностях современной жизни, ее изменениях и проблемах, равно как и способом их решения (как у Шустермана или Сайто). Данные соображения дают нам основание охарактеризовать практическую эстетику Пигулевского как описательную (или дескриптивную) эстетику повседневности. В таком случае, однако, встает вопрос о том, не должен ли быть свойственен даже ей определенный элемент философского критицизма, отличающий ее от описательных культурологических исследований?

²² Там же. С. 149.

Онтологическая эстетика Виктора Бычкова и Сергея Лишаева

Следующий исследователь, о котором нам представляется важным сказать в контексте российской практической эстетики – это мэтр отечественных исследований в области эстетики Виктор Бычков. Он является автором большого количества книг, монографий, учебных пособий, в которых рассматривается как современная эстетика, так и эстетика прошлых эпох. В целом, Бычков достаточно классичен в своем понимании эстетики: она интересует его преимущественно как философия искусства и способ погружения в художественные миры, в которых преломляются аспекты мировоззрения той или иной эпохи. Некоторые книги Бычкова, однако, предлагают не совсем традиционный формат, будучи реализованными в виде философско-эстетических бесед. Особого внимания в контексте нашей статьи заслуживает серия книг, написанных Бычковым в соавторстве с Надеждой Маньковской и Владимиром Ивановым²³. Основой для этих книг послужила практика многолетней переписки собеседников. Диалог, соразмышление, совопросование, спровоцированные обращением к искусству последнего времени (начиная с авангарда XX века и заканчивая ключевыми фигурами искусства современности, такими, как Илья Кабаков, Мэтью Барни и др.) – вот формат эстетической практи-

²³ См.: Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 840 с.; Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог plus. – М.: Прогресс-Традиция, 2013. – 496 с.; Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог 2. Искусство в пространстве эстетического опыта. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – Кн. 1. – 472 с.; Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог 2. Искусство в пространстве эстетического опыта. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – Кн. 2. – 592 с.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

ки, образец которой дает нам вместе со своими собеседниками Бычков.

Вопросы, красной нитью проходящие через все «Триалогии», касаются того, что происходит с современной культурой (или *пост-культурой*, как называет ее Бычков), как трансформируются эстетические ценности, каков характер современного эстетического опыта, можно ли назвать происходящие изменения развитием и т.п.; главные темы – «смысл искусства, современное понимание эстетического опыта, глобальный кризис искусства, состояние и тенденции движения современного искусства»²⁴ в контексте *пост-культуры*. По мысли Быčkova, ныне мы переживаем «грандиозный, еще не отмечавшийся в истории человечества перелом в культуре, которая сейчас находится в стадии глобального перехода от Культуры, возникшей и всегда формировавшейся с ориентацией на Великого Другого, к чему-то принципиально *иному*, не имеющему пока даже своего определения»²⁵. Практическая эстетика Быčkova в таком случае предстает как попытка освоиться и научиться жить в пространстве *пост-культуры*, сохраняя при этом духовную глубину и самосознание, ее цель – внутреннее развитие человека и его духовное обогащение.

В каком-то смысле продолжает намеченную Бычковым проблематизацию существования человека в современности и, с другой стороны, борьбу за сохранение бытийной глубины современный эстетик Сергей Лишаев. Программой книги Лишаева является «Эстетика Другого»²⁶, в которой дается понимание эсте-

тики как отрасли онтологии²⁷ и осуществляется аналитика «эстетических расположений»²⁸. В книге «Эстетика пространства»²⁹, тематизируя ряд понятий в качестве эстетических (таких, как даль, простор, высь и др.), Лишаев сопоставляет эстетические ценности уюта и комфорта, усматривая проблему в том, что многомерное и наполненное бытийной глубиной состояние уюта в современной технической цивилизации уступает место более плоской эстетической ценности комфорта: «Кризис эстетики уюта свидетельствует, с одной стороны, об отчуждении от человека предметно-пространственной среды в ближайшем к нему пространстве дома, с другой – о деградации способности к созерцанию. Возможность «попадания» в уютное расположение предполагает «родственное внимание» (М. М. Пришвин) к миру, любовь к привычному, повседневному, вкус к нюансам и аристократическую неспешность»³⁰. Для обретения уюта как эстетического расположения в современном функциональном мире требуется гораздо больше усилий, и связаны они должны быть, в том числе, с сознательными действиями, направленными на сопротивление ценностям, навязываемым обществом потребления.

С учетом сказанного выше, нам представляется уместным провести параллель между практической эстетикой Быčkova и Лишаева и эстетикой заботы Юрико Сайто: их объединяет критическое отношение к действительности и наличие нормативного компонента, противопоставление разных систем ценностей. Однако если у Сайто педалируются энвайронментальный и материальный аспекты, то Бычков и Ли-

²⁴ Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – С. 87.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ См.: Лишаев, С.А. Эстетика Другого. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 380 с.

²⁷ Лишаев, С.А. Эстетика Другого. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – С. 15.

²⁸ Там же. С. 59–60.

²⁹ См.: Лишаев, С.А. Эстетика пространства. – СПб.: Алетей, 2015. – 288 с.

³⁰ Лишаев, С.А. Эстетика пространства. – СПб.: Алетей, 2015. – С. 240.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

шаев подчеркивают духовный и онтологический аспекты. Эстетическая практика для них – это забота об эстетизме не как о частном аспекте нашей жизни, это онтологическая практика, направленная на поддержание открытости подлинному, многомерному, духовному в противовес пресному, однобокому, ничтожному.

**Энвиронментальная /
экологическая эстетика**

Одним из направлений современной эстетики, в котором очевидна практическая составляющая, является энвиронментальная и экологическая эстетика, которые направлены, прежде всего, на осмысление эстетических ценностей природы и эстетических ценностей, лежащих в основании взаимоотношения с ней человека³¹. Энвиронментальная эстетика (или эстетика среды) и экологическая эстетика пересекаются, но не тождественны: первую мы предлагаем мыслить как более широкую область, к которой могут относиться повседневная среда, дизайн (например, транспорта, предметов мебели), медиальная среда, атмосфера и другие феномены.

Ключевыми работами, формирующими контуры энвиронментальной и экологической эстетики в России, выступают коллективная монография «Экологическая эстетика: проблемы и границы»³², изданная коллективом авторов из СПбГУ в 2014 г., а также сборник трудов VIII Овсянниковской международной эстетиче-

ской конференции «Эстетика человеческой среды»³³, вышедший в МГУ им. М. В. Ломоносова в 2017 г. Помимо этого, уже в 2024 г. в МГУ состоялась конференция «Эстетические проблемы дизайна среды», где затрагивалась, в том числе, проблематика энвиронментальной эстетики.

В целом, в представленных исследованиях: 1) рассматриваются вопросы эстетической оценки природы; 2) анализируется репрезентация экологических проблем в искусстве; 3) затрагиваются проблемы устойчивого развития и сохранения природного и культурного наследия; 4) рассматриваются проблемы эстетического воспитания, подразумевающего формирование экологического сознания и экологической ответственности.

Ряд встреченных нами работ посвящен визуальной экологии. В монографии исследователей СПбГУ особенно выделим параграф «Что такое визуальная экология?» под авторством Дарьи Колесниковой. В совместной с Валерием Савчуком статье «Визуальная экология как дисциплина»³⁴ авторы не только подвергают критической рефлексии бедность и избыточность визуальной информации, но и осуществляют выработку критериев визуального загрязнения. В диссертации Галины Кузнецовой «Принципы взаимодействия структурного формообразования и визуальной экологии в средовом дизайне» четко проявлены две цели: «1) обобщить теоретические положения визуальной экологии и 2) разработать средства гармониче-

³¹ См.: Прозерский, В. В. Введение. Экологическая эстетика: философский подход к природной и культурной среде // Экологическая эстетика: проблемы и границы: коллективная монография / В. В. Прозерский [и др.]; С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т философии. – СПб.: С.-Петербург. философ. о-во, 2014. – С. 8.

³² Экологическая эстетика: проблемы и границы: коллективная монография / В. В. Прозерский [и др.]; С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т философии. – СПб.: С.-Петербург. философ. о-во, 2014. – 256 с.

³³ Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII): сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филос. фак., Каф. эстетики; под ред. С. А. Дзиковича, Е. А. Кондратьева. – М.: Издательские решения, 2017. – 332 с.

³⁴ Колесникова, Д. А., Савчук, В. В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 41–50.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

ского преобразования предметно-пространственной среды»³⁵. В итоге исследовательница разрабатывает средовой подход к проектированию с позиций гармонизации визуального облика городской среды, а также структурно-стилистический инструментарий преобразования среды и инструментарий компьютерной диагностики эколого-стилистических свойств визуальной среды³⁶.

Работа Раисы Щекотовой «О социально-гуманитарной экспертизе в проектировании городской среды» содержит предложение о создании социально-гуманитарной экспертизы в проектировании городской среды, где именно эстетике отводится роль объединить теорию и практику урбанистики. Локальным, но любопытным направлением в энвайронментальной эстетике оказывается также флористический дизайн, представленный исследованиями Екатерины Барковой³⁷.

Наконец, в качестве свежего практико-ориентированного проекта следует упомянуть Международную научно-практическую онлайн-конференцию «Экологическая арт-терапия: международные и мультикультурные перспективы» (2020 г.)³⁸. Обсуждаемые на встрече темы находились на стыке искусствоведения, эс-

тетики, психологии и медицины. Практическая часть конференции подразумевала создание рисунков на основе сканирования телесных ощущений, выбор пространства для работы на природе, а также технику рисования прикосновениями.

Обобщая, можно сказать, что энвайронментальная и экологическая эстетика в России представлена множеством разнообразных исследований, подготавливающих соответствующие практические действия в реальном мире. Однако актуальным остается вопрос о способах повышения эффективности перехода от теоретических разработок к их практической реализации, о преодолении разрыва между специалистами-эстетиками и теми, кто принимает управленческие решения в области благоустройства, градостроения, экологии. С решением этих вопросов, на наш взгляд, должны быть связаны дальнейшие усилия энвайронментальной и экологической практической эстетики.

Практическая философия и медиафилософия: эстетические аспекты

В начале статьи мы говорили о связи практической эстетики и практической философии, приводя в пример проект «Большая тревога» под руководством Джилл Беннетт как созданного при академической институции практикоориентированного центра. Некоторые аналоги подобных образований, на наш взгляд, обнаруживаются и в России.

К примеру, в Центре практической философии «Стасис» при Европейском университете в Санкт-Петербурге реализуется образовательная программа «Практическая философия», в состав которой, среди прочего, входит курс «Аналитика эстетического опыта»³⁹. В данном

³⁵ Кузнецова, Г. Н. Принципы взаимодействия структурного формообразования и визуальной экологии в средовом дизайне: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06 / Кузнецова Галина Николаевна. – М., 2011. – С. 10.

³⁶ См.: Кузнецова, Г. Н. Принципы взаимодействия структурного формообразования и визуальной экологии в средовом дизайне: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06 / Кузнецова Галина Николаевна. – М., 2011. – С. 16–17.

³⁷ Баркова, Е. В. Экологическая эстетика и флористический дизайн: от экологии пространства к экологии души // *Studia Culturae*. – 2013. – № 15. – С. 51–57.

³⁸ Копытин, А. И. Репортаж о первой международной научно-практической онлайн конференции «Экологическая арт-терапия: международные и мультикультурные перспективы» // *Экопозис: экогуманитарные теория и практика*. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 155–163.

³⁹ Магистратура «Практическая философия» [Электронный ресурс]: официальный сайт Европейского универси-

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

случае имеет место вариант включения практики анализа произведений искусства с психоаналитической точки зрения в состав практической философии. Другую конфигурацию практической эстетики мы обнаруживаем на Урале: несколько сотрудников Южно-Уральского государственного университета составляют костяк проекта «Цифровая антропология», цель которого – «формирование адекватного представления о взаимодействии человека, социума и цифровых технологий с целью разработки эффективных стратегий использования технологий и улучшения качества жизни людей»⁴⁰. Деятельность коллектива «Цифровая антропология» осуществляется не только в формате академических мероприятий, но и воплощается в практических результатах, примером чего служит мобильное приложение «Цифровая аскетика».

Схожими вопросами интересуется Центр медиафилософии при институте философии СПбГУ под руководством Валерия Савчука. За время существования центра с 2007 года его сотрудники осуществили целый ряд исследований, посвященных проблемам современных медиа, интерфейсов, компьютерных игр и их влиянию на жизнь современного человека. Как отмечает Савчук, «чем более медиа предстают в качестве удобного средства, тем более они <...> становятся условием как сознания, так и практик тела, т.е. опытом восприятия/неприятия окружающего мира»⁴¹. В этой связи проекты цифровой антропологии и медиафилософии оказываются способами исследования транс-

формаций эстетического опыта современного человека, отчасти повторяя интенции эстетики Бычкова и Лишаева подготовить нас к жизни в современной высокотехнологичной реальности.

Прочие исследования в области практической эстетики

Поиск по ключевому словосочетанию «практическая эстетика» дает еще несколько вариантов раскрытия практической эстетики. Например, для Анастасии Морозовой практическая эстетика – обоснование возможности исследования с позиций философской эстетики феномена рекламы⁴². Здесь практическая эстетика понимается как прикладная.

Для Анастасии Никифоровой практическая эстетика – повод поставить вопрос о засилии «искаженных форм» (чудовищ, монстров, деформированных и болезненных образов) в современной культуре⁴³. Если в прежние эпохи «искаженные эстетические формы всегда были наполнены моральным смыслом, обучали, показывали, предостерегали»⁴⁴, то сейчас они все чаще воспринимаются как естественный, развлекательный элемент повседневной жизни. Не утрачивает ли эстетика, борющаяся за эмансипацию эстетических ценностей и расширение своих границ, функцию предупреждения и предостережения, функцию чувствительности к опасным тенденциям общества? И не состоит ли в таком случае, продолжаем мы рассуждение вслед за Никифоровой, задача практической эстетики в том, чтобы вернуть эстетике чувстви-

тета в Санкт-Петербурге. – URL: <https://eusp.org/programs/practical-philosophy> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴⁰ Социальные и гуманитарные исследования цифровых технологий [Электронный ресурс]. – URL: <https://digitalanthropology.ru> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴¹ Савчук, В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: Издательство РХГА, 2013. – С. 130.

⁴² Mediascope [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/2186> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴³ Никифорова, А. А. Мир вещей и искажение форм в эстетических практиках современности // Terra Aestheticae. – 2022. – № 2-1(10). – С. 124–134.

⁴⁴ Там же. – № 2-1(10). – С. 132.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

тельность, утраченную в ходе революции всеприятия и эстетизации повседневности?

Людмила Глухарёва делает ставку на практическую эстетику как на способ возвращения эстетического измерения (в виде вполне классических ценностей красоты и возвышенного) в область юридических практик, правоприменения⁴⁵. С сожалением Глухарёва отмечает, что словосочетание «искусство правоприменения» все чаще ассоциируется с казуистикой, темными юридическими формулировками, выражающими безразличие к судьбе человека. Возможно ли, чтобы, напротив, красота и ясность юридического слога подчеркивали ценность человеческой жизни и справедливого судебного решения, сопрягая эстетические, этические, юридические и антропологические ценности?

Наконец, Всеволод Рыбаков в своих статьях⁴⁶ предлагает рассматривать эстетическую практику в ракурсе политического действия. Согласование индивидуальных действий, совершаемых с оглядкой на те или иные эстетические ценности, предлагается мыслить как низовое политическое действие, демократический проект созидания солидарности и трансформации жизни. В качестве примера Рыбаков приводит эстетику заботы Сайто, которая может быть локусом схождения не только эстетики и этики, но и самоорганизованной демократической политики, что представляется особенно актуальным в условиях авторитарных режимов и кон-

сервативного капитализма, уцепившегося, как за якорь, за добывающую промышленность.

Заключение

Анализ русскоязычных работ по эстетике последнего времени показывает, что в ней не только находится место практической эстетике, но что последняя представлена широкой палитрой самобытных исследований. Нам представляется удобным разбить их, пускай и весьма условно, на четыре группы.

К первой группе мы предлагаем отнести вариант описательной (дескриптивной) практической эстетики, репрезентативным примером которой является практическая эстетика Пигулевского. Ее главная функция – описание ключевых эстетических практик повседневной жизни обычного человека. Второй тип практической эстетики – это онтологическая практическая эстетика, образцы которой можно найти у Бычкова и Лишаева. В противоположность описательной практической эстетике, онтологическая практическая эстетика проблематизирует трансформации современного мира, предлагая практическую эстетику в качестве способа поддержания человеческого бытия и его мерности в условиях *пост*-культуры.

Третий вариант практической эстетики – энвайронментальная и экологическая эстетика, концентрирующиеся на эстетических проблемах в окружающей среде (в широком смысле) и экологии (включая визуальную и цифровую экологию). Наконец, четвертый вариант практической эстетики – это социально-политическая практическая эстетика, ратующая за конкретные виды эстетического действия как социально-политического действия, направленного в сторону решения проблем современности.

⁴⁵ Глухарёва, Л.И. Эстетический контекст искусства правоприменения // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 105–111.

⁴⁶ См.: Рыбаков, В.В. От авангарда к искусству жизни: об эстетической трансформации российского менталитета // Terra Aestheticae. – 2022. – № 2 (10). – С. 82–97; Рыбаков, В. В. Политическое измерение эстетики: что практическая эстетика может сделать для современного мира? // Научное мнение. – 2024. – № 4. – С. 25–29. DOI: 10.25807/22224378_2024_4_25

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Если логика практической философии и практической эстетики состоит в том, чтобы от теории переходить к практике, к реальным действиям, изменяющим мир, то наш главный вывод в отношении дальнейшего развития практической эстетики в России будет звучать очень просто: необходимо наращивать собственно практическую составляющую, переходить от академического «производства знания» к внеакадемическим действиям в реальном мире. Участие в творческой, просветительской и организаторской деятельности, участие в политической жизни и экологических акциях, разработка и внедрение мобильных приложений, повышающих осознанность нашего цифрового потребления и т.д. – все это варианты практической эстетики, которые, как мы надеемся, будут становиться все более важной частью повседневной жизни нашего общества.

В 2024 году вышла подготовленная коллективом исследователей Института философии Российской академии наук книга «Практическая и прикладная философия»⁴⁷, лишней раз подтверждающая рост интереса к практической философии не только в мире, но и в России. Разделы монографии посвящены теоретическому осмыслению практической философии, раскрытию практической философии как политической и моральной философии, а также осмыслению современных исследований в русле нового материализма как варианта практической философии. Специальный раздел, посвященный эстетике, в книге отсутствует, заверяя, что на данный момент эстетика уступает этике и политической философии в репрезентации практикоориентированной философии. Задел, который имеется в отечественной философии в

области практической эстетики, однако, дает основание полагать, что это упущение может быть со временем восполнено, и практическая эстетика займет почетное место в структуре практической философии. Хотелось бы убедиться в этом на практике уже в обозримом будущем.

Список литературы

Лавлок, Дж. Новацен: Грядущая эпоха сверхразума. – СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 160 с.

Уоллес-Уэллс, Д. Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления. – М.: Индивидуум, 2020. – 320 с.

Ахенбах, Г. Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. – 2016. – № 6(62). – С. 99–106.

Лахав, Р. Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 7–14.

Marinoff, L. (2002). *Philosophical Practice*. Academic Press, 411 p.

Climate Majority Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://climatemajorityproject.com/> (дата обращения: 20.04.2025).

Bennett, J. (2012). *Practical Aesthetics: Events, Affect and Art after 9/11*. I.B. Tauris, 256 p.

Big Anxiety Research Centre [Электронный ресурс]: официальный сайт UNSW. – URL: <https://www.unsw.edu.au/arts-design-architecture/our-research/research-centres-institutes/big-anxiety-research-centre> (дата обращения: 20.04.2025).

Herzogenrath, B. (Ed.). (2022). *Practical Aesthetics*. Bloomsbury Academic, 280 p.

Shusterman, R. (2000). *Performing Live: Aesthetic Alternatives for the End of Art*. Cornell University Press, 288 p.

Saito, Y. (2022). *Aesthetics of Care: Practice in Everyday Life*. Bloomsbury Academic, 232 p.

Saito, Y. (2017). *Aesthetics of the Familiar: Everyday Life and World-Making*. Oxford University Press, 260 p.

⁴⁷ Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 326 с.

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Пигулевский, В.О. Антропология культуры и практическая эстетика: монография. – Ростов н/Д: Антей, 2012. – 180 с.

Пигулевский, В.О. Искусство и арт-практика. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2019. – 204 с.

Пигулевский, В.О. Дизайн. Три измерения. – Харьков: изд-во «Гуманитарный центр», 2021. – 316 с.

Пигулевский, В. О. Эстетика касания // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 3(61). – С. 57–71. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5

Пигулевский, В. О., Мирская, Л. А. Мандала и трансцендирование в искусстве // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2020. – № 2. – С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2020-12002>

Пигулевский, В.О., Мирская, Л. А. Научно-технический прогресс и футуродизайн // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 61–80. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.4.4

Мирская, Л.А., Пигулевский, В.О. Контркультурный эрос в рок-музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2017. – № 4 (29). – С. 78–83. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-40014

Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 840 с.

Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог plus. – М.: Прогресс-Традиция, 2013. – 496 с.

Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог 2. Искусство в пространстве эстетического опыта. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – Кн. 1. – 472 с.

Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б., Иванов, В.В. Триалог 2. Искусство в пространстве эстетического опыта. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – Кн. 2. – 592 с.

Лишаев, С.А. Эстетика Другого. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 380 с.

Лишаев, С.А. Эстетика пространства. – СПб.: Алтейя, 2015. – 288 с.

Прозерский, В. В. Введение. Экологическая эстетика: философский подход к природной и культурной среде // Экологическая эстетика: проблемы и границы: коллективная монография / В. В. Прозерский [и

др.]; С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т философии. – СПб.: С.-Петерб. философ. о-во, 2014. – С. 5–12.

Экологическая эстетика: проблемы и границы: коллективная монография / В. В. Прозерский [и др.]; С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т философии. – СПб.: С.-Петерб. философ. о-во, 2014. – 256 с.

Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII): сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филос. фак., Каф. эстетики; под ред. С. А. Дзикевича, Е. А. Кондратьева. – М.: Издательские решения, 2017. – 332 с.

Колесникова, Д. А., Савчук, В. В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 41–50.

Кузнецова, Г. Н. Принципы взаимодействия структурного формообразования и визуальной экологии в средовом дизайне: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06 / Кузнецова Галина Николаевна. – М., 2011. – 30 с.

Баркова, Е. В. Экологическая эстетика и флористический дизайн: от экологии пространства к экологии души // Studia Culturae. – 2013. – № 15. – С. 51–57.

Копытин, А. И. Репортаж о первой международной научно-практической онлайн конференции «Экологическая арт-терапия: международные и мультикультурные перспективы» // Экопоэзис: экогуманитарные теории и практика. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 155–163.

Магистратура «Практическая философия» [Электронный ресурс]: официальный сайт Европейского университета в Санкт-Петербурге. – URL: <https://eusp.org/programs/practical-philosophy> (дата обращения: 20.04.2025).

Социальные и гуманитарные исследования цифровых технологий [Электронный ресурс]. – URL: <https://digitalanthropology.ru> (дата обращения: 20.04.2025).

Савчук, В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб.: Издательство РХГА, 2013. – 350 с.

Mediascope [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/2186> (дата обращения: 20.04.2025).

Всеволод Вячеславович РЫБАКОВ, Елизавета Юрьевна КРАВЧЕНКО

| Проверим на практике: как возможна практическая эстетика в современной России? |

Никифорова, А. А. Мир вещей и искажение форм в эстетических практиках современности // *Terra Aestheticae*. – 2022. – № 2-1(10). – С. 124–134.

Глухарёва, Л.И. Эстетический контекст искусства правоприменения // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 3. – С. 105–111.

Рыбаков, В.В. От авангарда к искусству жизни: об эстетической трансформации российского менталитета // *Terra Aestheticae*. – 2022. – № 2 (10). – С. 82–97.

Рыбаков, В.В. Политическое измерение эстетики: что практическая эстетика может сделать для современного мира? // *Научное мнение*. – 2024. – № 4. – С. 25–29. DOI: 10.25807/22224378_2024_4_25

Практическая и прикладная философия / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 326 с.

Vsevolod V. RYBAKOV, Elizaveta Yu. KRAVCHENKO

| Let's Test It in Practice: How is Practical Aesthetics Possible in Modern Russia? |**Vsevolod V. RYBAKOV**

Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University
2, 21st Line, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation
Institute of Basic Engineering Education, Department of Philosophy
Associate Professor, PhD (in Philosophy)
ORCID 0000-0003-3687-460X
E-mail: vsrybakov@yandex.ru

Elizaveta Yu. KRAVCHENKO

Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
Institute of Philosophy, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics
PhD (in Cultural Studies), Assistant
ORCID: 0000-0002-6632-517
E-mail: e.kravchenko@spbu.ru

LET'S TEST IT IN PRACTICE: HOW IS PRACTICAL AESTHETICS POSSIBLE IN MODERN RUSSIA?*

The article analyses the main studies in the field of contemporary Russian practical aesthetics (late 20th – first quarter of the 21st centuries), as well as the variants of practical action (aesthetic practice) proposed in them. Practical aesthetics in the Russian tradition is compared with the analogues presented in international aesthetics. The growing interest in practical aesthetics is proposed to be thought of in a broader context of the “practical turn” in contemporary philosophy caused by the need to respond to the global problems of our time. Challenges such as the ecological crisis, technological development and the socio-political and economic transformations caused by them deprive philosophy of the possibility of keeping its activities within the framework of academic discussions and the mere “production of knowledge”. Practical philosophy is revealed in two ways: as individual help and as systemic work at the socio-political level, and this duality is also shown to be characteristic of practical aesthetics. It is demonstrated that most types of practical aesthetics in Russia are related to the care of life, practices of adaptation and retention of meaning and spiritual dimension in the conditions of modern high-tech and changeable reality.

It is concluded that it is possible to distinguish four main types of practical aesthetics in Russia: descriptive (represented primarily by the studies of Viktor Pigulevsky), ontological (to which the studies of Viktor Bychkov and Sergey Lishaev have been attributed), environmental/ecological (including visual ecology), and socio-political. Prospects for the further development of Russian practical aesthetics are associated with the unfolding of the very logic of practical philosophy, i.e. the further transition from theory to practice, and the increase of aesthetic action, which is extra-academic in nature. It is assumed that practical aesthetics at the level of action can be equally the result of grassroots non-academic initiative and the product of official institutions, including educational institutions.

Keywords: practical aesthetics, aesthetic practice, practical philosophy, environmental aesthetics, aesthetics of care, media philosophy.

The study was supported by grant No. 25-28-00685 from the Russian Science Foundation, “Principles and Strategy for the Development of Practical Aesthetics,” <https://rscf.ru/project/25-28-00685>

Lovelock, J. (2022). *Novatcen: Gryadushchaya epokha sverkhrazuma* [Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russian)

References

Vsevolod V. RYBAKOV, Elizaveta Yu. KRAVCHENKO

| Let's Test It in Practice: How is Practical Aesthetics Possible in Modern Russia? |

Wallace-Wells, D. (2020). *Neobitaemaya Zemlya. Zhizn' posle global'nogo potepleniya* [The uninhabitable Earth: Life after Global Warming]. Moscow: Individuum. (In Russian)

Achenbach, G.B. (2016). Osnovnoe pravilo filosofskoy praktiki [The Fundamental Rule of Philosophic Practice] // *Society and Power*, 6(62), 99–106. (In Russian)

Lakhav, R. (2016). Filosofskaya praktika – quo vadis? [Philosophical Practice – quo vadis?] *Society and Power*, 1(57), 7–14. (In Russian)

Marinoff, L. (2002). *Philosophical Practice*. Academic Press.

Climate Majority Project. (n.d.). Retrieved April 20, 2025, from <https://climatemajorityproject.com/>

Bennett, J. (2012). *Practical Aesthetics: Events, Affect and Art after 9/11*. I.B. Tauris.

Big Anxiety Research Centre: Official website of UNSW. (n.d.). Retrieved April 20, 2025, from <https://www.unsw.edu.au/arts-design-architecture/our-research/research-centres-institutes/big-anxiety-research-centre>

Herzogenrath, B. (Ed.). (2022). *Practical Aesthetics*. Bloomsbury Academic.

Shusterman, R. (2000). *Performing Live: Aesthetic Alternatives for the End of Art*. Cornell University Press.

Saito, Y. (2022). *Aesthetics of Care: Practice in Everyday Life*. Bloomsbury Academic.

Saito, Y. (2017). *Aesthetics of the Familiar: Everyday Life and World-Making*. Oxford University Press.

Pigulevsky, V. O. (2012). *Antropologiya kultury i prakticheskaya estetika: monografiya* [Cultural Anthropology and Practical Aesthetics: Monograph]. Rostov-on-Don: Antey. (In Russian)

Pigulevsky, V. O. (2019). *Iskusstvo i art-praktika* [Art and Art Practice]. Kharkiv: Humanitarian Center Publishing. (In Russian)

Pigulevsky, V. O. (2021). *Dizayn. Tri izmereniya* [Design: Three Dimensions]. Kharkiv: Humanitarian Center Publishing. (In Russian)

Pigulevskiy, V.O. (2023). Estetika kasaniy [The Aesthetics of Touch]. *Humanities Scholar of Southern Russia*, 12(3(61)), 57–71. DOI 10.18522/2227-8656.2023.3.5 (In Russian)

Pigulevskiy, V.O., & Mirskaya, L.A. (2020). Mandala i transtsendirovanie v iskusstve [Mandala and Transcending in Art]. *South Russian Musical Almanac*, 2, 19–27. DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2020-12002> (In Russian)

Pigulevskiy, V.O., & Mirskaya, L.A. (2024). Nauchno-tekhnicheskii progress i futurodizayn [Scientific and Technological Progress and Future Design]. *Humanities Scholar of Southern Russia*, 13(4), 61–80. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.4.4 (In Russian)

Mirskaya, L.A., & Pigulevskiy, V.O. (2017). Kontrkul'turnyy eros v rok-muzyke [Countercultural Eros in Rock Music]. *South Russian Musical Almanac*, 4(29), 78–83. DOI: 10.24411/2076-4766-2017-40014 (In Russian)

Bychkov, V. V., Mankovskaya, N. B., & Ivanov, V. V. (2012). *Dialogue: Living Aesthetics and Contemporary Philosophy of Art* [ZHivaya estetika i sovremennaya filosofiya iskusstva]. Moscow: Progress-Traditci. (In Russian)

Bychkov, V.V., Mankovskaya, N.B., & Ivanov, V.V. (2013). *Dialog Plus* [Dialogue Plus]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)

Bychkov, V.V., Mankovskaya, N.B., & Ivanov, V.V. (2017). *Dialog 2: Iskustvo v prostranstve esteticheskogo opyta*. [Dialogue 2: Art in the Space of Aesthetic Experience]. Moscow: Progress-Traditsiya. Vol 1. (In Russian)

Bychkov, V.V., Mankovskaya, N.B., & Ivanov, V.V. (2017). *Dialog 2: Iskustvo v prostranstve esteticheskogo opyta* [Dialogue 2: Art in the Space of Aesthetic Experience]. Moscow: Progress-Traditsiya. Vol 2. (In Russian)

Lishaev, S. A. (2008). *Estetika Drugogo* [The Aesthetics of the Other]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)

Lishaev, S. A. (2015). *Estetika prostranstva* [The Aesthetics of Space]. St. Petersburg: Aletya. (In Russian)

Prozersky, V. V. (2014). Vvedenie. Ekologicheskaya estetika: filosofskiy podkhod k prirodnoy i kul'turnoy srede [Introduction. Ecological Aesthetics: A Philosophical Approach to the Natural and Cultural Environment]. In V. V. Prozersky (Ed.), *Ecological aesthetics: Problems and Boundaries. A collective monograph*. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian)

Vsevolod V. RYBAKOV, Elizaveta Yu. KRAVCHENKO

| Let's Test It in Practice: How is Practical Aesthetics Possible in Modern Russia? |

Prozersky, V. V. (Ed.). (2014). *Ekologicheskaya estetika: problemy i granitsy. Kollektivnaya monografiya* [Ecological Aesthetics: Problems and Boundaries. A collective monograph]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian)

Dzikevich, S. A., & Kondratyev, E. A. (Eds.). (2017). *Estetika chelovecheskoy sredy: VIII Ovsyannikovskaya mezhdunarodnaya esteticheskaya konferentsiya (OMEK VIII)* [Aesthetics of the Human Environment: VIII Ovsyannikov International Aesthetic Conference], Moscow, Nov. 20–21, 2017. Collected academic papers. Moscow: Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Aesthetics; Izdatelskie Resheniya. (In Russian)

Kolesnikova, D.A. & Savchuk, V.V. (2015). *Vizual'naya ekologiya kak distsiplina* [Visual Ecology as a Discipline] // *Problems of Philosophy*, 10, 41–50. (In Russian)

Kuznetsova, G. N. (2011). *Printsipy vzaimodeystviya strukturnogo formoobrazovaniya i vizual'noy ekologii v sredovom dizayne: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* 17.00.06 [Principles of the Interaction between Structural Form-shaping and Visual Ecology in Environmental Design (Abstract of the Dissertation for the Academic Degree. Doct. Of Philosophical Sciences in Art Studies: 17.00.06). Moscow. (In Russian)

Barkova, E.V. (2013). *Ekologicheskaya estetika i floristicheskij dizajn: ot ekologii prostranstva k ekologii dushi* [Ecological Aesthetics and Floristic Design: from Space Ecology to Soul Ecology] // *Studia Culturae*, 15, 51–57. (In Russian)

Kopytin, A. I. (2021). *Reportazh o pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii «Ekologicheskaya art-terapiya: mezhdunarodnye i mul'tikul'turnye perspektivy»* [Report on the First International Scientific-Practical Online Conference “Ecological Art Therapy: International and Multicultural Perspectives”]. *Ecopoesis: Eco-Humanitarian Theory and Practice*, 2(1), 155–163. (In Russian)

Master's Program “Practical Philosophy”: Official website of the European University at St. Petersburg. (n.d.). Retrieved April 20, 2025, from <https://eusp.org/programs/practical-philosophy>

Social and Humanitarian Research of Digital Technologies. (n.d.). Retrieved April 20, 2025, from <https://digitalanthropology.ru>

Savchuk, V. V. (2013). *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media philosophy. An attack of reality]. St. Petersburg: RHGA Publishing. (In Russian)

Mediascope. (n.d.). Retrieved April 20, 2025, from <http://www.mediascope.ru/node/2186>

Nikiforova, A.A. (2022). *Mir veshchej i iskazhenie form v esteticheskikh praktikah sovremennosti* [The World of Things and the Distortion of Forms in the Aesthetic Practices of Modernity] // *Terra Aestheticae*. 2–1(10), 124–134. (In Russian)

Glukhareva, L. I. (2016). *Esteticheskij kontekst iskusstva pravoprimereniya* [Esthetic Context of Law Enforcement Art] // *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 105–111. (In Russian)

Rybakov, V. (2022). *Ot avangarda k iskusstvu zhizni: ob esteticheskoy transformatsii rossiyskogo mentaliteta* [From Avant-Garde to the Art of Living: on the Aesthetic Transformation of the Russian Mentality]. *Terra Aestheticae*, 2(10), 82–97. (In Russian)

Rybakov, V. (2024). *Politicheskoe izmerenie estetiki: chto prakticheskaya estetika mozhet sdelat' dlya sovremennogo mira?* [The Political Dimension of Aesthetics: What Can Practical Aesthetics Do for the Contemporary World?]. *Scientific Opinion*, 4, 25–29. DOI: 10.25807/22224378_2024_4_25 (In Russian)

Guseynov, A. A. (Ed.). (2024). *Prakticheskaya i prikladnaya filosofiya* [Practical and Applied Philosophy]. Moscow–St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian).

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

Казанский государственный энергетический университет
420066, Российская Федерация, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51
Кафедра философии и медиакоммуникаций, доцент
Кандидат философских наук
ORCID: 0000-0002-0247-8257
E-mail: zhannavavilova@mail.ru

ЭСТЕТИКА ИНКЛЮЗИВНОЙ РЕКЛАМЫ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЭТЮД*

Сегодня реклама как место встречи социального и эстетического – удобный «полигон» для экспериментов с инклюзией, а также для анализа знаков, кодов, гипертекстов, конкретных сообщений и реакций аудиторий на них. Цель работы – поиск ответов на вопрос о том, насколько правомерно говорить об эстетике в том случае, когда реклама отходит от ориентира на традиционные идеализированные стереотипы и задействует образы, далекие от классических представлений о прекрасном и возвышенном. С помощью артефактов современной визуальной рекламы в статье иллюстрируются механизмы семиозиса, или процесса, в ходе которого знак-репрезентант рекламного объекта соотносится со своим ментальным двойником-интерпретантом. Рассматриваются иконические, индексальные и символические знаки, используемые в инклюзивной рекламе. Обсуждаются условия, при которых реклама может считаться инклюзивным медийным продуктом, а также концептуализируется понятие эстетической инклюзии. Во-первых, предполагается, что она должна строиться вне критериев, ограничивающих эстетическую оценку экспертными знаниями; во-вторых, под эстетической инклюзией подразумевается расширение спектра того, что можно отнести к эстетическим объектам, включая образы деформированного тела, безобразное или уродливое – то, что ложится в основу стигматиза-

ции. Репрезентант и интерпретант анализируются в контексте рекламной эстетики; делается вывод о том, что они должны оставаться свободными, варьируемыми параметрами семиотического треугольника, открытыми для эстетической инклюзии. Исследуется механизм того, как под влиянием рекламы и эстетики гламура человек из носителя интерпретанта сам превращается в знак, в точную копию стандартного образца. Эстетика инклюзии в этом смысле предстает в свете попытки повернуть процесс тотальной эстетизации вспять, от субъекта к его репрезентации, чтобы противостоять его превращению в знак эстетического гламура и тем самым – в симулякр.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивность, реклама, инклюзивная реклама, инклюзивная эстетика, эстетика рекламы, семиотика, семиозис, стереотип, визуальная нормализация, гламур, стигма.

Исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях РТ в рамках Государственной программы РТ «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

В российском повседневном дискурсе термин «инклюзия» обычно вызывает представление о мерах включения людей с особенностями здоровья в жизнь социума, чаще

всего в образовательной сфере; при этом курс на инклюзию – это более широкое поле деятельности, предполагающее выявление маргинализированных, социально уязвимых групп

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

для вовлечения в общественные процессы, поэтому специалисты говорят сегодня и о расовой, и о геронтологической, и о других типах инклюзии¹. Интересно, что в англоязычных исследованиях последних лет инклюзия как включение в повестку лиц с ограниченными возможностями здоровья, напротив, рассматривается как недостаточно изученная область, в отличие, например, от гендерных аспектов². При том, что понятие инклюзивности – феномен социальный, попытаемся осмыслить его с точки зрения эстетики систем репрезентации, используемых для его продвижения. По запросу «инклюзивная эстетика» на английском языке в поисковой выдаче преобладают ссылки на сайты спа-салонов, где провозглашается ориентир на разнообразие, равенство и инклюзивность (DEI), т.е. «набор ценностей и связанных с ними установок и практик, направленных на создание групповой культуры справедливого и инклюзивного обращения, а также на привлечение и удержание всевозможных групп участников, в том числе людей, которые исторически исключались или подвергались дискриминации»³. Аналогичный поиск на русском языке приводит к результатам на тему «инклюзивное искусство» – что требует уточнения для возможности универсальной концептуализации в научном дискурсе.

Одна из сфер, в которой пересекаются инклюзивные и эстетические аспекты, – это реклама. Опираясь на новейший анализ, проведенный на базе Оксфордского университета, определим инклюзивную рекламу как «контент, который достоверно и позитивно отображает широкий круг людей, включая традиционно недопредставленные и / или малообеспеченные сообщества, и лишен стереотипов»⁴. В этом же документе сформулирован самый очевидный и популярный вопрос к производителям такой медиапродукции – выступает ли ее создание лишь данью моде в русле DEI-инициатив или она действительно помогает решать маркетинговые задачи по сбыту товара. В настоящей работе мы переместим фокус исследования инклюзивной рекламы на менее очевидную проблему: можно ли говорить об эстетике, если реклама отходит от ориентира на ставшие классикой идеализированные стереотипы и к ним начинают примешиваться образы, казалось бы, далекие от традиционных представлений о прекрасном и, тем более, возвышенном⁵. Понимание современной эстетики как способа освоения человеком культурного пространства⁶ и одновременно с этим как антикаллистики⁷ во мно-

91

¹Viglia, G., Tsai, W.-H. S., Das, G., & Pentina, I. (2023). Inclusive advertising for a better world. *Journal of Advertising*, 52(5), 643–646. <https://doi.org/10.1080/00913367.2023.2255242>

²Eisend, M., Muldrow, A.F., & Rosengren, S. (2022). Diversity and inclusion in advertising research. *International Journal of Advertising*, 42(1), 52–59. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.2122252>

³Merriam-Webster (n.d.). *Diversity, Equity and Inclusion*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/diversity%2C%20equity%20and%20inclusion>

⁴Unstereotype Alliance, Saïd Business School, University of Oxford (2024). *The Business Case for Inclusive Advertising*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.unstereotypealliance.org/sites/default/files/2024-09/INCLUSIVE%20ADVERTISING%20%28Business%20case%29%20WEB.pdf>. P.4

⁵Кант, И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. Соч в 8 т. Т. 2 / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – С. 86–142.

⁶Терещенко, Н.А. Эстетизация истории как способ проявления ее человеческих смыслов / Н.А. Терещенко, Т. М. Шатунова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20923> (дата обращения: 19.04.2025). <https://doi.org/10.17513/spno.122-20923>

⁷Щедрина, Г.К. Эстетика постмодернизма / Г.К. Щедрина // Серия «Symposium». Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Выпуск 1: материалы научной конференции

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

гом способствует снятию антиномии между этими двумя категориями в попытках творца лавировать между традиционными эстетическими ценностями и инновационными подходами; поместим в этот контекст инклюзивную рекламу.

При всей важности вербализации инклюзии, речь пойдет в первую очередь о визуальном модусе, поскольку именно визуальность, а точнее, телесная визуальность, нормализует присутствие другого, не такого как я, в моей повседневности на уровне перцепции, а не рациональности. Сопротивляясь рационализации, эстетика, тем не менее, не может быть сведена только к вопросам личного вкуса, эстетический дискурс требует поиска объективно существующих феноменов и закономерностей в сфере чувственного восприятия. Исследуя артефакты инклюзивной рекламы последнего десятилетия, попытаемся обнаружить такие доминанты в поле современной практической эстетики.

Реклама – это область, где инклюзия, т.е. социальный феномен, непосредственно соприкасается с эстетикой. Примем за исходное положение, при всей его дискуссионности, утверждение о том, что рекламный продукт может одновременно являться эстетическим объектом, вопреки заветам Дэвида Огилви держать рекламу подальше от «креатива»⁸ и руководствуясь тем, что в отношении эстетических вопросов стремление к разнообразию более «полезно и конструктивно», чем ограничение спектра тех объектов, которые можно считать достойными с эстетической точки зрения⁹. В рекламе даже

есть эстетическая самооценность, не привязанная к ее продающей способности: это подтверждаются не только ставшие классикой плакаты Ж. Шере, А. Ван де Вельде, Э. Грассе и других художников эпохи ар-нуво, но и такие грандиозные для сегодняшнего рекламного мира события, как фестиваль «Каннские львы» или «Ночь пожирателей рекламы», где ролики обретают статус произведений искусства. Она же легко черпает эстетизм извне, питаясь аллюзиями на классику и вплетаясь в культурные гипертексты, оставаясь при этом в современной инклюзивной повестке: один из ярких примеров – реклама Coca-Cola «Шедевр», в которой кадры стилизованы под известные картины и скульптуры. Здесь в семиосферу полотна Ван Гога легко помещается темнокожий молодой человек, образ, возможно, более уместный в современном Париже, чем в Арле XIX века (Рис. 1).

92

Рис. 1. Кадр из ролика Coca-Cola® Masterpiece. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VGalimApfdg> (дата обращения: 19.04.2025).

В защиту рекламы достаточно сказать, что это та сфера, где традиционно генерируются и воспроизводятся образы прекрасного: они закрепляются как стереотипы, тем самым фиксируя связь между товаром и идеей, которая должна с ним ассоциироваться; образ становится неотъемлемым элементом классического семиотического треугольника, где знак, или репрезентант, отсылая к объекту-товару, одно-

(20–21 октября 1999 г.). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. – С. 97–99.

⁸Ogilvy, D. (1985). *Ogilvy on Advertising*. New York: Vintage Books. P. 7, кавычки автора.

⁹Saito, Y. (2001). Everyday aesthetics. *Philosophy and Literature*, 25(1), 87–95. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.212225210.1353/phl.2001.0018>. P.88.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

временно апеллирует к интерпретанту, т.е. своему эквиваленту в сознании воспринимающего¹⁰. Первичная функция репрезентатива в рекламе – соблазн, искушение, попытка завлечь потенциального клиента в мир неограниченного потребления, где любые нужды должны удовлетворяться по базовому маркетинговому алгоритму AIDA: внимание, интерес, желание, действие. Потребление образа обязано привести к потреблению объекта, чтобы ломаная замкнулась в треугольник не только в восприятии смотрящего, но и в реальности. Образ, ставший стереотипом, упрощает и ускоряет этот процесс «замыкания», поскольку экономит наши усилия по распознаванию мира¹¹, облегчая выбор подходящих моделей поведения, компании для общения или продуктов для потребления. В одной из вариаций модели AIDA к акрониму добавляется буква S, ответственная за Permanent satisfaction – постоянную удовлетворенность, что отсылает нас к традиционной утопичности рекламы; именно для утопии характерны мечты о «мире постоянного и полного чувственного удовлетворения; поиск идиллических состояний благополучия, сдерживаемого моральными и эстетическими ограничениями»¹². Однако будучи всего лишь мечтой о постоянстве, реклама может порождать фрустрацию от невозможности реализовать возжеленное: она есть «постоянная возбужденность и постоянная неудача: видения вещей и видения желаний»¹³. С другой

стороны, потребление вещи прервало бы поток желания; один опыт сменился бы другим, причем не обязательно более эстетически насыщенным: многим известно разочарование от покупки, реклама которой сулила гораздо большее.

Коллекцию стереотипных образов можно обнаружить в известной работе Х. Кафтанджиева «Герои и красавицы в рекламе»¹⁴. Например, одна из идей, или архетипов, к которым обращается автор, – архетип красавицы; конкретных образов, отсылающих к нему, много: это и Мадонна, и ангел, и золушка, и Красная шапочка, и Снежная королева... Пролиферация этих образов, накладывающихся один на другой, приводит к формированию эстетического шаблона для идентификации – так, что в дальнейшем при встрече со знакомым лицом (максимально симметричным, идеально гладким, безупречно покрытым макияжем и т.д.) ожидаемой реакцией будет импульс замкнуть стороны треугольника, совершив покупку. Поэтому репрезентатив также может отсылать к идеалу собственной телесности: рекламный образ как виртуальный конструкт сплетает в один нарратив объект-товар и интерпретант-идеальное тело.

Сами знаки в рекламной коммуникации также можно классифицировать, опираясь на теорию Пирса. Иконический знак мы встречаем, если в сообщении присутствует прямая визуальная связь с объектом, идеей или подобие того, на кого она рассчитана: девушка, мечтающая стать красавицей, юноша, желающий быть сильным и выносливым, или, в контексте нашего исследования, особенные дети, пожилые люди, мигранты и т.д. Британское «инклюзивное агентство талантов» Zebedee известно

¹⁰Peirce, C.S. (2012). *The Philosophy of Peirce. Selected Writings*. London: Routledge & Paul. P. 99.

¹¹Lippmann, W. (1988). *Public Opinion*. New Brunswick, London: Transaction Publishers. P. 88.

¹²Грицанов, А.А. Утопия / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – URL: <https://rus-istoria-philosophii.slovaronline.com/563-%D0%A3%D0%A2%D0%9E%D0%9F%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 19.04.2025).

¹³Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. и со-проводительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – С. 122.

¹⁴Кафтанджиев, Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтанджиев. – СПб.: Питер, 2008. – 233 с.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

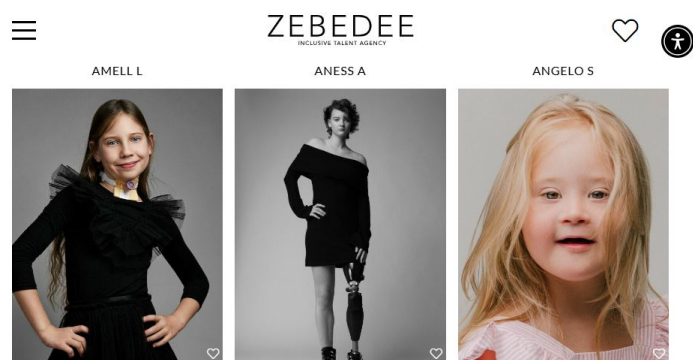

Рис. 2. Модели рекламного агентства Zebedee. URL: <https://www.zebedeetalent.com/uk/mainboard/kids/> (дата обращения: 19.04.2025).

тем, что предоставляет услуги моделей для кампаний, строящихся на таких иконах (Рис. 2). Д. А. Еланова в своем анализе репрезентации инвалидности в рекламе приводит интересный пример отсутствия самого образа: на плакате Национального спортивного центра для инвалидов собака-поводырь сидит у подножия горы, ожидая хозяина, который, очевидно, забирается наверх¹⁵. Здесь отсутствие знака индексально, эстетика совсем иная, и все же это реклама, несомненно, инклюзивная, где поощряется привлечение людей с инвалидностью к спорту. Символы как культурно-обусловленные знаки, которые не основываются на визуальной или пространственной связи с тем, что они представляют, также могут быть обнаружены в примерах инклюзивной рекламы: розовая лента – символ борьбы с раком молочной железы – часто встречается в медиапространстве Америки и Европы, но в России мало кто сможет расшифровать послание с этой символикой (Рис. 3).

В этой же антологии Х. Кафтанджиева мы находим пример разрушения стереотипа – реклама бразильского йогурта Fit Light обыгрывает образы Мэрилин Монро и Шэрон Стоун в

популярном кинематографе, представляя их располневшими (Рис. 4). Если вырвать эти изображения из культурного контекста и предъявить, например, представителю молодого поколения, тому, кто никогда не видел этих звезд на экране, но знаком с текущей повесткой, то можно рассчитывать на тот эффект, какого стремятся достичь производители инклюзивной рекламы: распознавание этой эстетики как бодипозитива, принятие того, что все люди разные, воспитание толерантности к другому. На такое впечатление рассчитаны образы, используемые в кампаниях Dove: за расовый паритет, позитивную маскулинность, «настоящую» красоту и т.д. (например, см. рис. 5). Однако аллюзия помещает эти образы в гипертекст: взрослый зритель с иным репертуаром кодов, несомненно, уловит в такой пародирующей рекламе иронию, что исключает ее из инклюзивного дискурса. Какая из этих трактовок ближе к знаку – неизвестно, ведь по Пирсу, семиозис бесконечен, поскольку интерпретант никогда не тождествен репрезентанту.

Рис. 3. Реклама кампании Estée Lauder по борьбе с РМЖ. URL: <https://www.elcompanies.com/en/our-impact/social/the-breast-cancer-campaign> (дата обращения: 19.04.2025).

Здесь же есть примеры того, как сообщение может искренне строиться на образах деформированной телесности: красавица, пережившая одностороннюю мастэктомию в борьбе

¹⁵Еланова, Д.А. Репрезентация образа инвалида в рекламе / Д. А. Еланова // Человек в мире культуры. – 2016. – №1. – С. 22.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

с раком, с аналогом пиратской повязки на глаз, только на груди¹⁶. Это уже социальная реклама, несомненно относящаяся к инклюзивной. Отсюда следует, что не всякий образ, ломающий стереотип, может стать основой инклюзивной рекламы.

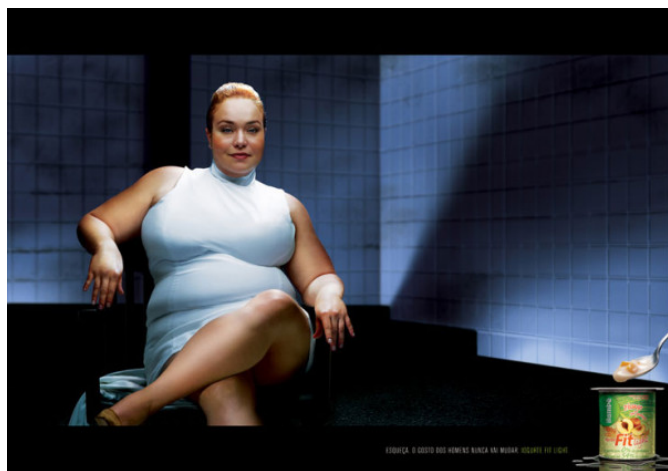

Рис. 4. Реклама Fit Light. Кафтанджиев, Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтанджиев. – СПб.: Питер, 2008. – 233с. – С. 25.

Рис. 5. Реклама Dove.

URL: <https://www.dove.com/uk/stories/about-dove/waste2/VBTEST.html> (дата обращения: 19.04.2025).

Если в классической парадигме эстетический объект трансцендентен, вынесен за пределы повседневности, как картина, ограниченная рамой или скульптура на пьедестале, – отстраненный предмет вне всякой функциональ-

ности и логики¹⁷, – то в рекламной коммуникации образ может легко сочетать эстетизм с функциональностью¹⁸, а сама реклама мимикрирует под окружающую среду – например, в форме эмпатии медиа. Рамкой здесь выступает контекст эстетического опыта, который воспринимающий может достроить сам: точно так же запах жареных каштанов и гудки такси для кого-то становятся обрамлением нью-йоркской архитектуры¹⁹. С этой точки зрения реклама, возможно, частично, снимает антагонизм между эстетикой классической и современной, следуя известному принципу Пола Фейерабенда «Дозволено все» («Anything goes»), или «Годится все», перенесенному из сферы рациональной в чувственную, и представляя собой образец эстетического анархизма, призванный убедить всякого в своей правомерности и выступающий апологией самого себя. В связи с этим стоит трактовать рекламу как гибридный феномен, в котором утилитарность смешивается с эстетизмом. Более того, если попытаться глубже проникнуть в ее суть, можно обнаружить, что реклама находится на перекрестке эстетического и социального, а также политического, глубоко интуитивного, интимного, и внешнего, встроенного в структуры власти. Так, Л. Е. Трушина связывает ее в один узел с социальным через отсылку к ее семиотической природе: «для це-

¹⁷ Иванников, С. Классический эстетический объект. Место эстетического и способ его присутствия в повседневном мире / С. Иванников // Топос. – URL: <https://www.topos.ru/article/iskusstvo/klassicheskii-esteticheskii-obekt-mesto-esteticheskogo-i-sposob-ego-prisutstviva-v> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁸ Морозова, А.В. Реклама как объект практической эстетики / А.В. Морозова // Медиакоп. – 2016. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/2186> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁹ Saito, Y. (2001). Everyday aesthetics. *Philosophy and Literature*, 25(1), 87–95. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.212225210.1353/phl.2001.0018> P. 89.

¹⁶ Кафтанджиев, Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтанджиев. – СПб.: Питер, 2008. – С. 102.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

левой группы реклама и ее сообщения выступает репрезентантом общества как целого, и через нее определенная социальная группа может легитимизировать себя, вписаться в общество с признанными в нем ценностями, жизненными смыслами, нормами поведения и стандартами потребления»²⁰.

Обнаружение рекламы в точке соприкосновения эстетики с властью – властью определять выбор другого, формировать его потребности – уже помещает ее в инклюзивный дискурс, вне зависимости от того, что она изображает, поскольку она оперирует не понятием вкуса, а понятием влияния. Если мне не по вкусу то, что изображено на билборде, это не значит, что я могу избежать попадания в его семиотическое поле, проходя мимо; реклама – это интерпелляция Луи Альтюссера, оклик, на который невозможно не обернуться, поэтому я невольно вовлекаюсь, возникает раппорт. Власть – это влияние на другого, а влияние всегда предполагает вовлечение, в том или ином качестве, поэтому реклама имеет мощный инклюзивный потенциал. Большинство людей в современном мире – участники процессов производства и потребления товаров, и каждый из них попадает в целевую группу тех или иных брендов, поэтому подвергается «бомбардировке» сообщениями; влияние образа здесь не расстрачивается на чистую эмоцию – сила чувственной стихии призвана вращать колесо потребления. Ошибка рекламистов на семиотическом уровне проявляется в том, что для рекламируемого объекта выбирается репрезентант, не соотносящийся с интерпелтантом, и требует-

ся слишком много усилий по «стягиванию» этого разрыва между стереотипом и его двойником в ментальной сфере потребителя. Будучи практиком маркетинговой деятельности, В. Шенерт критикует использование в рекламе образов «сплошь молодых, красивых, ухоженных, радостных созданий, которые живут исключительно в апартаментах больших городов или загородных виллах»²¹; он видит корни эксклюзивности и клишированности рекламы в неправильной сегментации и идеализации целевой аудитории и отмечает, что необходимо приблизить описание целевой группы к реальности.

Т. М. Шатунова связывает эстетизацию современного мира с процессами трансформации ресурсов в товары, совокупность которых приобрела такую плотность, что их потребление заменяется в обществе потреблением их знаковой формы и, соответственно, эстетических качеств; в таком социуме форму товара может приобрести все что угодно, поэтому любой объект или феномен способен подвергнуться эстетизации. Реклама в этом ракурсе предстает как «ужас тотальной эстетизации», симптом власти соблазна, того, как агрессивный эстетический объект, врывающийся в повседневность обывателя, превращает в эстетический объект его самого; гламур становится императивным эстетическим шаблоном для человека²². Это то, что у Ж. Бодрийера принимает форму трансэстетического образа, порнографичного в своем стремлении создать совершенную иллю-

²⁰ Трушина, Л.Е. Смена парадигм в эстетике рекламы / Л.Е. Трушина // Серия «Symposium». Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Выпуск 16: материалы научной конференции (10 октября 2001 г.). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 66.

²¹ Шенерт, В. Грядущая реклама: 199 примеров, секретов успеха, практических рекомендаций / В. Шенерт; пер. А.М. Чунакова. – 2-е изд., обновл. и расшир. – М.: Интерэксперт, 2001. – С. 30.

²² Шатунова, Т.М. Социально-эстетическая онтология современности: эстетизация и глобализация / Т.М. Шатунова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2007. – № 5. – С. 172.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

зию, перенасыщенного реальностью²³, но именно поэтому выхолощенного. «Человек гламурный» – тот, в ком «нет жизненного стержня, инклюзивно-энергийного стимула как включенности в бытие», тот, кто настолько пренебрегает «интеллектуальным, нравственным и истинно эстетическим, что превращается в Ничто»²⁴ – противопоставляется Е.Л. Яковлевой «человеку включенному». Это философское толкование инклюзии приводит нас к понятию включенности в бытие, связанной со стремлением человека удержаться в мире в своей целостности; в плоскости эстетического это проявляется в том, что он выступает как творцом, так и производением самого себя, вырабатывая собственный стиль в искусстве жить²⁵. Вероятно, оттачивание этого стиля во многом зависит от воли противостоять влиянию гламура и опасным быюти-трендам.

Как эстетический идеал становится шаблоном для человека, так и бренд становится эйдосом вещи, диктующим ее качества: «Вещи-товары, созданные абстрактным трудом, обезличенные машиной, требуют восстановления своего статуса в обществе, что и происходит через их именование. Активность и даже агрессия имен и идей являются попыткой восстановления связей между миром идей и миром вещей, ведь, согласно платонизму, идеи – активное начало, материя же – пассивное. Активировать покупателей можно не самими вещами, а

идеями, которые стоят за ними»²⁶. Именно эта активация становится задачей рекламы в триаде «репрезентатив – объект – идея». Однако если для массового товара, произведенного на конвейере, это путь к обретению идентичности, выражаемый, например, в таких маркетинговых понятиях, как идентичность бренда, уникальное торговое предложение, которое формулируется в рекламном сообщении для дифференциации товара в условиях тотальной гомогенизации продуктов, то для человека, существа имманентно уникального, копирование эстетики гламура – напротив, путь к унификации, превращению в точную копию некоего стандарта. Так человек из носителя интерпретанта, идеи, сам превращается в знак. Инклюзивная эстетика в этом смысле – попытка повернуть процесс тотальной эстетизации вспять, от субъекта к его репрезентации, чтобы противостоять его превращению в знак эйдетического гламура, а следовательно – в симулякр.

Согласно Х. Ортеге-и-Гассету, индивидуальность сама вырабатывает для себя эстетическую модель, диктует свои собственные законы прекрасного: «Нет единого и всеобщего образца, которому уподоблялись бы реальные вещи. Не стану же я, в самом деле, накладывать на лица этих дам априорную схему женской красоты!»²⁷. Если бы этот идеал существовал, жизнь утратила бы драматизм, чувственно воспринимаемый мир бы обеднел. Эта борьба с тотальностью, с нормативностью, которая одна на всех, очень хорошо прослеживается в инклюзивной рекламе. Пожалуй, самым известным примером такой инициативы можно назвать

²³Baudrillard, J. (1996). *Le Complot de l'Art; Illusion et Désillusion Esthétique*. Sens et Tonka. P. 60.

²⁴Яковлева, Е.Л. Идеология гламура и его имиджевые практики / Е.Л. Яковлева // Бюллетень науки и практики. – 2016. – №7 (8). – С. 209.

²⁵Яковлева, Е.Л. Философско-культурологические аспекты инклюзивной личности и ее искусство жить / Е. Л. Яковлева, Д.Ф. Каюмова, М.А. Зайченко // Вестник КазГУКИ. – 2017. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-kulturologicheskie-aspekty-inklyuzivnoy-lichnosti-i-ee-iskusstvo-zhit> (дата обращения: 19.04.2025).

²⁶Авдошин, Г.В. Дар и товар как символические модификации вещи: онтологический аспект / Г.В. Авдошин // Манускрипт. – 2018. – № 12(98). – Ч. 2. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.18>. – С. 278.

²⁷Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет; вступ. ст. Г. М. Фридендера; сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – С. 157.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

кампании мирового бренда фэшн-индустрии United Colors of Benetton. Оливьеро Тоскани, создатель провокационных образов для бренда, стал основоположником так называемого шокертайзинга, скандальной рекламы, визуального хайпа. Для примера рассмотрим плакат, где изображены три почти одинаковых человеческих сердца, помеченных как «белое», «черное» и «желтое»; очевидное сообщение: все люди одинаковы внутри, независимо от расы. Эта реклама, несомненно, инклюзивна, поскольку отвечает требованию достоверной репрезентативности разных слоев населения, но это не конвенциональная эстетика рекламы (Рис. 6). Если образы в кампании Dove сопровождаются слоганом «Реальная красота», т.е. все же нацелены на возбуждение чувства прекрасного, с некоторыми оговорками, или, скорее, на расширение чувства прекрасного, то здесь мы имеем дело с чем-то иным: уродливым или безобразным. Можно даже сказать, что это вообще вне эстетики, ведь уродство – биологический факт, который предшествует всякому эстетическому суждению: «уродливое» – антоним не «красивого», а «нормального»²⁸. С другой стороны, восприятие уродливого способно породить эстетический опыт не менее значимый, чем восприятие прекрасного. Поиск образа, который бросил бы вызов тотальности нормы, предполагает утверждение новой нормальности в том же анархическом ключе: Годится все! Нормальны – все! При этом и сами сердца могут быть совершенно нормальными с медицинской точки зрения; однако помещенные вне тела и в контекст рекламы одежды, они вызывают шок. О подобном пишет И.Е. Фадеева в свете дискуссии о вторжении эстетики безобразного в современное культурное пространство: наслаждение прекрасным сменяется шо

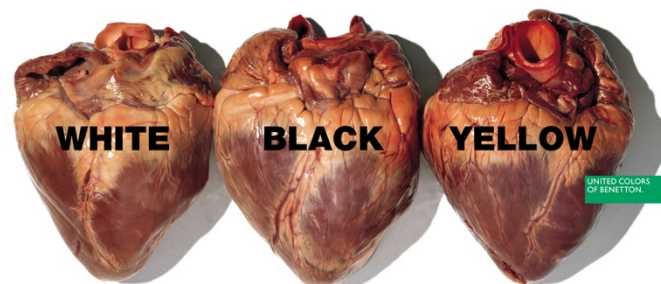

Рис. 6. Реклама United Colors of Benetton. URL: <https://www.benettongroup.com/en/media-press/image-gallery/institutional-communication/historical-campaigns/> (дата обращения: 19.04.2025).

ком массовой культуры, происходит деструкция процесса социокультурного семиозиса²⁹.

Размышление о едином типаже и разнообразии вновь возвращает нас к вопросу целых групп; реклама становится лицом группы, репрезентуя ее или продукцию для нее. И. Гофман в своем исследовании стигматизации пишет о том, что стигма как реакция социума на ненормативность, аномальность индивида с точки зрения пола, расы, особенностей внешности, психического здоровья и т.д. – может стать основанием для выделения такой группы, каждая из которых имеет своего представителя³⁰. Рассматривая стигму как социальную конструкцию, а рекламу как «культурное зеркало», мы можем определить ключевые точки их пересечения: инклюзивная реклама нарушает стигматизацию посредством поддержания такого представительства в медиапространстве, зачистую с помощью интерсекциональности, т.е.

²⁹ Фадеева, И.Е. Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / И.Е. Фадеева // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3 (24). – С. 118.

³⁰ Goffman, E. (2009). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. P. 25.

²⁸ Там же. С. 160.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

гиперсегментации стигматизированной группы во избежание одномерной репрезентации в чрезмерно упрощенных, стереотипных нарративах. Результатом этого может стать то, что выход из замкнутого круга стигматизации позволит человеку, метафорически говоря, начать играть в гольф своим костылем³¹.

Рис. 7. Реклама одежды ручной работы «Совкин дом». URL: https://vk.com/wall554990358_8481 (дата обращения: 19.04.2025).

Попытки инклюзии в рекламном пространстве на широкую аудиторию сегодня успешно подкрепляются параллельными про-

цессами в компактных сетевых сообществах. Эстетика становится инклюзивнее, потому что доступнее в диджитал-среде: это включенность в виртуальных гетто, где каждый может найти свое, образ, апеллирующий непосредственно к нему, в любимом телеграм-канале, группе «ВКонтакте» или на другой платформе. В маленьком сообществе на 536 подписчиков продаются этнические наряды, которые рекламирует модель старшего возраста (Рис. 7). Возможно, в формате билборда эти образы бы тоже имели эффект шокквертайзинга, но внутри данного гетто эта практика уже нормализована.

В завершение попытаемся определить эстетическую инклюзивность как актуальный для современной рекламы феномен. Ресурс Oxford Review предлагает такую дефиницию: это «целенаправленный подход к дизайну, который охватывает разнообразие и гарантирует, что все люди чувствуют себя признанными, уважаемыми и визуально представленными. Под этим подразумевается создание пространств, продуктов или контента, которые находят отклик у людей из разных культурных, расовых, этнических, гендерных и социально-экономических слоев. Эстетическая инклюзивность выходит за рамки простой репрезентации; она направлена на то, чтобы прославлять различия и способствовать формированию чувства принадлежности для всех»³². Подход к инклюзии в этом объемном определении так же утопичен, как и традиционная реклама, а эстетические аспекты сведены к дизайну. Попробуем представить альтернативный взгляд на эстетическую инклюзивность.

³²The Oxford Review (n.d.). *Aesthetic Inclusivity – Definition and Explanation*. Retrieved April 19, 2025, from <https://oxford-review.com/the-oxford-review-dei-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/aesthetic-inclusivity-definition-and-explanation/>

³¹ Ibid. P. 27.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

Ранние работы Г. Фехнера в области эстетики заложили основу для понимания эстетического опыта как универсального, не ограниченного элитарными или исторически значимыми формами искусства в дискретном обществе³³, т.е. по сути инклюзивного: люди естественным образом реагируют на симметрию и иерархические структуры в искусстве, более того, восприятие природной красоты, имманентное человеку, может противоречить вкусу, который ему прививает культура. Поэтому первое условие инклюзии в эстетике – отход от критериев, ограничивающих восприятие «высоким искусством» или экспертными знаниями, тем самым обесценивая эстетический опыт тех, кто лишен соответствующих навыков, возможности лицезреть подлинные произведения или общаться со знатоками искусства. Во-вторых, это также расширение сферы восприятия, в которой эстетическим объектом может стать, например, осыпающийся вишневый цвет или неприбранная комната³⁴ – или, в свете настоящей проблематики, деформированное, искаленное, стареющее тело. Если принять за константу рекламируемый объект как то, что неизменно необходимо включить в сообщение (хотя он может быть подразумеваемым, латентным, вынесенным за рамки, как в рекламе одежды Benetton), то репрезентативен и интерпретант – те самые варьируемые параметры, которые открыты для инклюзии: доступность, разнообразие и включение различных культурных, исторических и индивидуальных точек зрения, с одной стороны, обогащают спектр вариантов для вы-

бора репрезентатива (вплоть до индексального отсутствия протагониста в кадре), с другой – формируют интерпретант в сознании воспринимающего, к которому не может быть претензий, если он не улавливает культурных отсылок к широко- и малоизвестным произведениям искусства. Признание возможности различных эмоциональных реакций само по себе становится симптомом инклюзии без какого-либо токенизма, т.е. «чисто символического» включения образов людей из недостаточно представленных групп в коммуникационные кампании для создания видимости разнообразия, без подлинной приверженности DEI-инициативам.

Подведем итог. Реклама как место встречи социального и эстетического – удобный «полигон» для экспериментов с инклюзией, выбора образов и аллюзий, формулирования конкретных сообщений и фиксирования реакций аудиторий; при этом исследования эфемерного контента позволяют схватывать не только новейшие тренды в маркетинге, но и происходящие культурные трансформации. С одной стороны, для инклюзивной рекламы годится все, но с другой – к ней нельзя отнести любой коммуникационный артефакт на том лишь основании, что он построен на ломке стереотипа. Она не столько «лишена стереотипов», как провозглашается в вышеупомянутом отчете, сколько генерирует альтернативные: именно благодаря им мы легко идентифицируем рекламу определенной продукции как объект новой, инклюзивной эстетики. Ее образы должны быть частью общей маркетинговой стратегии, и чем многограннее они будут, тем лучше сообщение будет отвечать условиям интерсекциональности. Инклюзия в рекламе как противостояние тотальной нормативности – это также борьба с гламуром и токенизмом. Семиозис, связывающий рекламный образ с товаром и с самим эй-

³³Fitch, W.T., & Westphal-Fitch, G. (2013). Fechner revisited: Towards an inclusive approach to aesthetics. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(2), 140–141. <https://doi.org/10.1017/S0140525X12001604>

³⁴Saito, Y. (2001). Everyday aesthetics. *Philosophy and Literature*, 25(1). <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.212225210.1353/phl.2001.0018> P. 90–91.

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

досом потребления, в том числе идеалом себя, становится также «мостиком» от чистого чувственного опыта к социальному действию. Несомненно, то, что компания Lego производит кубики с алфавитом Брайля, важнее для инклюзии, чем то, что слабовидящие дети снимаются в ее рекламных кампаниях, но именно последнее трансформирует дискурсивную парадигму, обеспечивая визуальную нормализацию тех образов, которые традиционно пребывали на периферии культурного пространства – по аналогии с тем, что Ю.М. Лотман называет иконической риторикой, взаимопроникновением семиотических систем культуры и быта³⁵.

Список литературы

Viglia, G., Tsai, W.-H. S., Das, G., & Pentina, I. (2023). Inclusive advertising for a better world. *Journal of Advertising*, 52(5), 643–646. <https://doi.org/10.1080/00913367.2023.2255242>

Eisend, M., Muldrow, A.F., & Rosengren, S. (2022). Diversity and inclusion in advertising research. *International Journal of Advertising*, 42(1), 52–59. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.2122252>

Merriam-Webster (n.d.). *Diversity, Equity and Inclusion*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/diversity%20equity%20and%20inclusion>

Unstereotype Alliance, Saïd Business School, University of Oxford (2024). *The Business Case for Inclusive Advertising*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.unstereotypealliance.org/sites/default/files/2024-09/INCLUSIVE%20ADVERTISING%20%28Business%20case%29%20WEB.pdf>

Кант, И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. Соч в 8 т. Т. 2 / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – С. 86–142.

³⁵ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 86.

Терещенко, Н.А. Эстетизация истории как способ проявления ее человеческих смыслов / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. <https://doi.org/10.17513/spno.122-20923>

Щедрина, Г.К. Эстетика постмодернизма / Г. К. Щедрина // Серия «Symposium». Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Выпуск 1: материалы научной конференции (20-21 октября 1999 г.). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. – С. 97–99.

Ogilvy, D. (1985). *Ogilvy on Advertising*. New York: Vintage Books, 224 p.

Saito, Y. (2001). Everyday aesthetics. *Philosophy and Literature*, 25(1), 87–95. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.212225210.1353/phl.2001.0018>

Peirce, C.S. (2012). *The Philosophy of Peirce. Selected Writings*. London: Routledge & Paul, 386 p.

Lippmann, W. (1988). *Public Opinion*. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 427 p.

Кафтанджиев, Х. Герои и красавицы в рекламе / Х. Кафтанджиев. – СПб.: Питер, 2008. – 233с.

Еланова, Д.А. Репрезентация образа инвалида в рекламе / Д.А. Еланова // Человек в мире культуры. – 2016. – №1. – С. 21–25.

Грицанов, А.А. Утопия / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – URL: <https://rus-istoria-philosophii.slovaronline.com/563-%D0%A3%D0%A2%D0%9E%D0%9F%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 19.04.2025).

Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. и сопроводительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 219 с.

Иванников, С. Классический эстетический объект. Место эстетического и способ его присутствия в повседневном мире / С. Иванников // Топос. – 2011. – URL: <https://www.topos.ru/article/iskusstvo/klassicheskii-esteticheskii-obekt-mesto-esteticheskogo-i-sposob-ego-prisutstviya-v> (дата обращения: 19.04.2025).

Морозова, А.В. Реклама как объект практической эстетики / А.В. Морозова // Медиаскоп. – 2016. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/2186> (дата обращения: 19.04.2025).

Жанна Евгеньевна ВАВИЛОВА

| Эстетика инклюзивной рекламы: семиотический этюд |

Трушина, Л.Е. Смена парадигм в эстетике рекламы / Л.Е. Трушина // Серия «Symposium». Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Выпуск 16: материалы научной конференции (10 октября 2001 г.). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.66–68.

Шенерт, В. Грядущая реклама: 199 примеров, секретов успеха, практических рекомендаций / В. Шенерт; пер. А.М. Чунакова. – 2-е изд., обновл. и расшир. – М.: Интерэксперт, 2001. – 311 с.

Шатунова, Т.М. Социально-эстетическая онтология современности: эстетизация и глобализация / Т. М. Шатунова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2007. – №5. – С. 166–180.

Baudrillard, J. (1996). *Le Complot de l'Art; Illusion et Desillusion Esthetique*. Sens et Tonka, 136 p.

Яковлева, Е.Л. Идеология гламура и его имиджевые практики / Е.Л. Яковлева // Бюллетень науки и практики. – 2016. – №7 (8). – С. 204–210.

Яковлева, Е.Л. Философско-культурологические аспекты инклюзивной личности и ее искусство жить / Е.Л. Яковлева, Д.Ф. Каюмова, М.А. Зайченко // Вестник КазГУКИ. – 2017. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-kulturologicheskie-aspekty-inklyuzivnoy-lichnosti-i-ee-iskusstvo-zhit> (дата обращения: 19.04.2025).

Авдошин, Г.В. Дар и товар как символические модификации вещи: онтологический аспект / Г.В. Авдошин // Манускрипт. – 2018. – № 12(98). – Ч. 2. – С. 275–278. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.18>.

Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет; вступ. ст. Г.М. Фридлендера; сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

Фадеева, И.Е. Аксиология и семиотика: экзистенциальные ценности в контексте современной культурной антропологии / И.Е. Фадеева // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – №3 (24). – С. 115–121.

Goffman, E. (2009). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 150 p.

The Oxford Review (n.d.). *Aesthetic Inclusivity – Definition and Explanation*. Retrieved April 19, 2025, from <https://oxford-review.com/the-oxford-review-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/aesthetic-inclusivity-definition-and-explanation/>

Fitch, W.T., & Westphal-Fitch, G. (2013). Fechner revisited: Towards an inclusive approach to aesthetics. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(2), 140–141. <https://doi.org/10.1017/S0140525X12001604>

Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

102

Zhanna E. VAVILOVA

| Aesthetics of Inclusive Advertising: a Semiotic Study |

Zhanna E. VAVILOVA

Kazan State Power Engineering University
51st Krasnoselskaya, Kazan, 420066, Russian Federation
Department of Philosophy and Media, Associate Professor
PhD (in Philosophy)
ORCID: 0000-0002-0247-8257
E-mail: zhannavavilova@mail.ru

AESTHETICS OF INCLUSIVE ADVERTISING: A SEMIOTIC STUDY*

Nowadays advertising has become a meeting place for the social and the aesthetic and a convenient “testing ground” for experiments with inclusion, as well as for analyzing images, codes, hypertexts, specific messages, and audience reactions to them. The purpose of the work is search for answers to the question of how legitimate it is to talk about aesthetics when advertising is moving away from traditional idealized stereotypes to apply images that are far from classical ideas about the beautiful and the sublime. The paper views artifacts of modern visual advertising to illustrate the mechanisms of semiosis, or the process during which the representamen of an advertising object correlates with its mental double – the interpretant. Iconic, indexical, and symbolic signs used in inclusive advertising are being considered. The conditions under which advertising can be reckoned an inclusive media product are discussed, and the concept of aesthetic inclusion is introduced. Firstly, it is assumed that it should be built outside the criteria that limit aesthetic assessment to expert knowledge; secondly, aesthetic inclusion implies expanding the spectrum of what can be classified as aesthetic objects, e.g. images of a misshapen body, the ugly or the de-

formed – what lies in the basis of stigmatization. The representamen and the interpretant are analyzed in the context of the aesthetics of advertising; it is concluded that they must remain free, variable parameters of the semiotic triangle, open to aesthetic inclusion. The paper looks into the mechanism of how, under the influence of advertising and the aesthetics of glamour, one turns from a bearer of an interpretant into a sign, into an exact copy of a standard sample. The aesthetics of inclusion in this sense appears in the light of an attempt to reverse the process of total aestheticization, from the subject to their representation, in order to resist their transformation into a sign of eidetic glamour and thus into a simulacrum.

Keywords: inclusion, inclusiveness, advertising, inclusive advertising, inclusive aesthetics, aesthetics of advertising, semiotics, semiosis, stereotype, visual normalization, glamour, stigma.

The study was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation, awarded to young candidates of science (post-doctoral students).

Merriam-Webster (n.d.). *Diversity, Equity and Inclusion*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/diversity%2C%20equity%20and%20inclusion>

Unstereotype Alliance, Saïd Business School, University of Oxford (2024). *The Business Case for Inclusive Advertising*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.unstereotypealliance.org/sites/default/files/2024-09/INCLUSIVE%20ADVERTISING%20%28Business%20case%29%20WEB.pdf>

References

- Viglia, G., Tsai, W.-H. S., Das, G., & Pentina, I. (2023). Inclusive advertising for a better world. *Journal of Advertising*, 52(5), 643–646. <https://doi.org/10.1080/00913367.2023.2255242>
- Eisend, M., Muldrow, A. F., & Rosengren, S. (2022). Diversity and inclusion in advertising research. *International Journal of Advertising*, 42(1), 52–59. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.2122252>

Zhanna E. VAVILOVA

| Aesthetics of Inclusive Advertising: a Semiotic Study |

Kant, I. (1994). *Nabliudeniia nad chuvstvom prekrasnogo i vozyvshennogo. Soch v 8 t. [Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime. Works in 8 volumes]*. Vol. 2. Moscow: Choro. P. 86–142.

Tereschenko, N.A., & Shatunova, T.M. (2015). Estetizatsiia istorii kak sposob proiavleniia ee chelovecheskikh smyslov [Aestheticization of history as the way of its human meanings' manifestation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern problems of science and education]*, 2(1). Retrieved April 19, 2025, from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20923>. <https://doi.org/10.17513/spno.122-20923>

Shchedrina, G.K. (1999). Estetika postmodernizma [Aesthetics of postmodernism]. *Seriia "Symposium". Estetika segodnia: sostoianie, perspektivy [Series "Symposium". Aesthetics Today: State, Prospects]*. Iss. 1. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. P. 97–99.

Ogilvy, D. (1985). *Ogilvy on Advertising*. New York: Vintage Books.

Saito, Y. (2001). Everyday aesthetics. *Philosophy and Literature*, 25(1), 87–95. <https://doi.org/10.1080/02650487.2022.21225210.1353/phl.2001.0018>

Peirce, C.S. (2012). *The Philosophy of Peirce. Selected Writings*. London: Routledge & Paul.

Lippmann, W. (1988). *Public Opinion*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.

Kaftandzhiev, H. (2008). *Geroi i krasavitsy v reklame [Heroes and Beauties in Advertising]*. St. Petersburg: Piter.

Yelanova, D.A. (2016). Reprezentatsiia obraza invalida v reklame [Representation of the image of disability in advertising]. *Chelovek v mire kul'tury [Man in the World of Culture]*, 1, 21–25.

Gritsanov, A.A. (n.d.). Utopiia [Utopia]. *Noveishii filosofskii slovar' [The Newest Philosophical Dictionary]*. Retrieved April 19, 2025, from <https://rus-istoria-philosophii.slovaronline.com/563-%D0%A3%D0%A2%D0%9E%D0%9F%D0%98%D0%AF>

Baudrillard, J. (2001). *Sistema veshchei [The System of Things]*. Moscow: Rudomino.

Ivannikov, S. (2011). Klassicheskii esteticheskii ob"ekt. Mesto esteticheskogo i sposob ego prisutstviia v povsednevnom mire [The classical aesthetic object. The place of the aesthetic and the way of its presence in the everyday world]. *Topos*. Retrieved April 19, 2025, from <https://www.topos.ru/article/iskusstvo/klassicheskii-esteticheskii-obekt-mesto-esteticheskogo-i-sposob-ego-prisutstviya-v>

Morozova, A.V. (2016). Reklama kak ob"ekt prakticheskoi estetiki [Advertising as an object of practical aesthetics]. *Mediascope*, 4. Retrieved April 19, 2025, from <http://www.mediascope.ru/node/2186>

Trushina, L.E. (2001). Smena paradigm v estetike reklamy [Shift of paradigms in the aesthetics of advertising]. *Seriia "Symposium". Estetika v interparadigmal'nom prostranstve: perspektivy novogo veka [Series "Symposium". Aesthetics in the Interparadigmatic Space: Prospects of the New Century]*. Iss. 16. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. P. 66–68.

Schönert, W. (2001). *Griadushchaia reklama: 199 primerov, sekretov uspekha, prakticheskikh rekomendatsii [The Coming Advertisement: 199 Examples, Secrets of Success, Practical Recommendations]*. 2nd ed., updated and expanded. Moscow: Interexpert.

Shatunova, T.M. (2007). Sotsial'no-esteticheskaia ontologiiia sovremennosti: estetizatsiia i globalizatsiia [Social-aesthetic ontology of postmodernity: aestheticization and globalization]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universita. Seriia Gumanitarnye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, 5, 166–180.

Baudrillard, J. (1996). *Le Complot de l'Art; Illusion et Desillusion Esthetique*. Sens et Tonka.

Iakovleva, E.L. (2016). Ideologiiia glamura i ego imidzhevye praktiki [Ideology of glamour and its image practice]. *Biulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]*, 7 (8), 204–210.

Iakovleva, E.L., Kajumova, D.F., & Zaichenko, M.A. (2017). Filosofsko-kul'turologicheskie aspekty inkluzivnoi lichnosti i ee iskusstvo zhit' [Philosophical-cultural aspects of inclusive personality and its art of living]. *Vestnik KazGUKI [Bulletin of KazGUKI]*, 1. Retrieved April 19, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-kulturologicheskie-aspekty-inkluzivnoy-lichnosti-i-ee-iskusstvo-zhit>

Zhanna E. VAVILOVA

| Aesthetics of Inclusive Advertising: a Semiotic Study |

Avdoshin, G.V. (2018). Dar i tovar kak simbolicheskie modifikatsii veshchi: ontologicheskii aspekt [Gift and commodity as thing's symbolic modifications: ontological aspect]. *Manuscript*, 12 (98), part 2, 275–278. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.18>

Ortega y Gasset, H. (1991). *Estetika. Filosofiiia kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow: Iskusstvo.

Fadeeva, I.E. (2016). Aksiologiiia i semiotika: ekzistentsial'nye tsennosti v kontekste sovremennoi kul'turnoi antropologii [Axiology and Semiotics: Existential Values in the Context of Modern Cultural Anthropology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 3 (24), 115–121.

Goffman, E. (2009). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

The Oxford Review (n.d.). *Aesthetic Inclusivity – Definition and Explanation*. Retrieved April 19, 2025, from <https://oxford-review.com/the-oxford-review-diversity-equity-and-inclusion-dictionary/aesthetic-inclusivity-definition-and-explanation/>

Fitch, W. T., & Westphal-Fitch, G. (2013). Fechner revisited: Towards an inclusive approach to aesthetics. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(2), 140–141. <https://doi.org/10.1017/S0140525X12001604>

Lotman, Yu.M. (1999). *Vnutri mysliashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

Олег Владимирович АРОНСОН

Институт философии Российской академии наук (РАН)
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
Старший научный сотрудник, кандидат философских наук
ORCID: 0000-0001-6753-7724
E-mail: olegaronson@yandex.ru

Светлана Николаевна ТЮРИНА

Институт философии Российской академии наук (РАН)
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
Аспирант сектора эстетики
ORCID: 0009-0006-3503-6267
E-mail: svetlanatyur@bk.ru

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ. СИМВОЛИЗМ И ЧУВСТВЕННОСТЬ В КАТАКОМБНЫХ РОСПИСЯХ РАНЫХ ХРИСТИАН

В статье на материале исследований фресок римских катакомб ранних христиан делается попытка обоснования категории эстетического противоречия. Обращая внимание на то, что на протяжении долгого времени эти подземные росписи не привлекали внимания ни историков искусства (в силу своей эстетической бедности), ни исследователей религии (в силу своей «наивности» относительно будущей иконописи), авторы указывают на уже сложившиеся в гуманитарной науке способы работы с подобного рода историческими «умолчаниями», отсылая к генеалогическому методу Фридриха Ницше и «археологии знания» Мишеля Фуко. В статье предлагается распространить тот поворот, который Ницше совершил в отношении ценностей, а Фуко – в отношении исторического знания, на область чувственности. Именно с этим связано введение категории «эстетическое противоречие». Работа с этой категорией предполагает ориентацию не на непрерывность и полноту эстетического опыта (из чего исходят концепции, игнорирующие вековое забвение некоторых эстетических феноменов и включающие их в историю искусства задним числом). Стратегия авторов заключается в том, чтобы через эстетическое противоречие указать на утрату определенных зон чувственности и, в частности, на

чувственность религиозную, выражением которой является особый символизм катакомбных рисунков. Их изобразительная бедность выявляет зазор между образом и изображением и предполагает ряд вопросов: изображения ли это? И как такие рисунки соотносятся с религиозным запретом на изображение? Ответить на эти вопросы помогают подмеченные Максом Дворжаком особенности символов катакомбного искусства и теория символизма Альфреда Норта Уайтхеда. Для последнего символизм не является культурной формой, а имеет нередуцируемое чувственное измерение, отсылающее к непосредственному опыту, а не к культуре представления. В случае с римскими катакомбами речь может идти о «символической чувственности» коллективной молитвенной практики, которая была фактически утрачена, постепенно превратившись в почитание икон, субъективистское отношение к изображению и потребление культурных форм.

Ключевые слова: эстетическое противоречие, римские катакомбы, раннехристианское искусство, символ, символизм, чувственность, Макс Дворжак, Альфред Норт Уайтхед.

1 В истории культуры случаются события, которые с трудом укладываются в

режим ее самоописания, то есть в ту череду фактов и артефактов, в которых культура де-

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

монстрирует свою непререкаемую ценность и значимость в качестве одного из определяющих механизмов развития человека и его отличия от остальной природы («выделенности его из мира», как мог бы выразиться Хайдеггер).

Одним из таких событий являются римские катакомбные фрески ранних христиан. Сегодня этот тезис не столь очевиден, поскольку уже сложилась определенная традиция изучения и интерпретации этих изображений. Однако еще в XIX веке, когда ученые стали исследовать этот материал, было очевидно: внимание к этим росписям в истории культуры было минимальным, если не сказать – практически отсутствовало.

Во многом не случайно, что именно в XIX веке появляются первые достаточно серьезные исследования, касающиеся римских катакомб. До этого они воспринимаются как явление маргинальное с точки зрения искусства (кажутся крайне наивными относительно выдающихся образцов античности) и как определенный исторический артефакт раннего христианства, одни из первых доиконописных изображений, в которых, как кажется и ученым и теологам, христианская святость еще не способна обрести должную эстетическую форму¹. До середины XIX века отмечают лишь два исторических эпизода, когда фрески римских катакомб пытаются обрести свой особый голос и статус в европейской культуре: 1) момент принятия Римом христианства в IV веке н.э. и 2) документирование фресок Антонио Бозио на рубеже XVII и XVIII веков. Однако эти события локальны, а правилом является скорее игнори-

рование катакомбных фресок, их забвение и замалчивание.

Можно сказать, что история культуры от античности до Ренессанса и от Ренессанса до Просвещения не видела в этих изображениях никакой иной ценности, кроме того, что они были частью истории христианской веры, причем частью незначительной и в чем-то даже несколько сомнительной.

Ситуация меняется именно в XIX столетии, поскольку вместе с эпохой революций приходит и эпоха иного понимания истории: победа угнетаемых, символом которой стала Великая французская революция, нашла свое отражение и в новых способах интерпретации истории, где прежние привилегированные события (в основном – военные успехи суверенов) уступали место другим, веками остававшимся втуне. Таким новым подходом к истории стала историко-экономическая концепция Маркса, но не менее важной (особенно когда речь заходит о проявлении различных форм художественного выражения) была «генеалогическая» стратегия Ницше. Именно с его книги «Рождение трагедии из духа музыки», указавшей на зону неисследуемой («темной») античности, которую немецкий философ накрепко связал с понятием дионисийства, можно отсчитывать возникновение новых способов анализа прошлого, где на первый план выходят не столько исторические факты, сколько дискурсивные механизмы, делающие одни исторические события ценными, а другие – лишенными ценности, иногда настолько, что они практически полностью исключались из рассмотрения.

Возникшая в среде филологов дискуссия относительно «Рождения трагедии» в момент появления книги до сих пор является показательной: критики Ницше настаивают на приоритете «знания», сам же Ницше стремится по-

¹ Именно такой подход мы находим в фундаментальном труде А. фон Фрикен (Римские катакомбы и памятники раннего христианского искусства. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1872).

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

дорвать устоявшееся знание вопросом о том, какие ценности его сформировали². Собственно, именно это и есть вопрос генеалогии, вскрывающий фундаментальные герменевтические и исторические противоречия в самом нашем способе мышления.

В XX веке Мишель Фуко указал на три основные фигуры (Маркс, Ницше, Фрейд), которые в разных областях человеческого знания совершили схожий поворот: от вопроса интерпретации (факта, события, высказывания) к вопросу «почему мы интерпретируем именно так?», каковы условия, порождающие те или иные интерпретационные модели³.

В этом смысле можно сказать, что росписи римских катакомб (а возможно, и прочее «подпольное» искусство христиан до утверждения христианской религии в качестве политической силы) не случайно оказываются в слепой зоне Истории. Они не удовлетворяют античному чувству гармонии, и при этом сама христианская вера в этих рисунках выглядит как нечто предельно наивное и упрощенное. Причем упрощенное настолько, что будущие достижения готической архитектуры и философской схоластики не просто затмевают рисунки катакомб, но фактически отрицают их, не хотят иметь с ними общую историю. Периоды многовекового забвения косвенно указывают на это.

Сегодня мы можем говорить о том, что эти фрески – не просто вновь открытый материал пластической культуры раннего христианства, но и возможный указатель на зону «утра-

ты» того чувственного опыта, который оказался не востребуемым (лишним) в развитии искусства, культуры и науки и который может быть актуализован заново в наше время, время массовых коммуникаций и больших данных.

В свое время именно таким указателем оказалось «дионисийство» XIX века, позволившее формализовать неожиданно заявившую о себе в области культуры и политики своеобразную «чувственность масс». В гуманитарных исследованиях это проявилось не только в расширении знаний об античности, но и в формировании генеалогического метода анализа исторических фактов, а также в том, что Фуко называл «археологией знания».

Во многом благодаря интеллектуальной линии, связанной с критикой ценностей у Ницше, с идеей деструкции у Хайдеггера и археологией знания Фуко (также сюда вполне можно добавить два разных варианта деконструкции – Деррида и Лиотара), не истина факта, а противоречие становится отправной точкой анализа. Это и противоречие, обнаруживаемое в герменевтическом круге, но также и историческое противоречие между «памятником» и «документом», на которое обращает внимание Фуко, указывающее на зоны исключения из архива, всегда формируемого либо самой властью, либо диспозитивами власти (теми или иными ценностными механизмами). Однако еще более существенным является у Фуко радикальный феноменологический ход, связанный с различием исторического и формального априори⁴. Их он интерпретирует в противовес тому, как мы привыкли понимать синхронию и диахронию согласно де Соссюру. Обычно мы именно

² Достаточно полно эта дискуссия представлена в сборнике: Ницше, Ф. Рождение трагедии / Сост., общ. ред., коммент. и вступ. ст. А. Россиуса. – М.: Ad Marginem, 2001. – 736 с.

³ Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс // Альманах «Кентавр». – 1994. – № 2. – С. 48–56 (пер. Е. Никулина под ред. С. Табачниковой).

⁴ Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Раковой, А. Серебрянниковой; вступ. ст. А. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

историческое интерпретируем как диахроническое, а формы и структуры обнаруживают себя в синхроническом срезе. Фуко же делает обратный ход. Он показывает, что история – набор высказываний, которые формируются властным дискурсом и формируют его. Это – своеобразный архив дискурсивной власти, создающий устойчивость для исторического высказывания. Именно чтобы придать этому архиву динамику, чтобы разрушить эту устойчивость, им вводится формальное априори, которое акцентирует не историческую преемственность, а разрыв, радикальную смену форм существования познавательных и перцептивных практик.

Формальное априори обнаруживает себя в моментах исторического слома, когда одни нормы знания и власти еще действуют, но уже возникают иные отношения. Сам Фуко связывает радикальные сломы с возникновением новых «эпистем», форм и практик знания, лежащих в основании самой категории субъекта (субъекта познания *par excellence*)⁵.

Можем ли мы осуществить подобную процедуру не в области знания, а там, где знание еще не сформировалось, в сфере чувственной? Или, говоря иначе: возможно ли выявить противоречия не только в логике познания или в интерпретации истории, но и в сфере эстетики?

Вспоминая о том, что как дисциплина у Баумгартена и Канта эстетика возникает как сфера чувственного познания, мы уже можем

заметить один из важных исторических парадоксов развития эстетики как философской дисциплины: с одной стороны, это дорефлексивный уровень познания мира, а с другой – все, что связано с пластическим выражением (сферой искусства). Казалось бы, разрешить этот парадокс несложно: одной из основных функций искусства постулируется именно чувственное познание мира (в противовес рациональности науки). Однако уже Кант понимал, насколько такой подход ограничен. Для него «эстетическая способность суждения» оказывается своеобразным «искусством ума» (Witz), преодолевающим ограничения познания (с его вечно недостижимой вещью-в-себе) и закона (как морального, так и природного). Таким образом, чувства возвышенного и прекрасного (координаты эстетики Канта) – именно чувства, в которых человек в своей человеческой и субъективной ограниченности способен быть причастным полноте мира (и человечества), преодолевая ограничения знаний и господствующей морали.

2

Вводя термин «эстетическое противоречие», мы прекрасно отдаем себе отчет, что в нем содержится некий оксюморон, поскольку сама идея противоречия (логического, диалектического, герменевтического, исторического, политического и даже морального) принадлежит области разума. Фактически уже в самом словосочетании «эстетическое противоречие» присутствует намек на некую зону в области разума, где господствует нечто, что мы порой связываем с чувственным опытом или с аффективностью (действием). Это нечто не стоит путать с психоаналитически понимаемым бессознательным, в котором нет и не может быть ни-

⁵ Развивает эти идеи Фуко современный французский медиевист Ален де Либера в двухтомнике «Археология субъекта», показывая, что человек как субъект и агент мышления не является ни современным творением, ни изобретением Декарта, а скорее продуктом бесконечных встреч христианской теологии и философии, начиная с поздней античности до Нового времени (Libera, A. de. *Archéologie du sujet* I. Naissance du sujet. Paris: Vrin, 2007. P. 343).

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

каких противоречий, которое целиком – пространство сгущений и смещений, представляющих собой очевидные отклонения от механизмов работы разума. Скорее, мы должны иметь в виду незавершенную попытку А. Н. Уайтхеда создать теоретический аппарат, который будет иметь дело не с абстрактной «истиной», а с конкретностью и полнотой опыта мира, который он связывал с эстетикой «прекрасного»⁶. При этом именно «прекрасное» для него становится своеобразным родовым понятием, максимально общим (имманентным самому миру), применимым к любым формам существования в ситуации как капиталистического, так и феодального способа производства, имеющим силу как «для племенных охотников, так и для собирателей, а также для «сообществ» пчел, бактерий и даже камней или нейтронов»⁷. Это не что иное, как попытка представить «прекрасное» не в виде чувственных форм, а как эстетику символических отношений, разделяемую не только сообществом индивидов, носителей «вкуса» в кантовском смысле (это ее частный случай), но и любой общностью. Можно сказать, что в каком-то смысле Уайтхед понимает «прекрасное» и «красоту» как опыт чувственности, схватывающий фундаментальные отношения природы, воплощенные сегодня исключительно в математических объектах, поскольку и в области искусства, и в философии, и в сфере естественных наук господствуют исклю-

чительно «видимости» (продукты иллюзий чувственных, метафизических и *теоретических*)⁸.

Чтобы нащупать место эстетического противоречия, мало указать на какой-то парадокс, апорию, антиномию, нонсенс. Важно выйти из сферы теории, увидеть, на каких отношениях и механизмах (не только ценностных и рациональных, но и чувственных) базируется само теоретизирование. В нашем конкретном случае с римскими катакомбами важно понять их не только как изображения, не только как нарративы и символы ранних христиан, но и как определенный акт чувственного (пластического) обретения веры *до того*, как возникли первые иконы, до того, как христианские изображения обрели художественную ценность, до того, как вообще стало возможным говорить о христианском искусстве.

Когда современная история искусства вписывает росписи римских катакомб в логику развития европейской живописи, находя в них влияние искусства Древнего Рима, предощущение византийской мозаики и будущей иконописи, то с неизбежностью теряет ту полноту опыта, в котором христианский символизм, темнота подземелья, традиции иудаизма, предельная отверженность членов общины, их отчужденность от социальной жизни Империи нашли свое воплощение. Однако точно так же выделение одного из этих аспектов существования ранних христиан превращает сообщение, исходящее от

110

⁶ Подробнее о своеобразном понимании Уайтхедом «истины» и «красоты» см.: Уайтхед, А.Н. Приключение идей / Пер. с англ. Л. Тумановой. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 317–326.

⁷ Шавиро, С. Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / Пер. с англ. О. Мышкина. – Пермь: HylePress, 2018. – 210 с.

⁸ Здесь интересно отметить общность некоторых положений Уайтхеда относительно символизма и природы математических объектов с идеей математической структуры у Альбера Лотмана, оказавшего определенное влияние на философию Жюль Делёза (см.: Duffy, S.B. Deleuze and the Mathematical Philosophy of Albert Lautman. In: Deleuze's Philosophical Lineage. Ed. by Graham Jones, Jon Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 426 p.).

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

этих фресок, в еще одну теоретическую видимость.

Выявление эстетического противоречия – способ нахождения общего места разнообразных теоретических видимостей, в котором, говоря языком Уайтхеда, «видимость» сливается с «реальностью».

Сам способ работы с категорией эстетического противоречия был уже продемонстрирован ранее в статье О. Аронсона «Ремиссия авангарда»⁹, где авангард рассматривается как такое «прерывание истории искусства», которое позволяет выразить через эстетическое противоречие те исторические катаклизмы, в которых давление грядущего социального переустройства мира словно отпечатывается в художественной практике, напрямую с ним еще никак не связанной. Ключевым становится вопрос о преодолении миметического отношения к искусству и, в частности, плоскости «картины» как необходимого условия восприятия искусства. В этой статье представлены два разных способа такого рода преодоления. Первый – религиозный, реализованный Марком Ротко в радикальном отказе от изображения, второй – политический, воплощенный в фигуре Эль Лисицкого, продолжавшего практику революции, когда ее социальный эффект был уже полностью исчерпан.

Здесь мы остановимся только на живописи Ротко, поскольку она возникает на пересечении художественной практики авангарда и иудейского запрета на изображение (вторая заповедь Декалога: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия...»), крайне важного также и для ранних христиан (в подавляющем большинстве своем – евреев).

По сравнению с эмблематичными фигурами авангарда, такими как Малевич и Кандинский, Ротко не выглядит столь радикальным с точки зрения именно акта прерывания истории искусств. Даже религиозность Ротко «молчалива», в то время как Малевич и Кандинский совершенно откровенно рефлексировали связь своего искусства с религией. Для одного супрематическое полотно – вариант современной иконы. Другой же свой поворот от экспрессионизма к беспредметной живописи описывает как результат двух чувственных потрясений – от полотен Матисса и русской иконописи.

Однако прерывание искусства для обоих художников оставалось в рамках живописи, а более конкретно – картины¹⁰.

Ротко же совершает своего рода инволюцию к доиконописному состоянию религиозного чувства. Эту инволюцию Жан-Люк Марьон описывает как путь изобразительных редукций от визуальных образов к чистым «данностям» цвета, где изображение (мира, предметов, человека, лица) полностью исключено, а то, что остается, – это сияние одной лишь заповеди – запрета на изображение¹¹.

Таким образом, эстетическое противоречие – то, что обнаруживается обратным ходом, уже из современности. Логика здесь прямо противоположна той, когда артефакты древности, наскальные изображения, катакомбные росписи, предметы религиозного культа вписываются в общую историю искусства, в которой отражены эстетические предпочтения текущего мо-

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ См.: Marion, J.-L. De surcroît. Études sur les phénomènes saturés. Paris: Presses Universitaires de France, 2001, а также интерпретацию этого [текста] труда в контексте религиозного запрета на изображение: Petrovsky, H. The Avant-Garde as Continuous Experience (on the Proscription of Representing Utopia) // Russian Studies in Philosophy, Vol. 55, Nos. 3–4, 2017. – P. 252–264.

⁹ Аронсон О. Ремиссия авангарда // Кинема. – 2024. – № 8/9. – С. 99–119.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

мента. Эстетическое противоречие, напротив, указывает на зону утраты чувственного опыта под давлением опыта восприятия искусства. В частности, чувственное измерение религиозной заповеди нам сегодня практически незнакомо. И когда мы сталкиваемся с ним вдруг в полотнах Ротко, то речь не идет о художественном *высказывании*, но, как сказал бы Уайтхед, о заново обретенной *пропозиции*, в которой мир получает шанс обретения своей полноты.

Если попытаться установить общий семантический инвариант, характерный и для рисунков на стенах римских катакомб, и для картин Ротко, то он будет касаться той области восприятия, которая имеет отношение не столько к изображению, сколько к молитвенной практике.

И если в случае Ротко мы видим движение к утраченной области религиозной чувственности, то в росписях ранних христиан должны исходить из ее приоритета, поскольку спустя три столетия, во время спора иконопочитателей и иконоборцев, «объект изображения» уже доминирует, постепенно превращая молящегося в зрителя. Позже это станет основой европейской эстетической традиции – *картиной*, которую Марьон назовет «насыщенным феноменом», косвенно отмечая ее потенциал быть секулярной иконой.

То есть, принимая во внимание разрыв в области чувственности, на который указывает эстетическое противоречие, мы должны рассматривать образы на стенах катакомб не как изображения определенных религиозных сюжетов, а полотна Ротко – не как картины.

Эту ситуацию можно интерпретировать как различие между образом (в его материальной полноте, в неразделимости интеллектуального и чувственного порядков) и изображением, в котором образ всегда оказывается «образом

чего-то» (где господство представления, *Darstellung*, указывает на зависимость чувственного порядка от интеллектуальной способности ставить мир перед собой, способности, лежащей в основании новоевропейской субъективности).

Но можно усмотреть здесь и еще одно различие. Речь идет о классическом Аристотелевом различении материи и формы, которое воспринимается нами как фундаментальное и естественное, но лишь до тех пор, пока оно касается познания мира, культуры представления, а также искусства как техники субъективных ложных видимостей (форм).

Когда в свое время А.Ф. Лосев отказался признать «материю» древних греков бесформенной, введя понятие «чувственно-материальный космос» в отношении античной культуры¹², то он лишь продолжил ту традицию, частью которой была реабилитация «темной» античности, начатая еще Ницше. Более того, Лосев полагал, что эта линия продолжается (через восточный неоплатонизм) в религиозных практиках православия. Его «Эстетика Возрождения» не просто полемична по отношению к сложившемуся культу почитания культуры Ренессанса. Она проникнута именно духом эстетического противоречия. Лосев под видом учебного пособия партизански (и по-своему неистово) ниспровергает великую культуру, забывшую не столько свои религиозные основания, сколько саму материю мира, его чувственную полноту, сведя все разнообразие и богатство к идеологическим пластическим

¹² Фактически только этому, одному из ключевых понятий, лежащих в основании многогранной «Истории античной эстетики», посвящена книга Лосева «История античной философии в конспективном изложении», где наиболее лаконично продемонстрирован его оригинальный подход к античности (Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.).

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

формам (перспектива, пропорция, красота изображения и т.п.)¹³.

Авангард как раз и подводил итог этой изобразительной традиции, которая по-прежнему востребована современной культурной индустрией.

Уайтхед также ставил под сомнение фундаментальность гилеморфизма, видя в самой материи потенциальность новых форм¹⁴. То есть то, что мы называем идеальностями, абстракциями, фундаментальными истинами, есть продукт изменчивости материи. Собственно, именно эту изменчивость материи (и чувственного опыта), результатом которой становятся новые интеллектуальные практики, и фиксирует эстетическое противоречие.

3

Вернемся в катакомбы Рима. Как уже было сказано, лишь к концу XIX века историки искусства обратили свое теоретическое внимание на росписи катакомб и попытались встроить их в общую историю искусства¹⁵. Итогом этой работы вполне можно считать большой раздел в книге Макса Дворжак «История искусства как история духа» (1924), посвященный

живописи катакомб. Этот текст до сих пор не потерял своей актуальности, хотя в последние годы появились многочисленные новые исследования на эту тему.

Дворжак поставил важные вопросы, которые сегодня, увы, зачастую обходят вниманием. Они касаются и изобразительной скудости катакомбных фресок, и ограниченного набора сюжетов, и невозможности вписать эти изображения ни в традиции римского орнаментального императорского искусства, ни даже в другие опыты раннехристианской живописи. Дворжак с первых страниц полемизирует с устоявшимся уже в то время положением о непрерывном переходе от античного искусства к раннехристианскому¹⁶.

Он же указывает на то, что именнообразная бедность обнажает совершенно необычный для античности «символизм»¹⁷.

Сравнивая фрески римских катакомб с росписями Помпей того же времени, Дворжак проницательно отмечает, что последние основаны на пластических формах, что, несмотря на возможные оптические эффекты, это прежде всего *тела*, «оформленная материя». «В катакомбах же мы встречаем только линии и полосы, только плоскостные мотивы в качестве обрамлений фигурных изображений, никогда не находим пластических и тектонических форм, не находим рельефа, превращения стены в тело, архитектурного построения»¹⁸.

Избегание трехмерности, рельефности и ракурсов сводит телесное присутствие до минимума. Фигуры уподобляются теням или привидениям, возникающим откуда-то, из беско-

¹³ Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.

¹⁴ С. Шавиро, интерпретируя Уайтхеда через теории Симондона и Массуми, показывает, что материя не сводится к пассивной чувственности, что она не инертна и что ее организация не зависит исключительно от интеллектуальных форм, которые, в свою очередь, «энергетичны» и «трансдуктивны», то есть их появление связано с процессами изменения самой материи (Шавиро, С. Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / Пер. с англ. О. Мышкина. – Пермь: HylePress, 2018. – С. 73–74).

¹⁵ При этом приоритет рассмотрения катакомбных росписей как художественного явления несомненно принадлежит мальтийскому священнику Антонио Бозио. Однако результат его работы – созданный в начале XVIII века альбом гравюр (копий фресок, исполненных Бозио) «Roma sotterranea» – был скорее событием документирующим, нежели осмысляющим сам феномен.

¹⁶ Дворжак, М. История искусства как история духа. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. – С. 8–9.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 12.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

нечного неоформленного пространства¹⁹. Мы сегодня воспринимаем их как изображения, но были ли они таковыми тогда?

И здесь вновь становится уместным задать вопрос, насколько существенно в свете изобразительной бедности катакомбных изображений то, что они созданы именно римскими евреями, крайне зависимыми от иудейского Закона и от требования не уподобляться Богу в творении вообще и в творении человеческих фигур в частности²⁰. Современные исследователи, сталкивающиеся с разнообразными изображениями в иудейской древности и раннем христианстве, пытаются представить запрет на изображение не слишком строгим²¹. Но это, в сущности, взгляд из современного мира, где изображением является все, что изображено. Представляется, что запрет распространялся на иллюзионистский характер образа, на подмену природы ее представлением, материи – пластическими формами. То есть это именно запрет на языческое «подражание» (имитацию), на творение форм, замещающих нетварные энергии нетварной материи²².

Символы такими формами не являются. И к этому подводит уже анализ Дворжака. У него читаем: «Даже тогда, когда в живописи катакомб представляются исторические события и лица, они остаются символами, задача ко-

торых не исчерпывается объективным содержанием изображенного: они должны доводить до сознания зрителя таинства и истины новой веры»²³.

Таким образом, согласно Дворжаку, пространство превращается из физического и оптического в метафизическое²⁴, а «сверхчувственная связь вещей поставлена выше чувственного опыта»²⁵.

Согласимся с выдающимся историком искусства лишь в той части, где он выделяет символ как главную пластическую единицу катакомбных фресок, но не будем торопиться интерпретировать его, этот символ, в духе аллегории или указания на трансценденцию. Тем более что в той или иной форме этим путем следуют и более поздние интерпретаторы.

Дворжак вплотную подходит к идее эстетического противоречия между античной пластикой и христианской верой – верой униженных и рабов, – где отсутствует культ силы и где сила не расходуется даже на создание образа. Однако в ключевой момент он, пронизательно отмечая значение символа, толкует последний как культурную форму (вполне в духе Эрнста Кассирера).

Между тем его современник Уайтхед предлагает иное понимание символизма, использование которого наделяет эстетическое противоречие силой высказывания. Символизм Уайтхеда не надстроен над чувственной сферой (для того чтобы отразить область сверхчувственного, чтобы наделять саму культуру якобы нередуцируемой трансценденцией), а напротив, извлекаем из нее. Он накрепко связан с

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Подробнее см.: Тюрина, С.Н. Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи // Философская мысль. – 2025. – № 4. – С. 1–25.

²¹ См., например: Раевская, Н.Ю. Изображения в иудаизме и христианстве: возможность и действительность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12. – № 2. – С. 11–19.

²² О реализованной Лосевым возможности отождествления Бога, имени Бога и материально-чувственного континуума см.: Аронсон, О. Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева // Международный журнал исследований культуры. – 2021. – № 4 (45). – С. 6–20.

²³ Дворжак М. История искусства как история духа. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. – С. 24.

²⁴ Там же. С. 26.

²⁵ Там же. С. 27.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

восприятием даже тогда, когда (как в случае с языком алгебраических знаков) выглядит предельно абстрактным. Однако для Уайтхеда «абстракция» – эффект сведения символа к его референции, к сверхчувственному. Взамен он предлагает в самой чувственности, в опыте восприятия обнаружить зону символического.

Остановимся на следующем его рассуждении. Предварительно описав разнообразные виды символизма культурных форм, он дистанцируется от них:

Есть совершенно другой символизм, который более фундаментальный, чем описанные типы. Мы смотрим и видим цветовой образ перед нами и говорим, что это кресло. Но все, что мы видели, – лишь цветовой образ. Возможно, художник способен не переходить к понятию кресла. Он может остановиться на простой констатации прекрасного цвета и очаровательной формы. Но те из нас, кто не является художниками, очень даже склонны, особенно если мы устали, перейти прямо от восприятия цветового образа к обладанию креслом любым путем, чувственным или умственным. <...> Я очень скептичен в том, что для перехода от цветной формы к креслу требуется высокий уровень ментальности. Одна из причин моего скептицизма в том, что мой друг художник, которому надо заниматься констатацией цвета, формы и позиции, был очень тренированным человеком и развил в себе эту способность игнорирования кресла за счет больших трудов²⁶.

Ирония Уайтхеда не предполагает, что мы должны знать имя этого художника. Приостановку фигуративности в пользу цветового пятна мы обнаруживаем уже в XIX веке у Тёрнера, а полный отказ от формы – у Ротко.

Именно с живописью последнего удивительно коррелируют строки английского философа и математика: «Цветные образы, по-видимому, являются символами каких-то других элементов нашего опыта, и если мы видим цветные образы, то настраиваем наши действия в соответствии с этими элементами»²⁷.

А теперь соотнесем эти размышления Уайтхеда о «символической чувственности» с образами катакомб и с тем, что в этих образах тогда уже никак нельзя интерпретировать по линии изображения.

Речь идет исключительно о знаках, помечающих чувственное пространство символа. В частности, крест, знак рыбы, «добрый пастырь» становятся не отсылками к Христу, но «элементами опыта», который, в свою очередь, согласно Уайтхеду, должен быть связан с определенным типом действий. Предположительно коллективных и молитвенных. Фактически вопрос о том, являются ли катакомбные образы изображениями, получает следующий ответ: нет, это не изображения, а символы, отсылающие к практике религиозного чувства. Потому, например, «добрый пастырь» может иметь любой облик и никак не соответствовать сведениям о внешности Христа. Потому человек с поднятыми вверх руками – не изображенный человек, а молитвенный жест. То, что мы сегодня прочитываем как изображения и сопоставляем с изобразительными канонами того времени, оказывается ближе к буквам и даже математическим символам, читать которые мы разучились, поскольку утратили интенсивность религиозного чувства и безоговорочно доверились культуре, превратившей символический (и архаический) опыт веры в интеллектуальную философскую игрушку – трансценденцию.

²⁶ Уайтхед, А.Н. Символизм, его смысл и воздействие / Пер. с англ. С. Сычева. – Томск: Водолей, 1999. – С. 7.

²⁷ Там же. С. 8 (пер. уточнен).

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

P.S.

Подобно тому как в начале XVIII века кардинал Франческо Барберини покровительствовал Антонио Бозио в создании серии гравюр, повторявших образы катакомбных росписей, уже в конце XIX века Иван Цветаев для своего Музея изящных искусств заказывает копии росписей Федору Рейману. Художник двенадцать лет провел в подземельях Рима, подорвав свое здоровье и оставив после себя серию картонов, которая произвела по воспоминаниям колоссальное эстетическое впечатление на его итальянских и русских современников. Как объяснить, что то, что историками искусства воспринималось как эстетическое несовершенство и визуальная бедность, произвело такой эффект в виде картин? Возможно, это связано с уже зарождающимся авангардом и опытом новой живописи, но возможно также, что катакомбные росписи спустя века нашли наконец то «сообщество» (коллективное восприятие, публику), которое восприняло символический пласт, а не пласт художественный, сумев перевести религиозный опыт гонимых христиан в опыт угнетенных нового мира. В любом случае пройти мимо сопоставления фресок катакомб с картонами Реймана сегодня было бы ошибкой, поскольку именно эстетический зазор между ними может оказаться важным аналитическим инструментом, позволяющим вскрыть тот символический пласт, который не дает знания, а скорее указывает нам на абсолютную близость молитвенного ритуала и математического доказательства.

Список литературы

Аронсон, О. Ремиссия авангарда // Кинема. – 2024. – № 8/9. – С. 99–119.

Аронсон, О. Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 4 (45). – С. 6–20.

Дворжак, М. История искусства как история духа. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. – 332 с.

Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.

Ницше, Ф. Рождение трагедии / Сост., общ. ред., коммент. и вступ. ст. А. Россиуса. – М.: Ad Marginem, 2001. – 736 с.

Раевская, Н.Ю. Изображения в иудаизме и христианстве: возможность и действительность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. – Т. 12. – № 2. – С. 11–19.

Тюрина, С.Н. Между изображением и образом: Вторая заповедь в контексте катакомбной живописи // Философская мысль. – 2025. – № 4. – С. 1–25.

Уайтхед, А.Н. Символизм, его смысл и воздействие / Пер. с англ. С. Сычева. – Томск: Водолей, 1999. – 67 с.

Уайтхед, А.Н. Приключение идей / Пер. с англ. Л. Тумановой. – М.: ИФ РАН, 2009. – 383 с.

Фрикен фон А. Римские катакомбы и памятники раннего христианского искусства. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1872. – 189 с.

Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Раковой, А. Серебрянниковой; вступ. ст. А. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

Фуко, М. Ницше, Фрейд, Маркс // Альманах «Кентавр». – 1994. – № 2. – С. 48–56 (пер. Е. Никулина под ред. С. Табачниковой).

Шавиро, С. Вне критериев. Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / Пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: HylePress, 2018. – 210 с.

Duffy, S.B. Deleuze and the Mathematical Philosophy of Albert Lautman. In: Deleuze's Philosophical Lineage. Ed. by Graham Jones, Jon Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 426 p.

Libera, A. de. Archéologie du sujet I. Naissance du sujet. Paris: Vrin, 2007. – 448 p.

Олег Владимирович АРОНСОН, Светлана Николаевна ТЮРИНА

| Эстетическое противоречие. Символизм и чувственность в катакомбных росписях ранних христиан |

Marion, J.-L. De surcroît. Études sur les phénomènes saturés. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. – 208 p.

Petrovsky, H. The Avant-Garde as Continuous Experience (on the Proscription of Representing Utopia) // Russian Studies in Philosophy, Vol. 55, No. 3–4, 2017. – P. 252–264.

Oleg V. ARONSON, Svetlana N. TIURINA

| Aesthetic Contradiction: Symbolism and Sensuality in Early Christian Catacomb Paintings |

Oleg V. ARONSON

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation
Senior Research Fellow
PhD (in Philosophy)
ORCID: 0000-0001-6753-7724
E-mail: olegaronson@yandex.ru

Svetlana N. TIURINA

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0006-3503-6267
E-mail: svetlanatyur@bk.ru

AESTHETIC CONTRADICTION: SYMBOLISM AND SENSUALITY IN EARLY CHRISTIAN CATACOMB PAINTINGS

Based on the research into frescoes in the Roman catacombs of early Christianity, the article attempts to substantiate the category of aesthetic contradiction. Noting that for a long time these underground paintings did not attract the attention of either art historians (due to their aesthetic poverty) or religious scholars (due to their “naivety” with regard to future icon painting), the authors point to methods already established in the humanities for dealing with such historical “omissions,” referring to Friedrich Nietzsche's genealogical method and Michel Foucault's “archaeology of knowledge.” The article proposes to extend the shift that Nietzsche made with regard to values and Foucault with regard to historical knowledge to the realm of sensibility. This is precisely what the introduction of the category of “aesthetic contradiction” is connected with. Working with this category implies a focus not on the continuity and completeness of aesthetic experience (which is the starting point for concepts that ignore the centuries-long oblivion of certain aesthetic phenomena and include them in art history retroactively). The authors' strategy instead is to use aesthetic contradiction to point to the

loss of certain zones of sensibility, in particular religious sensibility, which is expressed in the special symbolism of catacomb drawings. Their pictorial poverty unveils a gap between image and representation and raises a series of questions: are they images? How do such drawings relate to the religious prohibition against images? Max Dvorak's reference to the peculiar symbols of catacomb art and Alfred North Whitehead's theory of symbolism help to answer these questions. For the latter, symbolism is not a cultural form, but has an irreducible sensuous dimension that refers to direct experience rather than to the culture of representation. In the case of the Roman catacombs, we can speak of the “symbolic sensibility” of collective prayer, which was effectively lost, gradually turning into the worship of icons, a subjectivist attitude toward images, and the consumption of cultural forms.

Keywords: aesthetic contradiction, Roman catacombs, early Christian art, symbol, symbolism, sensibility, Max Dvorak, Alfred North Whitehead.

References

Aronson O. (2024) Remissiya avangarda [Avant-garde Remission] *Kinema*. No. 8/9. 99–119. (in Russian)

Aronson O. (2021) Estetika kak intentio prima. O religioznom materializme Alekseya Fedorovicha Loseva [Aesthetics as intentio prima. On the Religious Materialism of Alexei Fyodorovich Losev] *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. No. 4 (45). (in Russian)

Oleg V. ARONSON, Svetlana N. TIURINA

| Aesthetic Contradiction: Symbolism and Sensuality in Early Christian Catacomb Paintings |

Dvořák M. (2001) *Istoriya iskusstva kak istoriya duha*. [History of Art as the History of Spirit.] SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt». (in Russian)

Duffy S.B. (2009) Deleuze and the Mathematical Philosophy of Albert Lautman. In: *Deleuze's Philosophical Lineage*. Ed. by Graham Jones, Jon Roffe. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Foucault M. (2004) *Arheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge] / Per. s fr. M. Rakovoj, A. Serebryannikovo; vstup. st. A. Kolesnikova. SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga. (in Russian)

Foucault M. (1994) Nietzsche, Freud, Marx *Al'manah «Kentavr»*. № 2. (per. E. Nikulina pod red. S. Tabachnikovo). 48–56. (in Russian)

Friken fon A. (1872). *Rimskie katakomby i pamyatniki rannego hristianskogo iskusstva*. [Roman Catacombs and Monuments of Early Christian Art.] M.: Izdanie K.T. Soldatenkova. (in Russian)

Libera A. de. (2007). *Archéologie du sujet I. Naissance du sujet*. Paris: Vrin.

Losev A.F. (1989). *Istoriya antichnoj filosofii v kon-spektivnom izlozhenii*. [The History of Antique Philosophy in the Abstract] M.: Mysl'. (in Russian)

Marion J.-L. (2001). *De surcroît. Études sur les phénomènes saturés*. Paris: Presses Universitaires de France.

Nietzsche F. (2001). *Rozhdenie tragedii* [The Birth of Tragedy] / Sost., obshch. ped., komment. i vstup. ct. A. Rossiya. M.: Ad Marginem. (in Russian)

Petrovsky H. (2017). The Avant-Garde as Continuous Experience (on the Proscription of Representing Utopia) *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 55, No. 3–4. 252–264.

Raevskaya N.Yu. (2011). Izobrazheniya v iudaizme i hristianstve: vozmozhnost' i dejstvitel'nost' [Images in Judaism and Christianity: possibility and reality] *Vestnik Russkoj hristianskoj humanitarnoj akademii*. T. 12. No. 2. 11–19. (in Russian)

Shaviri S. (2018). *Vne kriteriev. Kant, Whitehead, Deleuze i estetika* [Beyond Criteria. Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics] Per. s angl. O. Myshkina. Perm': HylePress. (in Russian)

Tyurina S.N. (2025). Mezhdru izobrazheniem i obrazom: Vtoraya zapoved' v kontekste katakombnoj zhivopisi [Between image and image: The Second Commandment in the Context of Catacomb Painting] *Filosofskaya mys-l'*. No. 4. 1–25. (In Russian)

Whitehead A.N. (1999). *Simvolizm, ego smysl i vozdejstvie* [Symbolism, Its Meaning and Effect] Per. s angl. S. Sycheva. Tomsk: Vodolej. (in Russian)

Whitehead A.N. (2009). *Priklyuchenie idej* [Adventures of Ideas] / Per. s angl. L. Tumanovoj. M.: IF RAN. (in Russian).

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

Dimitri L. SPIVAK

D.S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage
2, Kosmonavtov ul., Moscow, 129366 Russian Federation
Chair, UNESCO Chair on Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue,
Head, Center for Fundamental Studies in Sphere of Culture
Ph.D., Doctor of Science (Philology, Psychology)
ORCID: 0000-0001-7276-5182
E-mail: d.spivak@mail.ru

Gulchokhra N. SEIDOVA

Derbent Affiliation, Daghestan State University
11, ul. G. Alieva, Derbent, Republic of Daghestan, 368600 Russian Federation,
Associate Professor
Museum of History of World Cultures and Religions
30A, ul. Tagi-zade, Derbent, Republic of Daghestan, 368602 Russian Federation,
Senior Research Fellow
Derbent State Historical Architectural and Archaeological Museum-Reserve
7, ul. Rzaeva, Derbent, Republic of Daghestan, 368600 Russian Federation,
Research Fellow
Chair, Northern Caucasus Affiliation of the UNESCO Chair
on Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue
PhD (in Philosophy), Associate Professor
ORCID: 0000-0003-2382-7564
E-mail: gseidova@yandex

120

COMPARATIVE MASS STUDY OF RELIGIOUS ORIENTATIONS OF PRESENT-DAY RUSSIAN CITIZENS. PAPER 4: JUDAISTS

Group of 101 adherents of Judaism, men and women of different age, mostly dwelling in Daghestan, were interviewed by means of three standard questionnaires, two of which were constructed by Russian psychologists of religion, and one was a Russian version of the famous American Allport-Ross inventory of extrinsic / extrinsic religiosity. The study was implemented as part of a larger project of systematic research of problems and prospects of world religions in present-day world, conducted in the course of the latest decade by UNESCO Chair on Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue, under the auspices of International Network of UNITWIN / UNESCO Chairs in Interreligious Dialogue and Intercultural Understanding. As a result of the research, high level of religiosity of Judaists was demonstrated, as well as its essentially harmonious structure. As shown by detailed analysis of religious attitudes of different age / sex groups, existence of di-

vide between young men and aged men formed the main peculiarity of attitudes of this ethnoreligious group: young men tended to be much less enthusiastic about practicing personal prayer, reading sacred books, performing religious rites, and paying regular visits to synagogue, than the aged ones. The latter were also much more intrinsically oriented than the young ones, and less susceptible to present-day non-traditional spirituality (women, both young and aged, tended to occupy intermediate positions between religiosity of these polar groups). These regularities seem to be quite constructive for the purposes of upgrading interreligious dialogue in the framework of both state cultural policies, and UNESCO strategy.

Keywords: religious attitudes, religious psychology, Judaism, age / sex differences, mass studies, interreligious dialogue, UNESCO strategy.

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| **Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.****Paper 4: Judaists |****Introduction**

This paper continues publication of basic results of a mass survey of religious attitudes of citizens of the present-day Russia. The survey has been implemented since 2021, as part of the scientific activities of our UNESCO Chair on Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue, which functions at the basis of D.S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, and works under the auspices of the International Network of UNITWIN / UNESCO Chairs in Inter-religious Dialogue and Intercultural Understanding.

Republic of Daghestan, which forms an integral part of the Russian Federation, has served as the focal point of our study. It is a mountainous region lying between the slopes of the Caucasian ridge and the Caspian sea, which is inhabited by people who speak not less than a couple of dozens of languages and belong to several world religions. As a result, interfaith dialogue, as well as the intercultural one, is high on the agenda of both local society and regional authorities. Strategies of conducting these types of dialogue, as well as concepts summarizing their peculiarities, which have been elaborated in the framework of UNESCO, seem to be most actual and constructive for being upgraded and promoted.

Our survey was initially conducted as series of standardized interviews, of about a hundred local Sunni Muslims, which form the majority of the population of the contemporary Daghestan. Following strictly the same pattern, Shiite Muslims were next studied, as well as adherents of the Russian Orthodox church (i.e. Christians), about a hundred persons in each case. Basic results acquired as a result of conducting these parts of our survey, were presented by us to the international scientific audience in the form of both reports and

papers, and were most positively welcomed by it¹. The next stage of our survey consisted in studying religious attitudes of dwellers of Daghestan who practice Judaism. Presentation of basic results of this study forms the objective of this paper.

Mountain Jews

The population, representatives of which were interviewed by us, consisted of Mountain Jews. This is an ethnoreligious group, living since times immemorial in the North and the North-East of the Caucasian mountains. Daghestan, especially the city of Derbent, has always been regarded as the focal point of this people. Hence our decision to concentrate on the population of Derbent was absolutely reasonable. A small number of Mountain Jews, linked to Derbent by family and societal ties, now dwelling in the nearby cities of Makhachkala, Piatigorsk, and Volgograd, were also included into our study.

History of the Jewish people in the Northern Caucasian region is long and partly unclear. As stated by historians specializing in this topic, Jewish people came to these places since the 6th century A.D., in a number of waves of migration, mostly from the South, i.e. from the Persian side². As a

¹ Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2022). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 1: Shiites*. International Journal of Cultural Research, 3(48), 150–166. DOI: 10.52173/2079-1100-2022-3-150; Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2023). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 2: Sunni Muslims* // International Journal of Cultural Research, 2(51), p.115–127. DOI: 10.52173/2079-1100-2023_2_115; Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2024). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 3: Russian Orthodox Christians*. International Journal of Cultural Research, 1(54), 128–140. DOI: 10.52173/2079-1100-2024_1_128.

² *Istoriia i kul'tura gorskikh evreev* (History and culture of Mountain Jews) (2018). Ed. Nazarova, E.M., Semenov I.G. Vsemirnyi Kongress Gorskikh Evreev. ISBN: 978-7164-0767-1 (in Russian).

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

result, vernacular tongue of the Mountain Jews, called Juhuri, forms an integral part of the Iranian language group (or, speaking in strictly linguistic terms, is a 'Jewish version of the Western Iranian Tati language')³.

The number of Mountain Jews dwelling in Daghestan is currently assessed at the level of approximately 2,000 people. More Mountain Jews live currently in the nearby North Caucasian 'Zone of Mineralnyie Vody', comprising the cities of Pitagorsk, Essentuki, Mineralnyie Vody; and in the neighboring Republic of Azerbaijan (ranging there, by various sources, from 10,000 to 20,000 persons). Assessments of total number of Mountain Jews in the world range from 60,000 to 150,000 people⁴.

Mountain Jews practice Sephardic version of Orthodox Judaism. Religion tends to play an important role in their lives. As shown by specialists in social psychology, religion holds the first place in the set of key factors of their ethnic integration, and the second place in the set of key factors of their ethnic differentiation (giving way in the latter case only to national tongue)⁵.

³ Chlenov, M.A. (2000). *Mezhdru Stsilloi deiudaizatsii i Kharibdoi sionizma: gorskie evrei v XX veke* (Between Scylla of dejudaisation and Charybdis of Zionism: Mountain Jews in the 20th century). *Diaspory: Nezavisimyi nauchnyi zhurnal*. 3, p.176 (in Russian).

⁴ Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. (2007). *Mnozhestvennyie identichnosti: mezhdru teorii i politikoi (primer Dagestana)* (Multiple identities: between theory and politics (example of Daghestan). 5, 109-111 (in Russian); cf. Semenov, I.G. (2003). *Gorskie evrei Kavkaza: nekotoryie aspekty etnicheskoi identifikatsii* (Mountain Jews of Caucasus: some aspects of ethnic identification). *Tsentr'al'naia Aziia i Kavkaz: Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovaniy*. 3, 191-200 (in Russian); *Vsemirnyi kongress gorskikh evreev: Gorskie evrei* (World Congress of Mountain Jews: Mountain Jews). URL: [Горские евреи — Всемирный Конгресс Горских Евреев](#) (accessed 15.07.2025).

⁵ Ratanova, T.A., Shogenov, A.A. (2001). *Psikhologicheskoe osobennosti etnicheskogo samosoznaniia gorskikh evreev i*

Kele-Numaz Synagogue forms the focal point of religious life of Mountain Jews in Daghestan⁶. This is why our data, acquired primarily by means of interviewing members of the religious congregation of Kele-Numaz, were particularly reliable.

Methods

The group studied by us comprised 101 practitioners of Judaism currently dwelling in the Republic of Daghestan. 26 persons of them were young males, 24 young females, 25 were aged males, and 26 were aged female persons. Average age of the aforementioned respondents was correspondingly 22,85 years (level of standard deviation: 5,64); 27,63 (5,85); 66,24 (9.11); and 64,69 (6,98). Participation of all of these respondents was voluntary. However all of them knew that it was conducted under the auspices of their spiritual leaders, and often were encouraged by them to do so,

Each respondent was interviewed once, in oral or, most often, in written form. All interviews were conducted in Russian, which was, most often, the first language of our respondents or, less frequently, the second one. Each interview consisted in filling in three standard questionnaires, two of which were elaborated in the framework of Russian religious psychology⁷. The third one was a Russian

osetin (na materiale diaspor Kabardino-Balkarii (Psychological peculiarities of ethnic self-identification of Mountain Jews and Ossetins (at the example of diasporas in Kabardino-Balkaria). *Psikhologicheskii zhurnal*, 22 (3), p.47 (in Russian).

⁶ *Sinagoga Kele-Numaz: Tsentr religioznoi zhizni evreev Derbenta* (Kele-Numaz Synagogue: Center of religious life of Jewish people in Derbent). URL: [Синагога Келе-Нумаз. Дербент](#) (accessed 15.07.2025).

⁷ Miagkov, I.F., Shcherbatykh, Iu.V., Kravtsova, M.S. (1996). *Psikhologicheskii analiz urovnia individualnoi religioznosti* (Psychological analysis of individual religiosity level).

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| **Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.**

Paper 4: Judaists |

version of the famous American Allport-Ross inventory, which is most popular in present-day studies of religious orientations⁸. The Russian version was most rigorously adapted by experts in psychological testing working in this country. Detailed description of these three questionnaires was already presented by us earlier (see our papers cited in reference 1). This would allow us to only briefly remind of their peculiarities in the text of this paper. As a result of the application of the three questionnaires cited above, 17 indices were acquired, which were later processed by application of standard statistical methods (i.e. Statistica 10 program).

At the initial stage of analysis, Kolmogorov-Smirnov criterion was applied to make sure whether the data were distributed normally or not. As the distribution proved to be normal, parametric statistical methods were applied for further processing. One-dimensional analysis of variance was chosen to serve as the basic tool to conduct it.

Results

A questionnaire constructed by a team of Russian researchers under the guidance of I. Miagkov was the first one to be applied in our survey. The questionnaire, comprising 41 item, was entitled 'Psychological analysis of individual religiosity level', as its main objective consisted in getting

exact assessment of the nine facets of the latter, encoded as Indices 1 to 9.

Index 1, providing assessment of the respondent's religion as 'a philosophical concept', proved to be rather high by its absolute value, i.e. ranging from 11,36 to 11,58 by its absolute mean value for different age / sex groups (for all Indices from 1 to 8, the minimal level was 0, the maximal one was 15). No statistically relevant difference between the four age / sex groups studied by us was detected (the level of statistical relevance applied for all Indices in the present paper was 0,05).

Index 2 provided an assessment of the respondent's 'attitude to magic'. Judging by absolute values, interest in phenomena of this kind was quite low by all of our respondents. In fact, Index 2 varied from 7,84 by aged men to 10.35 by young men (level of standard deviation was correspondingly equal to 2.29, and to 2,06), which meant that young men felt more positive to magic, than aged men. The difference between these two age / sex groups was absolutely statistically relevant.

Index 3 measured the psychological inclination of a respondent 'to seek support and consolation in [his / her] religion'. Its absolute values ranged from 11,78 by aged men to 12.54 by young men. No specific difference between age / sex groups was found in this case.

Index 4 provided an assessment of one's will to demonstrate his / her adherence to Judaism in the course of everyday contacts with other people (not necessarily being Judaists). Absolute mean values of the Index ranged from 10.23 by aged women to 11,08 by young men. No relevant difference between different age / sex groups was detected.

Index 5 provided a measurement of one's attitude towards 'pseudoscience', e.g. remote ('telepathic') contact. Mean absolute of this Index

Psikhologicheskii Zhurnal, 1996, 17:6, 120–122 (in Russian); Bogdanovskaia, I.M. (2015). *Anketa religioznykh orientatsii* (Questionnaire of religious orientations). In: Chumakova, D.N. (2015). *Psikhologiya religioznosti lichnosti* (Psychology of personal religiosity). Kurganskii Gosudarstvennyi Universitet, 79–81 (in Russian).

⁸ Olport, G., Ross, J. (2005). *Shkala religioznoi orientatsii* (Scale of religious orientation). In: Posokhova, S.T. (2005). *Spravochnik prakticheskogo psikhologa. Psikhodiagnostika*. AST/Sova, 469–476 (in Russian). ISBN 5-17-0311163-X. Allport, G.W., Ross, J.M. (1967). *Personal religious orientation and prejudice*. Journal of Personality and Social Psychology, 5:4, 432–443. DOI:10.1037/H0021212.

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

tended to be quite low, i.e. 8,73 for the group as a whole (standard deviation level: 1.98). Maximal values were proper for young people (young men: 9.19, young women: 9.21), minimal ones – for aged men (8,04) (standard deviation was correspondingly 1,90; 1,64; 2,42). Difference between young men and aged men proved to be statistically relevant, the same was true for young women and aged people. As a result, another case of age / sex difference was detected.

Index 6 ('trust in the Creator, and acknowledgement of existence of a Supreme force which created the world') ranged from 11,20 by aged men to 12.31 by young men, which was rather high. This difference was absolutely statistically relevant. As a result, a third case of age / sex peculiarities was found (for details cf. Figure 1).

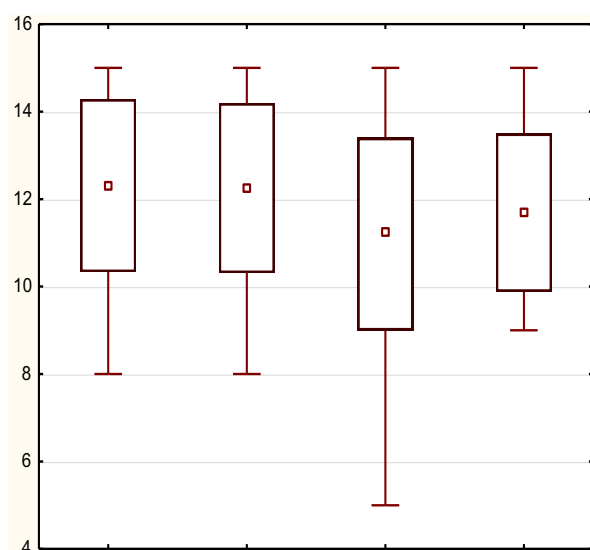

Figure 1. Trust in the Creator by Judaists in Daghestan

Commentary: horizontal axis: groups of respondents (from left to right: young men, young women, aged men, aged women). Vertical axis: values of Index 6. Point at the centre of each boxplot: mean value for the corresponding subgroup.

Index 7 was applied to assess such religious attitude as 'internal demand for religious faith'. This definition comprised such items as 'Do you feel inner need to visit a temple or place of religious meetings?' Its mean value varied from 11,42 for young men to 12.00 for young women. No statistically relevant difference between age / sex groups was found in this case.

Index 8 measured 'attitude to [the respondent's] religion as to a set of moral norms of behaviour'. Mean values of Index 8 ranged between the minimal level of 9.54 for young women, and the maximal one by 10,73 by young men. No difference between different groups was found here.

Index 9 provided self-assessment of one's level of religiosity: 1 was defined as the minimal level, 10 as the maximal one. Mean values of the Index ranged from 7,21 by young men to 8,33 by young women (standard deviation levels were 2,17 and 1,89, correspondingly). No statistically relevant difference between different age / sex groups was registered in this case.

The second questionnaire applied in our research was constructed by I. Bogdanovskaia. The questionnaire comprised 10 items, only a half out of which number were measured in a quantitative way. These five Indices were included into our survey, numbered from 10 to 14. Information provided by them served as supplementary in our analysis, as the questionnaire as a whole was not included into it. Value of each one of the aforementioned Indices ranged from 1 to 4, which marked, correspondingly, the maximal and the minimal level (which meant that they were inverted).

Index 10 provided assessment of frequency of observing religious rites by the respondent. It was maximal for aged men (1,40), and minimal for young men (1,81) (standard deviation was correspondingly 0,58, and 0,85). The difference between

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

these two groups was statistically relevant, which meant that young men tended to practice religious rites much less frequently than the aged ones. Women, both young and old, held an intermediate position between them.

Index 11: frequency of observing religious feasts. Absolute mean value for the group as a whole was equal to 1,74 (standard deviation: 0,83), which meant that the frequency was in fact rather high. No age / sex differences were detected.

Index 12 (frequency of visiting synagogue) proved to be rather high by aged men (1,44), and much lower by younger people, both male (2,12) and female (2,25) (corresponding levels standard deviation were 0,71; 0,95, and 0,74). Difference between aged men and young men proved to be statistically relevant. The same was true for aged men compared to young women.

Index 13 (frequency of reading sacred books) was quite high for aged people (1,92), especially compared to young men (2,46), and young women (2,58) (standard deviation: 1,00; 0,95; 0,83). Difference between aged people, and young people of any sex was absolutely statistically relevant.

Index 14 was dedicated to frequency of praying. A definite difference was found here between young men and the rest of the group. It consisted in the fact that, judging by self-assessment, the former tended to pray much less frequently than the latter. Values of Index 14 ranged from 2,00 for young men to 1,42 for young women, 1,52 for aged men, and 1.65 for aged women (standard deviation: 0.94; 0.65; 0,92; 0.80, correspondingly).

The third questionnaire applied in our research was initially constructed by the American psychologists G. Allport and J. Ross. It comprised 20 questions, each of which could be answered in one of four different ways. Basing on data obtained

in this way, three basic indices of religious attitudes were calculated. A standard Russian version of this inventory was applied in our research.

Index 15 presented an assessment of the level of extrinsic (outward) religiosity of our respondents. The Index ranged from 11 to 44, which meant that the majority of our respondents ranged quite low on the scale of extrinsic orientations, as they belonged to the lower part of the corresponding span (Table 1). The only difference which was statistically relevant existed between young men and young women. As shown by Table 1, the former ones tended to be much more extrinsically oriented than the latter.

Age / sex group	Mean value	Standard deviation	Number of persons
Young men	26,89	4,65	26
Young women	23,79	5,08	24
Aged men	24,24	6,32	25
Aged women	25,69	4,76	26
Whole group	25,19	5,30	101

Table 1. Level of extrinsic religiosity of Judaists in Daghestan

Index 16 was applied to provide an assessment of intrinsic (inward) religiosity of the respondents. The Index ranged from 8 to 32, and it was inverted, which meant that the lower was its value, the higher was the intrinsic attitude of the respondent. As shown by absolute mean values, practically all of our age / sex groups belonged to the central part of the range, which meant that none of them was extremely inwardly oriented (Table 2). As proven by multiple comparisons, the only difference between age / sex groups which was statistically relevant, existed between young women and

PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

Age / sex group	Mean value	Standard deviation	Number of persons
Young men	21,92	4,37	26
Young women	23,00	4,76	24
Aged men	19,68	6,64	25
Aged women	21,69	4,05	26
Whole group	21,56	5,11	101

Table 2. Level of intrinsic religiosity of Judaists in Daghestan

aged men: the former ones tended to be much less inwardly oriented than the latter.

Index 17 provided an integral assessment of the level of extrinsic / intrinsic religiosity of our respondents. Values of the Index ranged from 20 to 80. Basing upon data obtained in our research we may state that both aspects of religiosity were balanced quite well by the majority of our respondents. As shown by Table 3, the corresponding mean values for all age / sex groups belonged to the central part of the corresponding range (Table 3, for illustration, see Figure 2).

Age / sex group	Mean value	Standard deviation	Number of persons
Young men	48,81	6,60	26
Young women	46,79	6,04	24
Aged men	43,92	6,62	25
Aged women	47,39	5,35	26
Whole group	46,75	6,34	101

Table 3. Integral index of extrinsic / intrinsic religiosity of Judaists in Daghestan

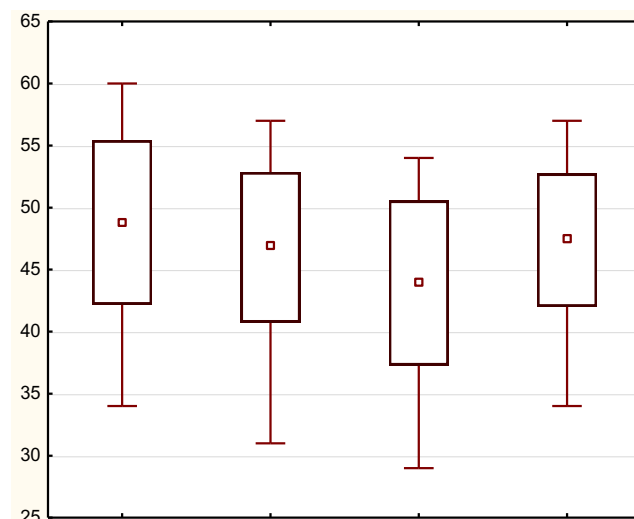

Figure 2. Mean levels of integral (extrinsic / intrinsic) religiosity of Judaists in Daghestan

Commentary: horizontal axis: groups of respondents (from left to right: young men, young women, aged men, aged women). Vertical axis: values of Index 6. Point at the centre of each boxplot: mean value for the corresponding subgroup.

As shown by aposterior analysis, difference between young men and aged men tended to be statistically relevant. The former ones were much more extrinsically oriented than the latter ones. The same was true when aged women were compared to aged men (for details cf. Table 4).

PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

Group of respondents (1)	Group of respondents (2)	Difference of mean values (between groups 1 and 2)	Standard error	p-value
YM	YW	2,02	1,75	0,25
	AM	4,89	1,73	0,01*
	AW	1,42	1,71	0,41
YW	YM	-2,02	1,75	0,25
	AM	2,87	1,76	0,11
	AW	0,59	1,75	0,74
AM	YM	-4,89	1,73	0,01*
	YW	-2,87	1,76	0,11
	AW	-3,47	1,73	0,05*
AW	YM	-1,42	1,71	0,41
	YW	0,59	1,75	0,74
	AM	3,47	1,73	0,05*

Table 4. Multiple comparisons of mean integral index of extrinsic / intrinsic religiosity of Judaists in Daghestan

Commentary: YM – young men, YW – young women, AM – aged men, AW – aged women. Statistically relevant difference ($p \leq 0,05$) is marked by an asterisk (*).

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

Discussion

Regarding results of the application of the first questionnaire, elaborated by I. Miagkov and his team, we have to primarily state that traces of age / sex differences were in fact quite few. They were present in the case of three indices, two of which had very low values. They were: Index 2 (interest in magic), Index 5 (interest in pseudo-sciences), and Index 6 (creationism). The integral level of Index 2 would have been extremely low, if not for the input of young men, which was especially demonstrative, compared to the level of aged men. Index 5 belonged to absolutely the same pattern. This meant that young people, especially males, were much more susceptible to the non-traditional / New Age spirituality than the older ones.

The level of Index 6 was quite low, too (11,86), which might seem somewhat surprising, as our respondents were adherents of a classical creationist religion. The corresponding value of Index 6 for Sunni Muslims interviewed by us was 13,83; 13,53 for Shiite Muslims, and 12,79 for Russian Orthodox Christians, dwelling in Derbent and its environs. However taking into account the corresponding values of standard deviation (2,01 for Judaists; 1,76 for Sunni Muslims; 1,31 for Shiite Muslims, and 1,73 for Christians) we have to state that all of them practically coincided. This conclusion corroborated our earlier observation that basic religious attitudes of the adherents of all four religions observed by us practically coincided, most possibly due to the existence of substrate of Soviet and post-Soviet spirituality, which was common to all of them.

In other six cases (Indices 1, 3, 4, 7, 8, 9), values of indices did not depend on the age / sex factor in a statistically reliable way. As a result we

feel authorized to conclude that the group as a whole was spiritually consolidated quite well. Values of all of the six indices were rather high, as they belonged to the upper part of the corresponding ranges. These mean values corresponded quite well to the similar assessments acquired for other ethnoreligious groups. Index 9 ('self-assessment of one's level of religiosity') by Judaists (7,74) looked somewhat lower than values acquired for other religions (Sunni: 9,39; Shiite: 9,61; Christian: 8,89). However taking into account the values of standard deviation (correspondingly, 2,22; 1,41; 1,09; 1,72), we may regard this difference as either revealing a rather feeble trend or, negligible.

The second questionnaire applied by us was constructed by I. Bogdanovskaia. All of the five indices comprised by it (Indices 10 to 14) testified to rather moderate degree of involvement of our respondents into the traditional practices prescribed by their religion. In the majority of cases (four indices out of five), this moderate level was attained thanks to young people, especially male, who were rather reluctant to: practice personal prayer (Index 14), read sacred books (Index 13), perform religious rites (Index 10), and pay regular visits to synagogue (Index 12). In all of these cases, their ratings were opposed to those of aged people, especially male, who were willing and able to follow traditional patterns of religious life.

The third questionnaire included into our research was the famous Allport-Ross inventory, often applied in studies of religious psychology. Judging by the level of integral mean Index 17, extrinsic and intrinsic components of religiosity of our respondents tended to be balanced quite well. Compared to other ethnoreligious groups, the value of this index (46,75) was shifted considerably towards the extrinsic edge of the scale (its value was 40,50 by Sunni Muslims; 40,67 by Shiite ones, and

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

40,93 by Orthodox Christians). However taking into account the range of standard deviation (correspondingly, 6,34; 8,74; 5,96; 8,88), we feel authorized to perceive this assessment as either a trace of a rather feeble trend or, to regard it as negligible. Formal elaboration of cross-religious correlations of this kind forms subject of a special paper.

Age / sex difference seems to affect the level of Index 17 quite strongly. As shown by our data, young men tended to be much more extrinsically oriented than aged men. Women of any age tended to occupy an intermediate position between these two opposing groups.

Our results of this kind were corroborated by data of a study of some religious attitudes of Mountain Jews, conducted independently by a team of social psychologists from Daghestan. Starting their inquiry, they supposed that men would reveal lower level of religiosity than women. Having processed their data, the researchers came to conclusion that the opposite was in fact true: men turned out to be more religious. Continuing their research, they decided to measure how strongly religious beliefs influenced everyday life of their respondents. The main conclusion was that influence of this kind tended to be much higher by young people (aged 20 to 30 years), than by the aged ones (aged 60 years and more)⁹.

Returning to our analysis, linear correlation between all 17 indices by all four age / sex groups was calculated. Cases of statistically reliable correlation between the nine indices (from Index 1 to Index 9), comprised by the Miagkov inventory, were quite few. Table 5 presents a typical example of this regularity. As shown by data from Table 5 (line 2), Index 7 ('internal demand for religious faith') revealed practically no correlation with other eight indices comprised by the Miagkov inventory, although in some cases it would have been quite plausible. For instance, judging by face value, Index 3 ('intention to seek support and consolation in one's religion') measured an attitude which was quite similar to that assessed by Index 7.

Correlation between indices which belonged to different inventories also tended to be poor. Cases like strong correlation between Index 7 ('internal demand for religious faith') and Index 17 (integral index of extrinsic / intrinsic religiosity) or, between Index 11 ('frequency of observing religious feasts') and Index 17 were not frequent at all (for exact values see Table 5, line 4). As a result we feel authorized to state that the two main inventories applied by us (namely the Allport-Ross inventory, and the Miagkov one), tended to measure dimensions of religiosity which were either related by links which were not linear / simple or, which were independent from each other.

129

⁹ Shakhbanova, M.M., Lysenko, Iu.M. (2019). *Religiozniy faktor v zhiznennykh ustanovkakh gorskikh evreev* (Religious factor in life attitudes of Mountain Jews). Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski, 4, p.257. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-255-261 (in Russian).

PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

In- dex / In- dex	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
7	0,48	0,1 7	0,2 3	0,5 1	- 0,0 4	0,3 8	1	0,4 0	0,2 1	- 0,3 6	-0,46	- 0,1 7	- 0,4 2	- 0,3 8	-0,39	-0,50	- 0,61 *
P7	0,01	0,4 2	0,2 6	0,0 1	0,8 5	0,0 6		0,0 5	0,3 4	0,0 7	0,02	0,4 0	0,0 3	0,0 6	0,05	0,01	0,00
17	- 0,56 *	- 0,0 6	- 0,2 8	- 0,3 9	0,2 5	0,2 7	- 0,61 *	- 0,1 5	- 0,1 8	0,0 5	0,57 *	0,3 0	0,4 3	0,2 9	0,75* *	0,71 *	1
P17	0,00	0,7 7	0,2 0	0,0 5	0,2 3	0,1 8	0,00	0,4 7	0,4 2	0,8 1	0,00	0,1 3	0,0 3	0,1 5	0,00	0,00	

Table 5. Linear correlation between various indices of religious attitudes by young male Judaists

Commentary: line 1 – all indices applied in our research, from Index 1 to Index 17; line 2 – Pearson's correlation coefficient of Index 7 with all indices (from Index 1 to Index 17) by young male Judaists; line 3 (P7) – two-sided p-value for Index 7; line 4 - Pearson's correlation coefficient of Index 17 with all indices (from Index 1 to Index 17) by young male Judaists; line 5 (P17) – two-sided p-value for Index 17. Pearson's correlation coefficient values higher than 0,55 are marked by an asterisk *.

Conclusions

1. Basing on the results of a mass study of religious attitudes of 101 Judaists dwelling in the Republic of Dagestan, which forms part of the Russian Federation, we feel authorized to state that all of them demonstrated a rather high level of religiosity, regardless of age or sex. Mean absolute values of 17 indices calculated by us were quite similar and, in some cases, coinciding with corresponding indices demonstrated by members of other ethnoreligious communities observed by us, following strictly the same patterns of interviewing and data processing (i.e. Sunni Muslims, Shiite Muslims, and Russian Orthodox Christians). This

similarity testifies to the existence of a rather high level of inner spiritual consolidation of the Daghestani society, which may be due both to the religious policies of present-day state authorities, and to the remnants of Soviet and early post-Soviet spirituality;

2. The major age / sex difference detected by us divided young people, especially male, and aged persons, especially male, too. Judging by the Miagkov questionnaire, young men tended to be much more affected by non-traditional / New Age spirituality, than the aged ones, which was especially demonstrative taking into account their relation to magic, to pseudo-science, and to the doctrine of creation;

3. Young males tended to be much less active in following traditional patterns of religious life than the aged ones. Judging by the Bogdanovskaia questionnaire, they felt less enthusiastic about practicing personal prayer, reading sacred books, performing religious rites, and paying regular visits to synagogue;

4. Extrinsic religious attitudes of our respondents as a whole seemed to be balanced quite well with their intrinsic attitudes. As a result, religiosity of our Judaist respondents can be re-

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

garded as being definitely harmonious. Judging by the famous Allport-Ross scale, some age / sex differences are present here, as well: aged men tend to be generally much more intrinsically oriented than young men (women of any age occupy here an intermediate position);

5. Inner tensions, proper for the religious community of Judaists in Daghestan, seem to be concentrated around the main divide, opposing young men and the aged ones. This trend seems to be religion-specific: for instance, the main divide in the group of Orthodox Christians, demonstrated by us earlier, concerned opposition of women of any age, and men, also of any age. Systematic cross-religious study of structural patterns of this kind forms subject of special research.

Acknowledgements

The authors are grateful to Mr. R. S. Ilishaev, Community Chairman, Kele-Numaz Synagogue, and to Mr. B.A. Khanukaev, Deputy Director of Republican Multiprofile Lyceum - Boarding School for Gifted Children, both dwelling in the city of Derbent, Republic of Daghestan, Russian Federation, for their invaluable help in the organization of this research.

References

- Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2022). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 1: Shiites*. International Journal of Cultural Research, 3(48), 150–166. DOI: 10.52173/2079-1100-2022-3-150.
- Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2023). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 2: Sunni Muslims* // International Journal of Cultural Research, 2(51), 115–127. DOI: 10.52173/2079 1100_2023_2_115.
- Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2024). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Rus-*

sian citizens. Paper 3: Russian Orthodox Christians. International Journal of Cultural Research, 1(54), 128–140. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_1_128.

Istoriia i kul'tura gorskikh evreev (History and culture of Mountain Jews) (2018). Ed. Nazarova, E.M., Semenov I.G. Vsemirnyi Kongress Gorskikh Evreev. ISBN: 978-7164-0767-1 (in Russian).

Chlenov, M.A. (2000). *Mezhdru Stsilloi deiudaizatsii i Kharibdoi sionizma: gorskie evrei v XX veke* (Between Scylla of dejudaisation and Charybdis of Zionism: Mountain Jews in the 20th century). Diaspory: Nezavisimyi nauchnyi zhurnal. 3, 174–197 (in Russian).

Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. (2007). *Mnozhestvennyie identichnosti: mezhdru teoriei i politikoi (primer Dagestana)* (Multiple identities: between theory and politics (example of Daghestan). 5, 96–115 (in Russian).

Semenov, I.G. (2003). *Gorskie evrei Kavkaza: nekotoryie aspekty etnicheskoi identifikatsii* (Mountain Jews of Caucasus: some aspects of ethnic identification). Tsentral'naia Aziia i Kavkaz: Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovani. 3, 191–200 (in Russian).

Vsemirnyi kongress gorskikh evreev: Gorskie evrei (World Congress of Mountain Jews: Mountain Jews). URL: [Горские евреи — Всемирный Конгресс Горских Евреев](#) (accessed 15.07.2025).

Ratanova, T.A., Shogenov, A.A. (2001). *Psikhologicheskie osobennosti etnicheskogo samosoznaniia gorskikh evreev i osetin (na materiale diaspor Kabardino-Balkarii)* (Psychological peculiarities of ethnic self-identification of Mountain Jews and Ossetins (at the example of diasporas in Kabardino-Balkaria). Psikhologicheskii zhurnal, 22 (3), 37–48 (in Russian).

Sinagoga Kele-Numaz: Tsentr religioznoi zhizni evreev Derbenta (Kele-Numaz Synagogue: Center of religious life of Jewish people in Derbent). URL: [Синагога Келе-Нумаз. Дербент](#) (accessed 15.07.2025).

Miagkov, I.F., Shcherbatykh, Iu.V., Kravtsova, M.S. (1996). *Psikhologicheskii analiz urovnia individualnoi religioznosti* (Psychological analysis of individual religiosity level). Psikhologicheskii Zhurnal, 1996, 17:6, 120–122 (in Russian).

Bogdanovskaia, I.M. (2015). *Anketa religioznykh orientatsii* (Questionnaire of religious orientations). In: Chumakova, D.N. (2015). Psikhologiya religioznosti

Dimitri L. SPIVAK, Gulchokhra N. SEIDOVA

| Comparative Mass Study of Religious Orientations of Present-Day Russian Citizens.

Paper 4: Judaists |

lichnosti (Psychology of personal religiosity). Kurganskii Gosudarstvennyi Universitet, 79–81 (in Russian).

Olport, G., Ross, J. (2005). *Shkala religioznoi orientatsii* (Scale of religious orientation). In: Posokhova, S.T. (2005). *Spravochnik prakticheskogo psikhologa. Psikhodiagnostika*. AST/Sova, 469-476 (in Russian). ISBN 5-17-0311163-X.

Allport, G.W., Ross, J.M. (1967). *Personal religious orientation and prejudice*. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5:4, 432–443. DOI:10.1037/H0021212.

Shakhbanova, M.M., Lysenko, Iu.M. (2019). *Religioznyi faktor v zhiznennykh ustanovkakh gorskikh evreev* (Religious factor in life attitudes of Mountain Jews). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noie upravlenie. Uchenyie zapiski*, 4, 255–261. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-255-261 (in Russian).

Дмитрий Леонидович СПИВАК, Гюльчохра Надировна СЕИДОВА

| Сопоставительное массовое исследование религиозных установок современных россиян.

Статья 4: иудаисты |

Дмитрий Леонидович СПИВАК

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
129366 Российская Федерация, Москва, ул. Космонавтов, д.2

Заведующий кафедрой ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, руководитель Центра фундаментальных исследований в сфере культуры
Доктор филологических наук
ORCID: 0000-0001-7276-5182
E-mail: d.spivak@mail.ru

Гюльчохра Надировна СЕИДОВА

Филиал Дагестанского Государственного университета в г. Дербент 3
68600 Российская Федерация, Республика Дагестан, Дербент, ул. Г. Алиева, д.11,
Доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала
Музей истории мировых культур и религий

368602 Российская Федерация, Республика Дагестан, Дербент, ул. Таги-заде, д.30А
Старший научный сотрудник

Дербентский государственный историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
368600 Российская Федерация, Республика Дагестан, Дербент, ул. Рзаева, д. 7

Научный сотрудник
Заведующая отделением по Северному Кавказу кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога
Старший научный сотрудник
Кандидат философских наук, доцент
ORCID: 0000-0003-2382-7564
E-mail: gseidova@yandex

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ МАССОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН. СТАТЬЯ 4: ИУДАИСТЫ

133

Группа из 101 иудаиста, мужчин и женщин разного возраста, в основном проживающих в Дагестане, была опрошена при помощи трех стандартных опросников, два из которых были разработаны российскими религиозными психологами, а третий представлял собой русскую версию известного американского опросника экстринзивной / интринзивной религиозности Олпорта-Росса. Исследование было выполнено в рамках более крупного проекта, направленного на систематическое изучение проблем и перспектив мировых религий в современном мире, который проводится в течение последнего десятилетия Кафедрой ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, под эгидой Международной Сети Кафедр ЮНЕСКО-ЮНИТВИН по межрелигиозному диалогу и межкультурному взаимопониманию. В результате исследования было установлено, что уровень религиозности иудаистов является высоким, а сама она

обладает достаточно гармоничной структурой. По данным изучения разных половозрастных групп дагестанских иудаистов, было установлено, что основную особенность данного этнорелигиозного сообщества составляет наличие существенных различий между религиозностью молодых и старых мужчин: первые были значительно менее активны, чем вторые, по части личных молитв, чтения сакральной литературы, следования религиозным ритуалам и посещения синагоги. Пожилые мужчины были также существенно более интринзивно-ориентированы, чем молодые мужчины, и значительно меньше подвержены влиянию современной нетрадиционной духовности (женщины, как молодые, так и старшего возраста, занимали обычно промежуточное положение между указанными двумя группами мужчин). Учет выявленных таким образом закономерностей может способствовать оптимизации государственной культурной политики, а также стратегии ЮНЕСКО.

Дмитрий Леонидович СПИВАК, Гюльчохра Надировна СЕИДОВА

| Сопоставительное массовое исследование религиозных установок современных россиян.

Статья 4: иудаисты |

Ключевые слова: религиозные установки, религиозная психология, иудаизм, половозрастные

различия, массовые обследования, межрелигиозный диалог, стратегия ЮНЕСКО.

Список литературы

Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2022). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 1: Shiites*. International Journal of Cultural Research, 3(48), 150–166. DOI: 10.52173/2079-1100-2022-3-150.

Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2023). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 2: Sunni Muslims* // International Journal of Cultural Research, 2(51), 115–127. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_115.

Spivak, D.L., Seyidova, G.N. (2024). *Comparative mass study of religious orientations of present-day Russian citizens. Paper 3: Russian Orthodox Christians*. International Journal of Cultural Research, 1(54), 128–140. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_1_128.

Istoriia i kul'tura gorskikh evreev (History and culture of Mountain Jews) (2018). Ed. Nazarova, E.M., Semenov I.G. Vsemirnyi Kongress Gorskikh Evreev. ISBN: 978-7164-0767-1 (in Russian).

Chlenov, M.A. (2000). *Mezhdru Stsiloi deiudaizatsii i Kharibdoi sionizma: gorskie evrei v XX veke* (Between Scylla of dejudaisation and Charybdis of Zionism: Mountain Jews in the 20th century). Diaspory: Nezavisimy nauchnyi zhurnal. 3, 174–197 (in Russian).

Tishkov, V.A., Kisriev, E.F. (2007). *Mnozhestvennyie identichnosti: mezhdru teoriei i politikoi (primer Dagestana)* (Multiple identities: between theory and politics (example of Daghestan). 5, 96–115 (in Russian).

Semenov, I.G. (2003). *Gorskie evrei Kavkaza: nekotoryie aspekty etnicheskoi identifikatsii* (Mountain Jews of Caucasus: some aspects of ethnic identification). Tsentral'naia Aziia i Kavkaz: Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovani. 3, 191–200 (in Russian).

Vsemirnyi kongress gorskikh evreev: Gorskie evrei (World Congress of Mountain Jews: Mountain Jews). URL: [Горские евреи — Всемирный Конгресс Горских Евреев](#) (accessed 15.07.2025).

Ratanova, T.A., Shogenov, A.A. (2001). *Psikhologicheskie osobennosti etnicheskogo samosoznaniia gorskikh evreev i osetin (na materiale diaspor Kabardino-Balkarii)* (Psychological peculiarities of ethnic self-identification of Mountain Jews and Ossetins (at the example of diasporas in Kabardino-Balkaria). Psikhologicheskii zhurnal, 22 (3), 37–48 (in Russian).

Sinagoga Kele-Numaz: Tsentr religioznoi zhizni evreev Derbenta (Kele-Numaz Synagogue: Center of religious life of Jewish people in Derbent). URL: [Синагога Келе-Нумаз. Дербент](#) (accessed 15.07.2025).

Miagkov, I.F., Shcherbatykh, Iu.V., Kravtsova, M.S. (1996). *Psikhologicheskii analiz urovnia individualnoi religioznosti* (Psychological analysis of individual religiosity level). Psikhologicheskii Zhurnal, 1996, 17:6, 120–122 (in Russian).

Bogdanovskaia, I.M. (2015). *Anketa religioznykh orientatsii* (Questionnaire of religious orientations). In: Chumakova, D.N. (2015). *Psikhologiya religioznosti lichnosti* (Psychology of personal religiosity). Kurganskii Gosudarstvennyi Universitet, 79–81 (in Russian).

Olport, G., Ross, J. (2005). *Shkala religioznoi orientatsii* (Scale of religious orientation). In: Posokhova, S.T. (2005). *Spravochnik prakticheskogo psikhologa. Psikhodiagnostika*. AST/Sova, 469–476 (in Russian). ISBN 5-17-0311163-X.

Allport, G.W., Ross, J.M. (1967). *Personal religious orientation and prejudice*. Journal of Personality and Social Psychology, 5:4, 432–443. DOI:10.1037/H0021212.

Shakhbanova, M.M., Lysenko, Iu.M. (2019). *Religiozniy faktor v zhiznennykh ustanovkakh gorskikh evreev* (Religious factor in life attitudes of Mountain Jews). Gosudarstvennoe i munitsipal'noie upravlenie. Uchenyie zapiski, 4, 255–261. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-255-261 (in Russian).

Международный журнал исследований культуры № 2 (59) 2025

Научное рецензируемое электронное издание

International Journal of Cultural Research # 2 (59) 2025

Peer-reviewed scientific e-journal

ISSN 2079–1100

www.culturalresearch.ru

Журнал входит в перечень
рецензируемых научных изданий

WEB OF SCIENCE
RSCI

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
Министерства образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA
Научная электронная
библиотека

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

ТЕМА НОМЕРА:

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ

Приглашенный редактор выпуска: *Артем Евгеньевич РАДЕЕВ*

Ответственный редактор: *Алина Владимировна ВЕНКОВА*

The MAIN TOPIC of the ISSUE:
PRACTICAL AESTHETICS AND CULTURAL MECHANISMS

Guest Editor: *Artem E. RADEEV*
Managing Editor: *Alina V. VENKOVA*

Обложка: Степанов М., 2024.

Cover Picture: Степанов М., 2024.

01.07.2025

Дизайн и оригинал макет

Издательство «ЭЙДОС»

Design & layout
Publishing House EIDOS

www.eidos-books.ru